

63.4(5Каб)
К 90

КУЛЬТУРА
ДРЕВНИХ
СКОТОВОДОВ
И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
КАЗАХСТАНА

35808

АЛМА-АТА • 1969

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

КУЛЬТУРА
ДРЕВНИХ
СКОТОВОДОВ
И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
КАЗАХСТАНА

35808

04 эк

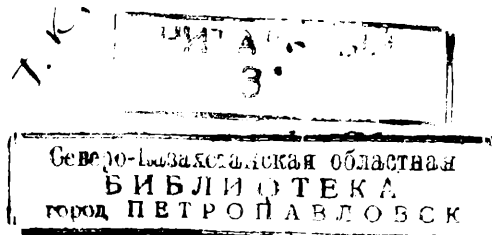
Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА-1969

В сборнике публикуются археологические материалы, собранные на территории Казахстана за последние годы, впервые вводятся в историческую науку новые открытия, уникальные находки, ранее неизвестные памятники и палеоантропологический материал. В историко-археологических выводах содержатся свежие мысли и оригинальные гипотезы.

Сборник охватывает сведения по всем разделам археологии Казахстана. Рассчитан на археологов, историков, этнографов, антропологов и на широкий круг специалистов, интересующихся древностями Казахстана.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
К. А. АКИШЕВ

1—6—2
90—69м

глубокой древности на территории современного Казахстана сложились две формы хозяйства — кочевое скотоводство и богарное и поливное земледелие. Соответственно им у этнически родственных племен возникли и развивались две культуры — кочевническая и земледельческая. Общества, где развивались эти культуры, не противостояли друг другу как антагонисты, хотя войны и столкновения были неизбежны, а сосуществовали в тесном контакте и во взаимной зависимости.

Этот исторический процесс развития древних культур определил направление археологического изучения Казахстана, начиная с первых работ, проводимых здесь на научной основе, т. е. с раскопок В. В. Радлова в 1866 г. курганов в Семиречье и с поездки П. Лерха в 1867 г. на городище Джанкент. Такая комплексная направленность изучения древностей Казахстана продолжается в настоящее время и перспективно определена на будущее.

Однако на разных этапах развития археологической науки республики были свои задачи: регистрация и картирование древностей, изучение исторической топографии памятников, сбор подъемного материала и датировочные раскопки, преимущественное исследование памятников одной культуры или одного раздела археологии.

За последнее десятилетие (1957—1967 гг.) усилия казахстанских археологов направлялись по пути изучения в основном памятников первобытного общества. В будущем они должны быть сосредоточены главным образом на изучении памятников средневековой культуры, особенно земледельческой.

Все изданные казахстанские археологические сборники содержат материалы и кочевнической, и земледельческой культур. В данном сборнике продолжается эта традиция.

Сборник посвящен неизвестным находкам, памятникам и материалам полевых работ за несколько последних лет. Статьи и сообщения хотя и дают общее представление о проводимых работах, но являются лишь частью научных итогов. Здесь представлены материалы не только по археологии, но и антропологии (О. Исмагулов) и нумизматике (Р. З. Бурнашева); их авторами являются как археологи Академии наук Казахской ССР, так и работающие в следующих учебных заведениях и учреждениях: Усть-Каменогорском педагогическом институте (Ф. Х. Арсланова), Семипалатинском педагогическом институте (Л. А. Чалая), Карагандинском (М. Н. Клапчук) и Северо-Казахстанском (Б. Г. Зданович) областных историко-краеведческих музеях.

В публикуемых работах сохранены все предложенные выводы и датировки, поэтому они должны считаться точкой зрения лишь авторов.

Иллюстрационные графические работы выполнены П. В. Агаповым, П. И. Сон и Г. Б. Демченко, а фотографии — О. В. Медведевым.

К. Акишев

К. А. АКИШЕВ, К. М. БАЙПАКОВ, Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

В

археологическом отношении Южный Казахстан в настоящее время исследован значительно полнее, чем другие районы республики. Этому в немалой степени способствовали работы Южно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Н. Бернштама (1947—1956 гг.), а также Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Х. Маргулана. Среди научных итогов работ экспедиций необходимо выделить постановку проблемы этногенеза народов Южного Казахстана, разработку хронологии керамики, изучение исторической топографии поселений и городов бассейнов рек Сыр-Дарьи (среднее течение), Арыси и Таласа, южных и северных склонов Каратау¹.

¹ Об основных научных итогах работ см.: А. Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 1, 1948, стр. 109—115; Егоров. Из истории городов и строительного искусства

В 1966—1967 гг. отряд Семиреченской археологической экспедиции провел рекогносцировку среднего течения Арыси, южных и северных предгорьев Каратау, среднего течения Сыр-Дарьи, низовьев рек Сары-Су и Таласа, а также микроразведку Отрарского оазиса². Основной целью его работ являлась подготовка к предстоящим раскопкам памятников Отрарского оазиса и смежных с ним районов: фиксация новых памятников оседлой культуры, составление карты Отрарского оазиса, уточнение некоторых неясных вопросов, связанных с местонахождением городищ, их датировкой и отождествлениями.

В результате разведки в среднем течении р. Арысь и в долинах ее притоков Боролдая и Бадама, кроме уже известных Джуван-тобе и Караспан-тобе³, зафиксированы остатки еще трех средневековых городищ: Шор-тобе и Узун-тобе по р. Арысь и Ак-тобе по р. Боролдай, 14 тобе⁴ и 5 сторожевых курганов по левому берегу р. Арысь.

ва древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; А. Н. Бернштам. Древний Отрар. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 3, 1951, стр. 81—97; Его же. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 2, 1950, стр. 59—99; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958, стр. 3—215; Е. И. Агеева. Керамика Южного Казахстана. Автореф. канд. дисс., Л., 1953; Её же. Раскопки на городище Баба-Ата (1953—1954). «Изв. АН КазССР, серия истор., эконом., филос. и права», вып. 1, 1954, стр. 75—82; Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, стр. 57—215.

² В работах участвовали: К. А. Акишев — начальник отряда, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович, Б. Н. Нурмуханбетов — научные сотрудники, В. И. Садомсков — реставратор, О. В. Медведев — фотограф.

³ До революции в этом районе были обследованы Караул-тобе и Джуван-тобе в связи с находкой клада монет (К. М. Боронин. Находка клада монет близ с. Мамаевка в Чимкентском уезде в 1893 г. «Среднеазиатский вестник», 1896, № 9, стр. 17—18). Часть монет определена М. Е. Массоном и датирована концом XIII—началом XIV в. (М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, 1928, стр. 289). Н. П. Остроумовым было раскопано несколько курганов Бурджаринского могильника и заложены шурфы на городище Джуван-тобе и бугре Альвакенд на берегу Бадама. (Н. П. Остроумов. Археологическая поездка в селение Мамаевку. ПТЖЛА, 1899, год IV, стр. 118—137). В 1915 г. несколько городищ среднего течения р. Арысь были осмотрены В. Д. Городецким. (В. Д. Городецкий. К археологии Чимкентского уезда. «Изв. Туркест. отдела РГО», т. 15, 1922, стр. 94—103). Городище Джуван-тобе исследовалось Южно-Казахстанской археологической экспедицией в 1953 г. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. I, 1956, стр. 51—53, 107—109; А. Н. Бернштам. Древний Отрар, стр. 90.

⁴ Тобе представляет собой двухъярусные или одноярусные бугры подчетырехугольной и овальной в плане формы, площадью 0,02—2 га. Это, по всей вероятности, остатки укрепленных поселений, усадеб и замков. Аналогичные памятники интерпретируемые так же, известны в Усрушане (Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Душанбе, 1957, стр. 117), Бухарском оазисе (В. А. Шишкин. Варахша. Ташкент, 1963, стр. 128—129, 146), Чаче (А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента. Материалы по археологии Узбекистана», т. I, 1948,

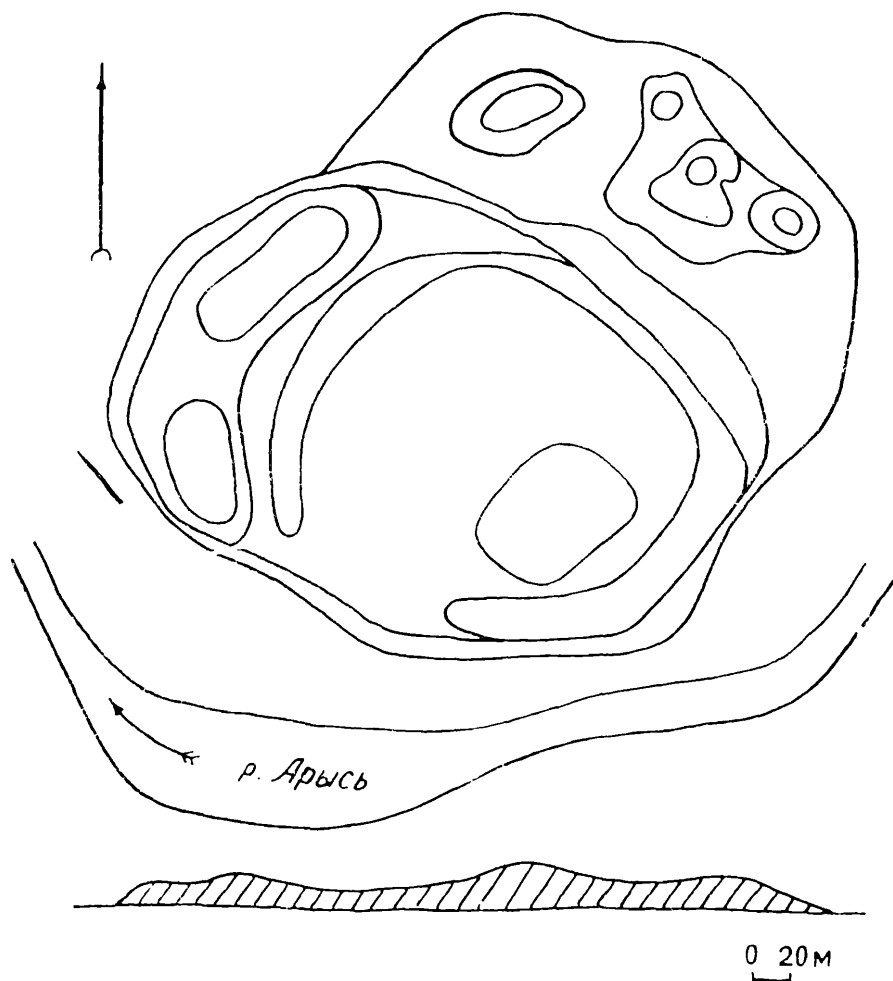

Рис. 1. План городища Шор-тобе.

Из них особый интерес представляют городища Шор-тобе и Узун-тобе, выделяющиеся своими значительными размерами.

Городище Шор-тобе находится на правом берегу р. Арысь, на юго-западной окраине с. Тамерлановка. Это овальный в плане бугор высотой 5—10 м. Наибольшая его протяженность 320 м с запада на восток и 260 м с юга на север.

стр. 71—133). Особенно хорошо укрепленные усадьбы исследованы в Хорезме (Е. Е. Неразик. Сельские поселения Афригидского Хорезма. М., 1966).

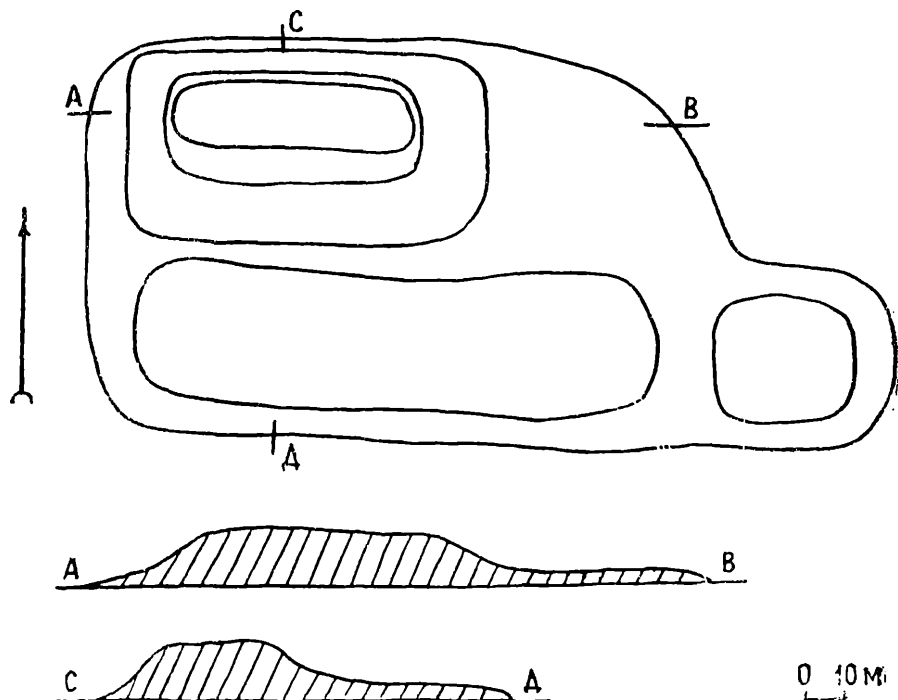

Рис. 2. План городища Узун-тобе.

Цитадель находится на западной части городища. Это подковообразное возвышение, уплощенное сверху, высота которого 20 м. В южной части городища возвышается куполообразный холм высотой 12 м и диаметром 50 м. С северной стороны к городищу примыкает укрепленный рабад — возвышенная на 2—2,5 м площадка, размер которой 100×350 м. На ней прослеживаются многочисленные бугры — остатки сооружений. С северо-западной стороны городище окружено рвом, когда-то заполнявшимся водой из р. Арысь, с которой он был соединен канавами. Ныне ширина рва 10—15 м, глубина 2—4 м. Сейчас территория городища занята мусульманским кладбищем. При рытье могил наружу выбрасывается множество черепков посуды. Большинство их датируется VII—XII вв. Встречаются фрагменты керамики также XIII—XIV вв.

Городище Узун-тобе находится на левом берегу р. Арысь, на территории с. Чубаровка. Это высокий, подчетыреугольный в плане бугор, вытянутый с запада на восток на 200 м, а с севера на юг — на 100 м. Цитадель городища, расположенная в северо-западном углу,

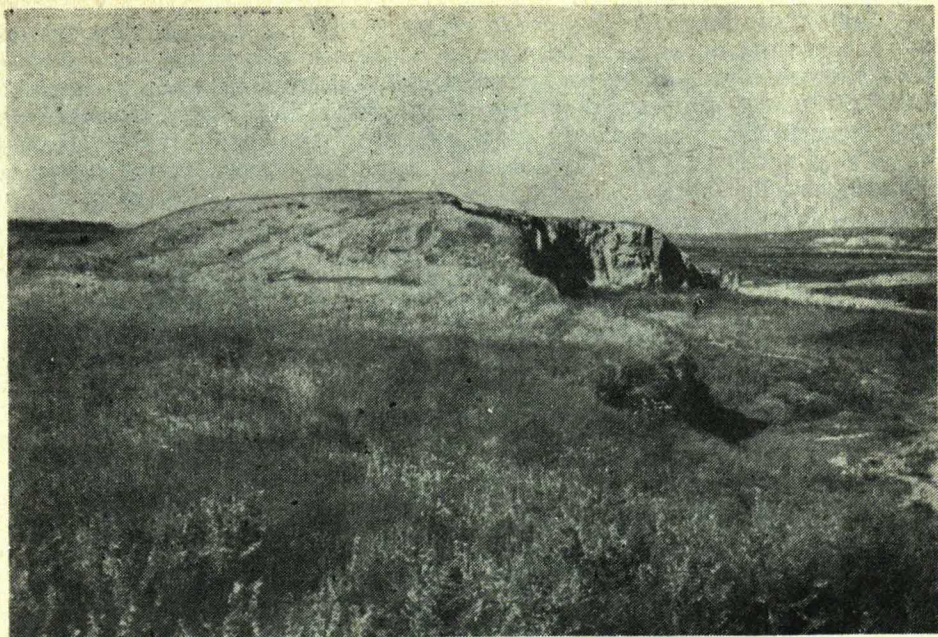

Рис. 3. Городище Боролдай I.

представляет собой пирамидальный холм с крутыми отвесами. Высота холма 15 м, вершина плоская, размер площадки на ней 90×50 м. Со всех сторон городище окружено рвом шириной 10—15 м и глубиной 3—5 м. Восточная часть городища ныне прорезана дорогой. Керамика, собранная здесь, позволяет датировать жизнь городища VII—XVI вв.

Городище Ак-тобе находится на левом берегу р. Боролдай в 0,5 км западнее с. Заречное. Оно представляет собой подквадратный в плане бугор, ориентированный углами по странам света. Северо-западная часть Ак-тобе смыта р. Боролдай. Эта сторона городища равна 110 м, сохранившаяся часть северо-восточной стены достигает 150 м. В центре возвышается на 10 м пирамидальный бугор — остатки цитадели. Площадка на его вершине равна 25×25 м. Высота бугра шахристана 2—3 м. К шахристану с восточной и северной сторон примыкает неукрепленный рабад, часть которого распахана. Рабад отделен от шахристана рвом, соединенным с р. Боролдай. Ширина рва 15—20 м, глубина 2—2,5 м. Городище датируется подъемным материалом VII—XII вв.

Городище Бадам-тобе находится на левом берегу р. Бадам, на северо-восточной окраине с. Обручевка, в виде двух бугров высотой 5—6 м. Южный бугор имеет подчетыреугольную в плане форму с сильно закругленными углами; площадь его в основании 100×50 м, сверху он плоский. Северный холм овальной в плане формы имеет длину 30 м и ширину 15 м. Подъемный материал датирует памятник VII—X вв.

Рис. 4. Городище Яны-Курган I.

Кок-Арык-тобе находится на левом берегу р. Арысь, возле пионерского лагеря «Чимкентстрой». Это двухъярусный холм квадратной в плане формы. Наиболее высокая часть холма находится в восточной стороне яруса (2,5 м, площадка наверху 8×10 м). Более низкая часть яруса имеет высоту 1 м и размер в основании 20×25 м.

На основании подъемного материала можно датировать Кок-Арык-тобе VII—XIII вв.

Арыс-тобе I расположен на правом берегу р. Арысь, в 1 км к западу от перекрестка дорог Чимкент — Тамерлановка и Тамерлановка — Арысь. Это подчетыреугольный в плане бугор, ориентированный углами по странам света. Размер бугра в основании 50×45 м,

высота в северной части около 10 м, вершина плоская, двухъярусная площадка. Северная, высокая, площадка имеет размер 20×10 м, южная, низкая, — 20×8 м. В южной части от основного бугра тянется пологий шлейф длиной 60 м и шириной 20 м.

Подъемный материал, собранный на поверхности городища, позволил датировать его VII—X вв.

Арыс-тобе II находится на правом берегу р. Арысь. Это три расположенных рядом бугра. Два из них подчетырехугольной в плане формы. Южный имеет в основании длину 60 м по линии СЮ и 45 м по линии ЗВ. Высота бугра 5 м. На его вершине, в южной части, расположена площадка размером 10×7 м.

Северный бугор также подчетырехугольный в плане, плоский сверху; имеет длину 55 м по линии СЮ и 25 м по линии ЗВ. Высота его 2,5 м.

Западный бугор, овальный в плане, вытянут по линии СЮ. Длина его 50 м, ширина 20 м, наибольшая высота 7 м.

Датируется подъемным материалом VII—X вв.

Шубар-тобе I находится на левом берегу р. Арысь, в пойме, на восточной окраине с. Чубаровка. Представляет собой квадратный в плане плоский бугор, ориентированный углами по странам света. Размер его 150×150 м, высота 4,5 м. Наиболее возвышенная часть бугра — западная, к востоку он понижается. Со всех сторон, кроме южной, которая примыкает к р. Арысь, городище окружено рвом шириной 5—7 м и глубиной до 2 м.

Подъемный материал датирует памятник VII—X вв.

Шубар-тобе II находится на правом берегу р. Арысь, почти напротив городища Шубар-тобе I. Это плоский прямоугольный бугор высотой 6—7 м. В центре его наблюдается пологая впадина. Длина бугра 70 м по линии ЗВ и 50 м по линии СЮ.

Подъемный материал датирует памятник VII—X вв.

Кзыл-тобе находится на левом берегу р. Арысь, на территории бригады колхоза «Джусантай», в 5 км восточнее с. Чубаровка, и представляет собой высокий овальный в плане бугор, вытянутый по линии СЮ. Длина его 100 м, ширина 50 м. Наиболее возвышенная часть — северная, высота которой над окружающей поверхностью 18 м. К югу холм покатый. В северной части на вершине расположена квадратная площадка (20×20 м).

Со всех сторон городище окружено рвом шириной 6—8 м и глубиной 0,5—1 м.

Подъемный материал датирует городище VII—X вв.

Джусантай-тобе расположен на левом берегу р. Арысь, в 4 км от Кзыл-тобе, вверх по течению реки. Это подчетырехугольный в плане бугор с закругленными углами. В основании он равен 100 м по линии

СЮ и 80 м по линии ВЗ. В северной части тобе находится возвышенный участок в виде пирамидального холма высотой 1,5 м над окружающей поверхностью. Наверху его прямоугольная площадка размером 30×35 м. Нижний ярус тобе имеет высоту 4—7 м. Датируется тобе на основании собранной на его поверхности керамики VII—X вв.

Боролдай-тобе I находится на правом берегу р. Боролдай, в 3 км западнее с. Кок-тобе. В плане представляет четырехугольный бугор, ориентированный углами по странам света. Длина его в основании 65 м по линии СЗ — ЮВ и 40 м по линии ЮЗ — СВ. Наиболее возвышенная часть в виде плоского пирамидального бугра расположена в северо-западном углу, высота ее над уровнем местности 10 м. Размер площадки на его вершине 20×10 м. Высота нижнего яруса бугра 4—5 м. С юго-восточной стороны тобе частично подмыто р. Боролдай.

В обнажении отчетливо прослеживается стратиграфия памятника. Поселение было построено на мощной пахсовой платформе толщиной около 5 м, которая была необходима для защиты строений от паводков. В стратиграфии городища прослеживаются два слоя, разделенные прослойкой лессовой глины и гальки. Толщина прослойки 20—30 см. Нижний слой состоит из рыхлой земли серого цвета, насыщенной углями и золой. В слое наблюдаются остатки строительных конструкций из сырцового кирпича размером 50×25×7 см. Толщина слоя 80—150 см. Верхний слой также серого цвета, насыщен золисто-угольными прослойками. Здесь удастся проследить некоторую архитектурно-строительную планировку — несколько полуразрушенных стенок из длинного сырцового кирпича, пространство между которыми заполнено серой землей. Толщина верхнего слоя 2—2,5 м.

На основании подъемной керамики Боролдай-тобе I можно отнести к VII—X вв.

Боролдай-тобе II находится в 2 км южнее с. Кок-тобе. Это два расположенных рядом бугра высотой по 3 м. Первый имеет подпрямоугольные очертания, размер его в основании 18×40 м. Наверху площадка размером 8×10 м. Второй бугор овальный в плане, вытянут по линии СЮ. Длина его 40 м.

Подъемный материал датирует памятник VII—VIII вв.

Кок-тобе находится на правом берегу р. Боролдай, на восточной окраине одноименного села, и представляет собой плоский подчетыреугольный в плане бугор, ориентированный длинной стороной по линии СЗ—ЮВ. Длина его сторон: СВ—50 м, СЗ—30 м, ЮВ—50 м, ЮЗ—75 м. Наиболее возвышенная северо-восточная часть бугра имеет высоту 10 м. Городище с юго-западной стороны подмыто р. Боролдай.

Датируется Кок-тобе подъемным материалом VII—X вв.

Жар-тобе находится на левом берегу р. Боролдай, в пойме, в 2 км восточнее усадьбы совхоза им. XXII партсъезда. Западная половина

смыта р. Боролдай. Судя по оставшейся части, памятник представлял собой подчетыреугольный в плане бугор (85×85 м). В центре находится плоский бугор с площадкой наверху. Высота бугра 7,5 м, размер площадки 25×25 м. Со всех сторон, кроме приречной, тобе окружено ровом. Ныне его ширина 3—5 м, глубина 1,5—2 м.

Датируется тобе подъемным материалом VII—X вв.

Ак-тобе I находится на левом берегу р. Боролдай, на восточной окраине с. Заречное. Это круглый, в плане плоский бугор диаметром 50 м и высотой 6 м. На вершине его имеется круглая площадка диаметром 20 м.

Датируется на основании подъемной керамики VII—X вв.

Сары-тобе находится на левом берегу р. Боролдай, в 5 км восточнее усадьбы совхоза им. XXII партсъезда. Это овальный в плане бугор диаметром 60 м и высотой 6 м. На вершине его находится круглая площадка диаметром 30 м.

Датируется на основании подъемной керамики VII—VIII вв.

Своеобразными памятниками в среднем течении р. Арысь являются сторожевые курганы — караул-тобе, из которых обследовано пока пять. Все они находятся на высоком левом берегу р. Арысь. Расстояние между ними 8—10 км. Курганы расположены так, что с каждого из них виден соседний караул-тобе, и в то же время эти курганы видны с каждого тобе или городища, расположенных в пойме.

Наиболее тщательно был исследован сторожевой курган напротив Мамаевки — Караул-тобе III и напротив Обручевки — Караул-тобе IV.

Караул-тобе III представляет собой подчетыреугольный в плане трапецевидный бугор высотой 18 м.

Караул-тобе IV представляет собой два подчетыреугольных бугра, расположенных на расстоянии 150 м один от другого. Высота бугров 7—8 м. На вершине одного из них был заложен шурф 3×3 м, доведенный до глубины 2,5 м. Никаких строительных конструкций не обнаружено, курган насыпной.

Район среднего течения р. Арысь в свое время был отождествлен В. В. Бартольдом с округом Кенджида арабо- и персоязычных источников с главным городом Усбаникетом⁵. С конца XII в. вместо Усбаникета в источниках появляются местность и город Карасеман (XIV—на-

⁵ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III. М., 1965, стр. 233—234. Сообщения об округе Кенджида и главном г. Усбаникете (Арсубаникет, Субаникет) имеются у Истахри, Макдиси, ибн-Хаукаля, в «Худуд ал-Алем» Якута (См.: С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960, стр. 78, 80—81, 85; Е. К. Бетгер. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн-Хаукаля. «Тр. САГУ», вып. CXI, исторические науки, кн. 25, археология Ср. Азии. IV, 1957, стр. 24; «Худуд ал-Алем». Рукопись Туманского. С введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930, л. 24 б.).

чало XV в.)⁶. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич отождествляют город Усбаникет с городищем Джуван-тобе, а Карасеман — с Караспан-тобе⁷.

Не возражая против последнего⁸, приходится усомниться в возможности отождествления Усбаникета с Джуван-тобе, так как в непосредственной близости от Джуван-тобе обнаружено другое крупное городище — Шор-тобе.

С 1270 г. известен чекан серебряных диргемов государства джатаидов, среди которых встречается чекан Кенджде⁹. Ряд исследователей отождествляют этот город с Испиджабом¹⁰. Не исключена, однако, возможность, что чекан Кенджде в данном случае является отзвуком раннесредневекового округа Кенджиде¹¹, или же существовал одноименный город, который так или иначе следует локализовать на среднем течении р. Арысь, севернее Испиджаба.

У ал-Макдиси в списке городов округа Испиджаба, включавшего и города Кенджиды, встречается название города Яганкента¹². С. Волин обратил внимание на отрывок из «Абдулла-намэ», указывающий месторасположение города (1581 г.): «Абдулла-хан... расположился лагерем на берегу реки Арс, в окрестностях Яганкента, в Кушулуше, реки Буралдай»¹³. На правобережье р. Арысь, у впадения Боролдая, наиболее поздняя керамика в подьемном материале встречается лишь на городище Узун-тобе, которое, видимо, можно отождествить со средневековым Яганкентом.

Таким образом, в среднем течении р. Арысь открыто свыше двух десятков ранее неизвестных средневековых памятников. Все они рас-

⁶ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 112, 159; В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 292—293.

⁷ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 108—109.

⁸ На Караспан-тобе в обилии встречается поливная керамика монгольского времени.

⁹ М. Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике джатаидов. «Тр. САГУ», новая серия, СХІ, исторические науки, кн. 25, археология Ср. Азии, IV. Ташкент, 1957, стр. 76; В. Д. Жуков. Чекан Кенджде и анэпиграфические монеты в Дункентском кладе. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, 1961, стр. 307—312; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956, стр. 32.

¹⁰ М. Е. Массон. Указ. раб., стр. 76; В. Д. Жуков. Указ. раб., стр. 307.

¹¹ Аналогичное явление наблюдается, например, для одновременных монет с чеканом Фараба (см.: М. Е. Массон. Указ. раб., стр. 76—77).

¹² С. Волин. Сведения арабских источников..., стр. 80—81.

¹³ Там же, стр. 81, примеч. 51. В. П. Юдин переводит последнюю фразу: «...в окрестностях Иаканкента, при впадении (в Арысь) реки Буралдай». См. его рец. на книгу С. Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии». «Изв. АН КазССР, серия обществ.», вып. 1, 1968, стр. 65, примеч. 3.

положены на сравнительно небольшой площади (около 30 км по течению реки), что свидетельствует об интенсивности жизни этого района в VII—XVI вв. Сам характер работ пока не позволяет делать какие-либо окончательные выводы. Это дело дальнейших археологических

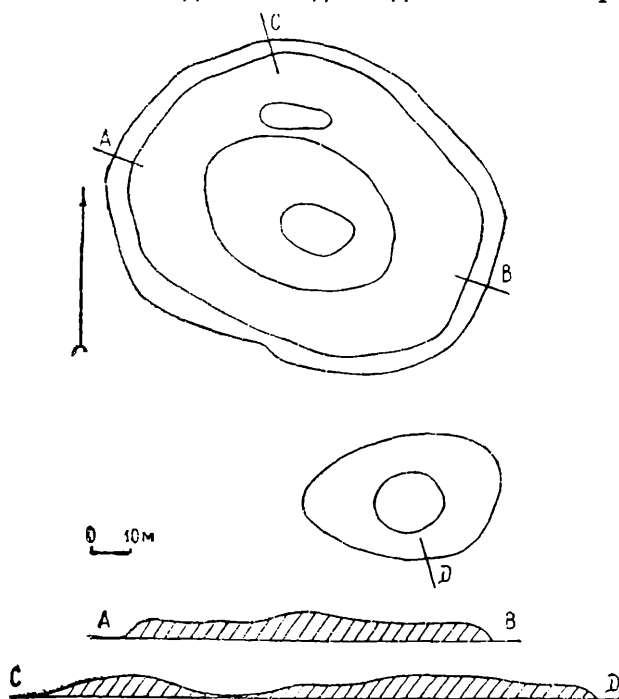

Рис. 5. План городища Яны-Курган I.

исследований. Однако бесспорно, что в среднем течении Арыси находился один из важнейших культурно-экономических центров средневекового Казахстана. Новые археологические данные достаточно убедительно подтверждают сообщения письменных источников о расположении здесь округа Кенджида с городом Усбаникетом.

Разведка в среднем течении Сыр-Дарьи также выявила ряд новых, ранее неизвестных памятников. Это прежде всего группа городищ неподалеку от Яны-Кургана. Центральное городище Яны-Курган находится справа от дороги Туркестан — Кызыл-Орда, в 8—10 км от одноименного поселка. Это овальный в плане, уплощенный сверху бугор диаметром 100 м. Центральная часть бугра более возвышенная — 6—8 м, тогда как общая его высота 4—5 м. В 20 м южнее

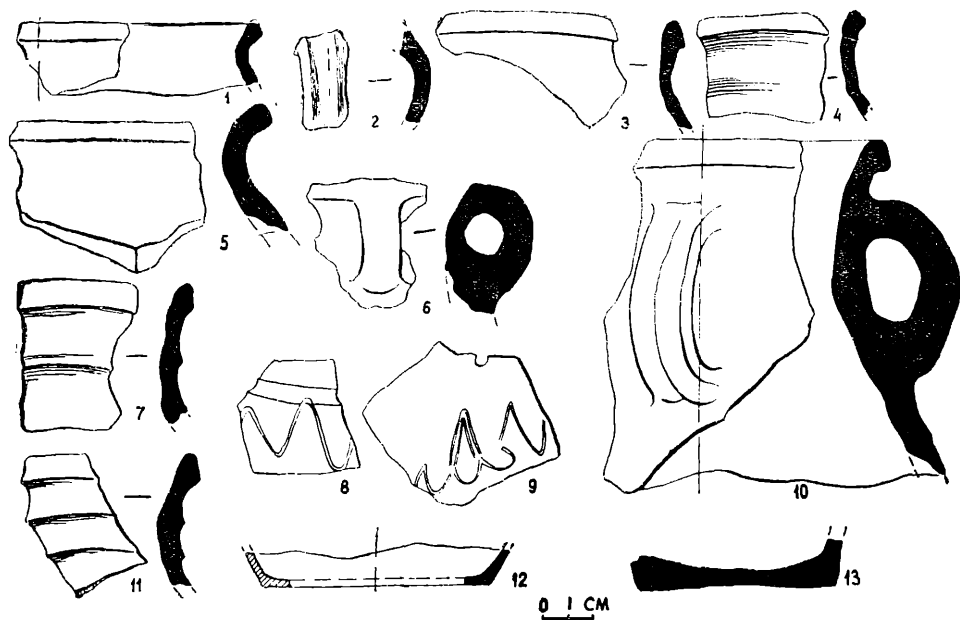

Табл. I. Керамика городища Яны-Курган I.

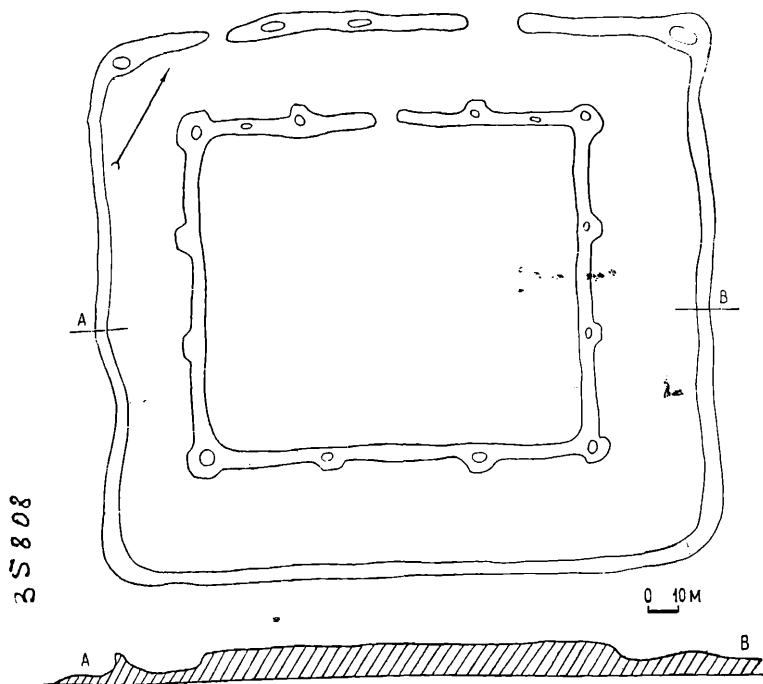

Рис. 6. План городища Бестам.

находится еще один бугор диаметром 50 м и высотой 2—4 м также с возвышенной серединой.

Вдоль дороги полосой, длина которой 12 км, ширина 2—4 км, и вдоль сухого русла р. Акуик разбросаны 4 тобе диаметром 30—50 м и высотой 2—4 м. Они дают одинаковый с Яны-Курганом подъемный материал.

Все эти городища интересны прежде всего обилием керамики, которую предварительно можно датировать I—VII вв.

Исключительный интерес также представляют городища, расположенные в среднем течении Сыр-Дарьи, ближе к южным предгорьям Каратау — Бестам и Нансай.

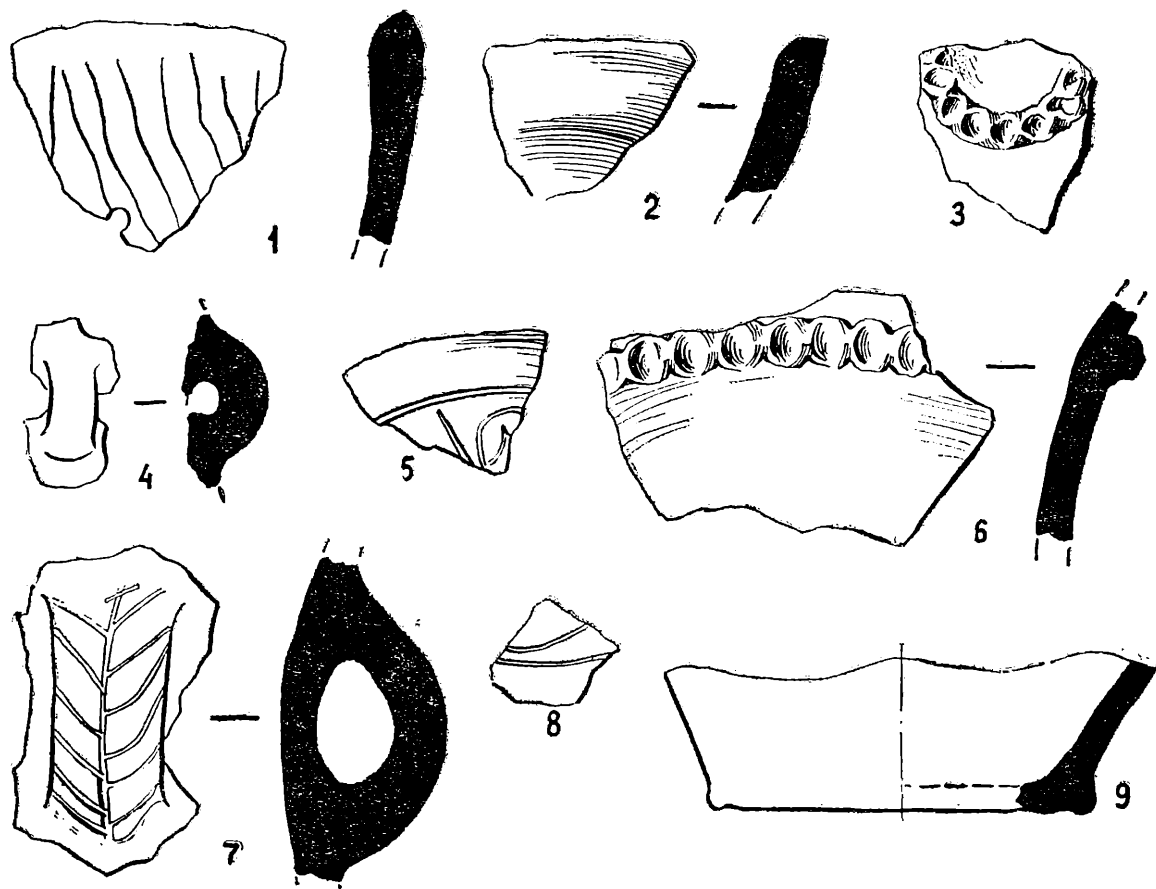

Табл. II. Керамика городища Бестам.

Городище Бестам находится в 3 км к северу от поселка Жидели-Арык. Это подчетырехугольный плоский бугор высотой 2,5—3 м, окруженный стеной из сырцового кирпича. Сторонами городище ориентировано по странам света, длина его с севера на юг 130 м, с запада

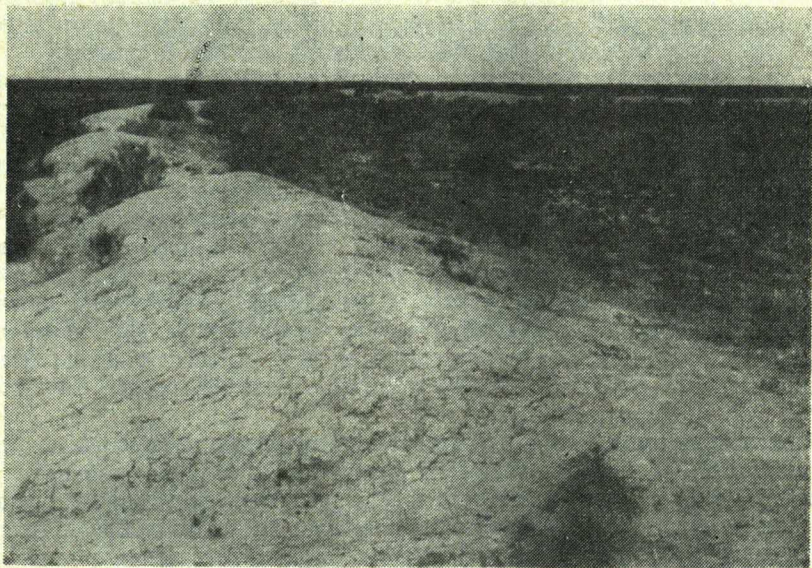

Рис. 7. Городище Нансай.

на восток — 110 м. По углам стены укреплены сильно выступающими наружу башнями квадратной в плане формы. Еще по две таких же башни усиливают каждую из стен. Снаружи, на расстоянии 30 м, все городище опоясано еще одной стеной, сохранившейся на высоту около 2 м. Въезд на территорию городища прослеживается в середине северо-западной стены.

Керамика, собранная на городище, кажется архаичной. Сделана она из грубого дресвяного теста. По форме это кувшины, горшки, крышки. Поверхность их украшена прорезным и прочерченным орнаментом. Близка ей керамика с гузских городищ низовьев Сыр-Дарьи¹⁴.

Городище Нансай находится на правом берегу одноименного высохшего русла, в 15 км от главной усадьбы совхоза «Ак-Тоган». Это подчетырехугольная в плане площадка, окруженная стенами, сохранившимися на высоту 1,5—2 м. Городище ориентировано сторонами по

¹⁴ С. П. Толстов. По древним руслам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 116, 3.

странам света, северная и южная стороны имеют длину 160 м, западная и восточная — 180 м. Внутри, почти в самом центре, находится квадратное сооружение 15×15 м в виде четырехугольной площадки высотой около 1,5 м. К нему с востока примыкает окруженный оплывшей стеной участок площадью 50×70 м. Вокруг городища прослеживается ров шириной 8—10 м и глубиной 0,5 м. Внутри городища ведут два въезда, устроенные в середине северной и южной сторон.

Как видно из описания, топография городища Нансай не характерна для памятников средневековой оседлоземледельческой культуры юга Казахстана. Она напоминает топографию городов-ставок Илийской долины, Центрального Тянь-Шаня и других районов, где господствовали сильные кочевнические традиции¹⁵. К сожалению, подъемный материал с городища крайне малочисленный и невыразительный.

В Отрарском оазисе была составлена карта расположения памятников и тщательно обследованы городища южной и северо-восточной частей, особенно на левобережье р. Арысь, где центральным является городище Кок-Мардан, а крайним на юге — Ахай-тобе. При этом собраны значительные коллекции керамики I—IV вв. на городище Ак-тобе Чиликском и IV—VII вв. на городищах Пшик-Мардан, Кос-тобе и других.

Некоторые изменения в существующие датировки и отождествления внесли обследования городищ Бузук-тобе (на правом берегу Сыр-Дарьи) и Оксус (на левом берегу Сыр-Дарьи). Первое городище, датированное вплоть до XV в.¹⁶, едва ли доживет до начала XIV в. Подъемный материал Оксуса показал, что окончание его жизни, относимое ранее к XIII—XV вв.¹⁷, следует датировать XII — началом XIII в. В связи с этим, соглашаясь с локализацией на месте Оксуса летописного Весиджа, известного в письменных источниках X—XII вв.¹⁸, не представляется возможным отождествление с Оксусом Зернука, известного в источниках XIII—XIV вв.¹⁹.

Разведка в низовьях Сары-Су и Таласа, а также на северных склонах Каратау выявила новые городища — Беркутты I и Беркутты II.

Городище Беркутты I находится на левом берегу одноименной ре-

¹⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1951, стр. 97, 100, 107; Его же. Прошлое района Алма-Ата. 1949, стр. 8—14; К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. «Изв. АН КазССР, серия обществ.», 1966, № 2, стр. 77, 80, 84.

¹⁶ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 125.

¹⁷ Там же, стр. 123.

¹⁸ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III. М., 1965, стр. 224.

¹⁹ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, VII—XV вв. «Арабские и персидские источники». Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1939, стр. 503.

ки, то есть оно расположено в 10 км к северо-западу от поселка Байкадам. Это трехъярусный, вытянутый в западном направлении бугор. Его максимальная длина с востока на запад 230 м, с севера на юг — 190 м. Наиболее возвышенная часть восточная, вплотную примыкающая

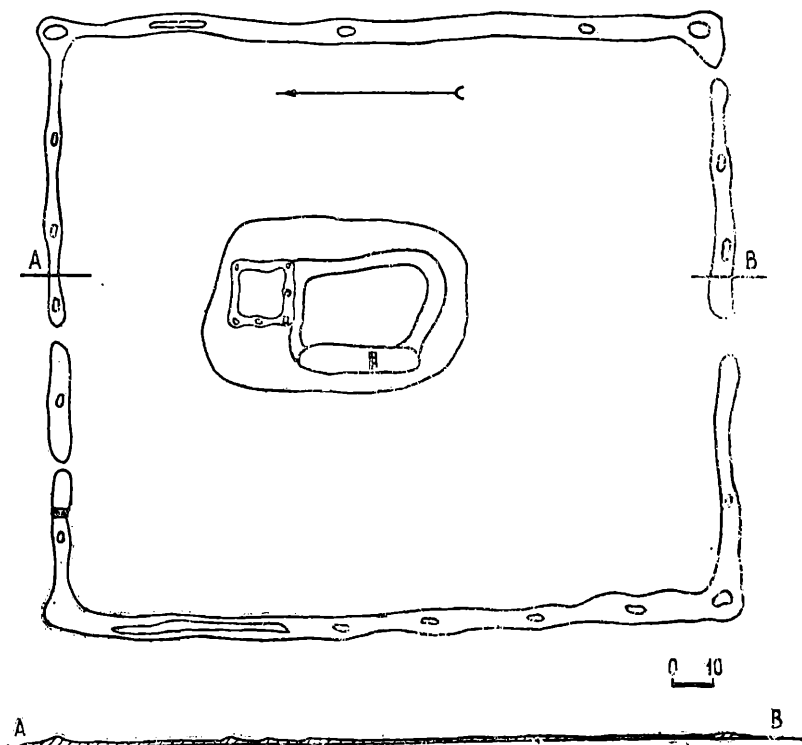

Рис. 8. План городища Нансай.

к берегу. Высота его в этой части 7—8 м, причем восточный склон почти отвесный. Наверху находится площадка, длина ее с севера на юг 50 м, с запада на восток 20 м. Это, по всей вероятности, остатки цитадели. Бугор шахристана примыкает с запада, его высота 3—4 м, рабад представляет самую плоскую часть бугра высотой 1—1,5 м.

На поверхности городища собрана богатая коллекция керамики, укладываемая в общий диапазон IV—XII вв.

Сбор подъемных материалов на городищах Южного Казахстана производится не впервые. Исследователи, работавшие в составе Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1947—1951 гг. под руко-

водством А. Н. Бернштама, располагали большой коллекцией керамики, в основном подъемной, на основании которой была сделана классификация керамики городищ Южного Казахстана²⁰. Классификация в настоящей публикации ни в коей мере не предполагает

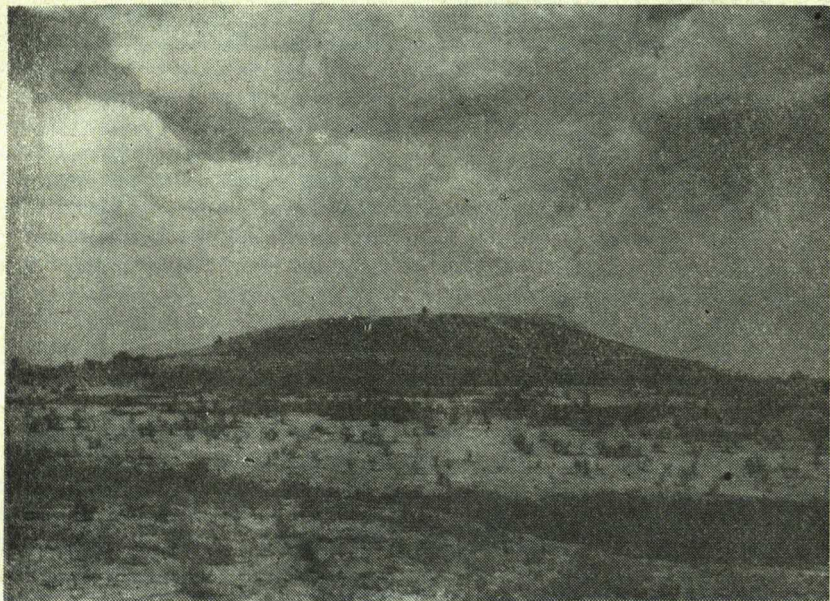

Рис. 9. Городище Ак-тобе Чиликское.

замены предложенной ранее. Авторы ставили своей задачей внести лишь некоторые предварительные коррективы в датировки самых ранних групп керамики. Так, например, выделение предшествующими исследователями сакского (VII—IV вв. до н. э.) и раннекангюйского (III в. до н. э. — I в. н. э.) периодов²¹ ввиду явно незначительного материала как по югу Казахстана, так и по соседним районам, выглядит

²⁰ Е. И. Агеева. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. КСИИМК, 1949, вып. 28, стр. 86—88; Ее же. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 2, 1950, стр. 100—118; Ее же. Керамика Отрара. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 3, 1951, стр. 98—110; Ее же. Керамика Южного Казахстана (опыт историко-археологической периодизации). Автореф. канд. дисс., Л., 1953; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 157—202.

²¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 158—170.

неубедительно²². К настоящему времени по аналогии с точно датированными керамическими комплексами Джеты-Асаров, давших массовый археологический материал, а также с комплексами керамики из Ташкентского оазиса²³ следует пересмотреть периодизацию ранней керамики южно-казахстанских городищ.

Подъемный керамический материал как ранее собранный, так и полученный в результате археологических работ в последние годы дает возможность ограничить датировку ранних керамических комплексов I—IV вв. н. э. Фрагментарность керамики еще не позволяет сделать полную классификацию их форм и типов — это дело будущего. Пока можно выделить лишь некоторые из форм, наиболее характерных для указанного периода. Это кувшинообразные сосуды, крышки, сосуды типа хумов, сковороды. Самую многочисленную группу составляют кувшины. Для них характерно округлое тулово с довольно высоким горлом, с закругленным или подчетырехугольным в сечении венчиком.

Для многих кувшинообразных сосудов характерным признаком является рифление горла мелкими и ярковыраженными концентрическими каннелюрами. Подобный прием был широко распространен в

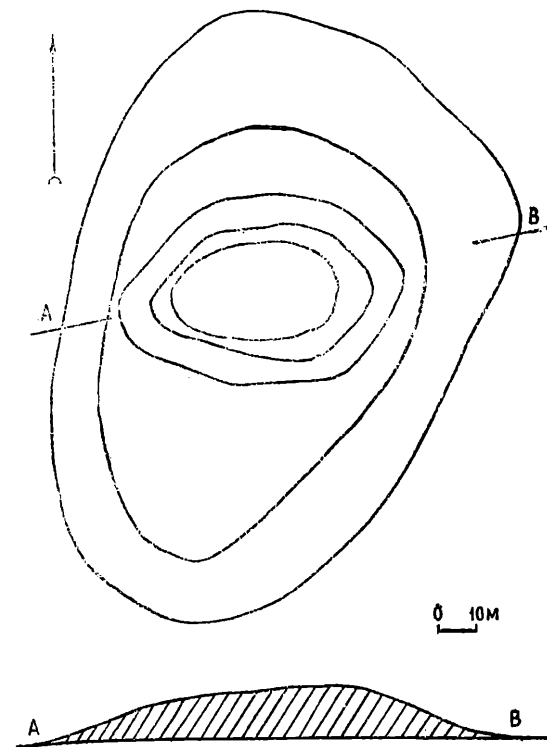
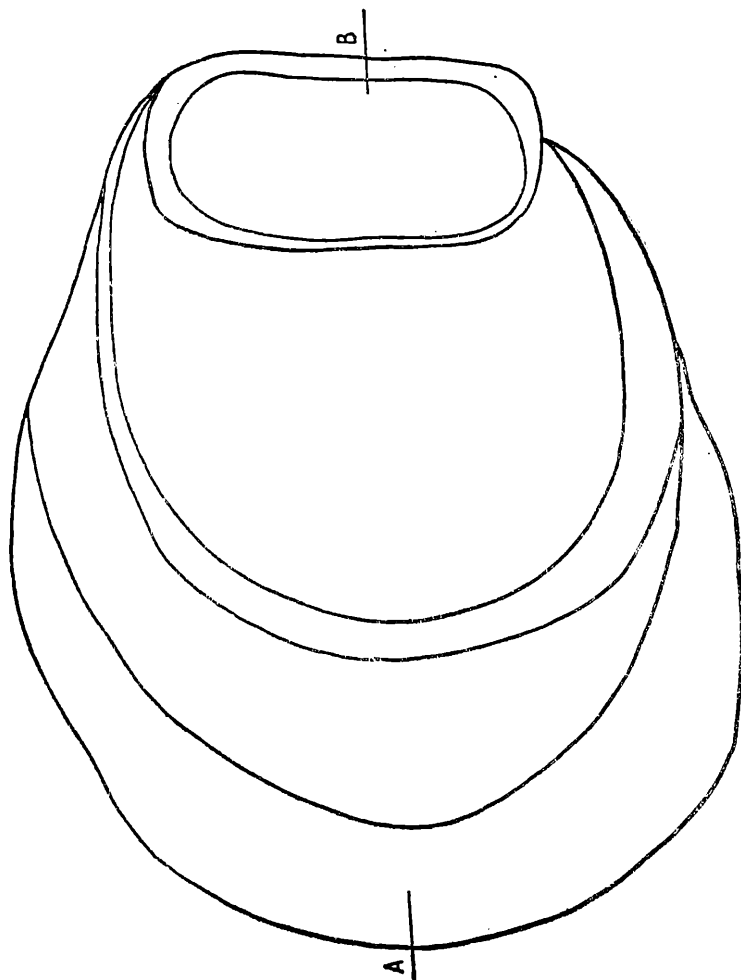
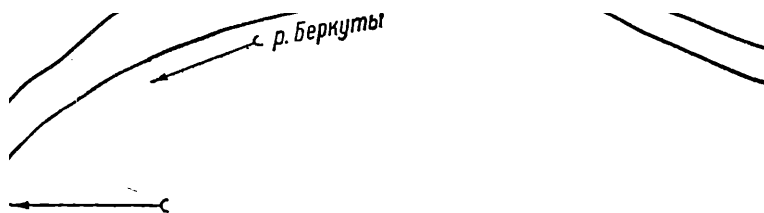

Рис. 10. План городища Ак-Тобе Чиликского.

²² К. М. Байпаков. Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946—1962 гг. «Советская археология» (далее СА), 1964, № 2, стр. 249.

²³ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. В сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 45—90; Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Ак-Тобе 2. В сб.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 36—71; Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум. Там же, стр. 92—119.

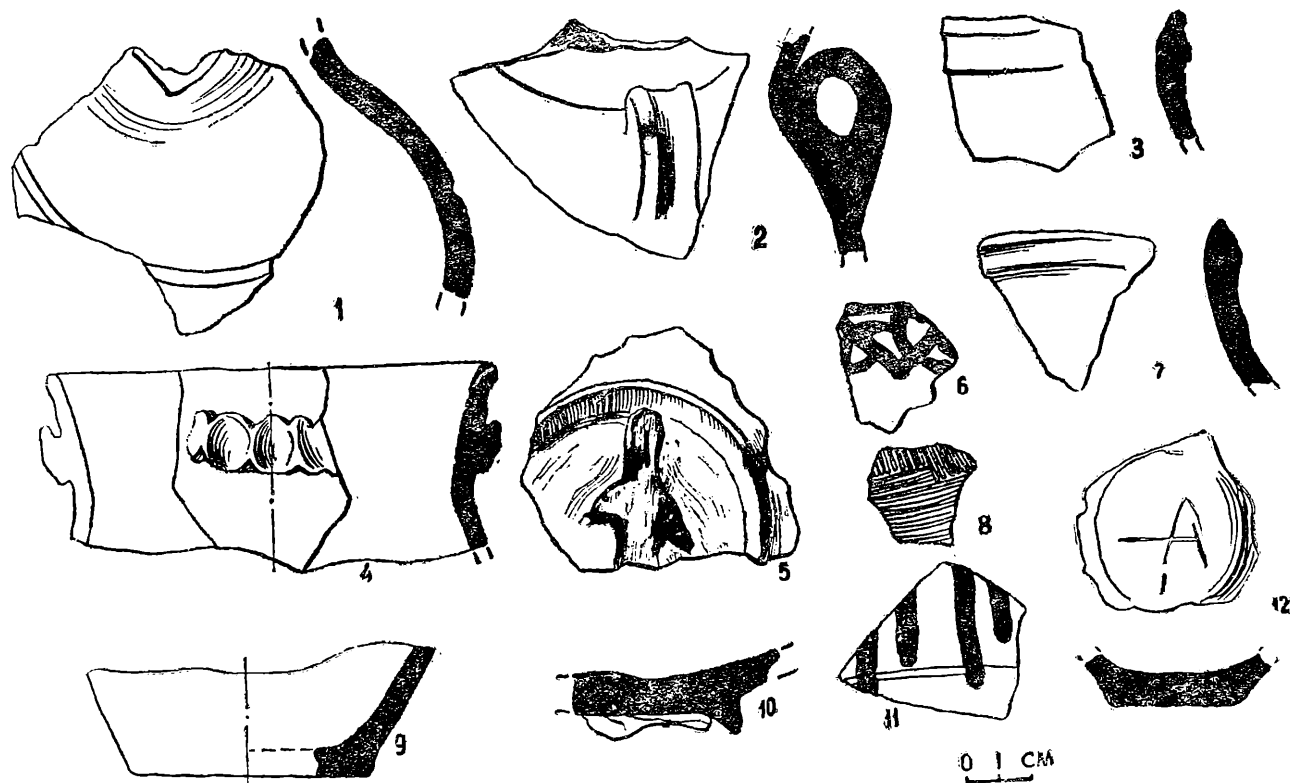

Табл. III. Керамика городища Беркутты I.

тот период в джеты-асарской культуре²⁴. Снаружи некоторая часть кувшинов тщательной ручной лепки покрыта светлым беловатым либо розовым ангобом, поверх которого густо красно-коричневой или коричневой краской нанесены мазки, аморфные пятна, потеки и струйчатые полосы. В Согде сосуды с подобной раскраской встречены в слоях Тали-Барзу II и III²⁵, в джеты-асарской культуре — в «слое зернотерок»²⁶.

Гораздо лучше выделяется керамика V—VII вв., обнаруженная почти на всех крупных городищах. Она в основном вылеплена от руки. Для хумов этого периода характерно вытянутое яйцевидное тулово, плоское дно и венчик, который лежит прямо на плечиках. Венчики округлые, прямые, вертикальные или плоские сверху. Поверхность хумов покрыта желтым или зеленоватым ангобом и потеками темно-красной и коричневой краски. Иногда это полосы, пятна и пересекающиеся линии. Такая раскраска характерна для посуды Чача²⁷.

Котлы представлены в керамике V—VII вв. значительным количеством обломков. Они изготавливались из грубого теста с примесью дресвы. Тулово котлов сферической формы, венчик прямой, утолщенный или слегка отогнутый наружу. К тулову обычно прилепливались ручки, большей частью петлевидные, круглые или в виде жгута. Иногда ручки украшались штрихами, вмятинами или заплатами.

Кувшины представлены несколькими фрагментами. Характерной деталью их является наличие массивных треугольных сливов. Так же как и у хумов, поверхность кувшинов носит следы потеков и пятен краски. Следует отметить, что кувшины с массивными треугольными сливами обнаружены в Чаче и датируются VI — началом VIII в.²⁸, в Джеты-Асарах²⁹, в Пенджикенте³⁰. Для этого времени характерно появление на сосудах антропоморфных налепов, подобных семиреченским³¹.

²⁴ Л. М. Левина. Указ. раб., стр. 50, рис. 4.

²⁵ Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской культуры домусульманского периода. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 75; Б. Я. Ставицкий. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, № 2, стр. 22—28.

²⁶ Л. М. Левина. Указ. раб., стр. 53.

²⁷ М. С. Мерциев. К вопросу о генезисе оседлых поселений. «Изв. АН КазССР, серия обществ. наук», 1965, № 3, стр. 43.

²⁸ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, 33, 1950, стр. 167, табл. 69.

²⁹ Л. М. Левина. Указ. раб., стр. 59.

³⁰ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента. МИА, 124, стр. 269—271, рис. 9 (39).

³¹ К. М. Байпаков. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. «Вестник АН КазССР», 1966, № 8, рис. 3. Исчерпывающую сводку по этому вопросу см.: Л. М. Левина. К вопросу об антропоморфных изображениях в джеты-асарской культуре. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 167—178.

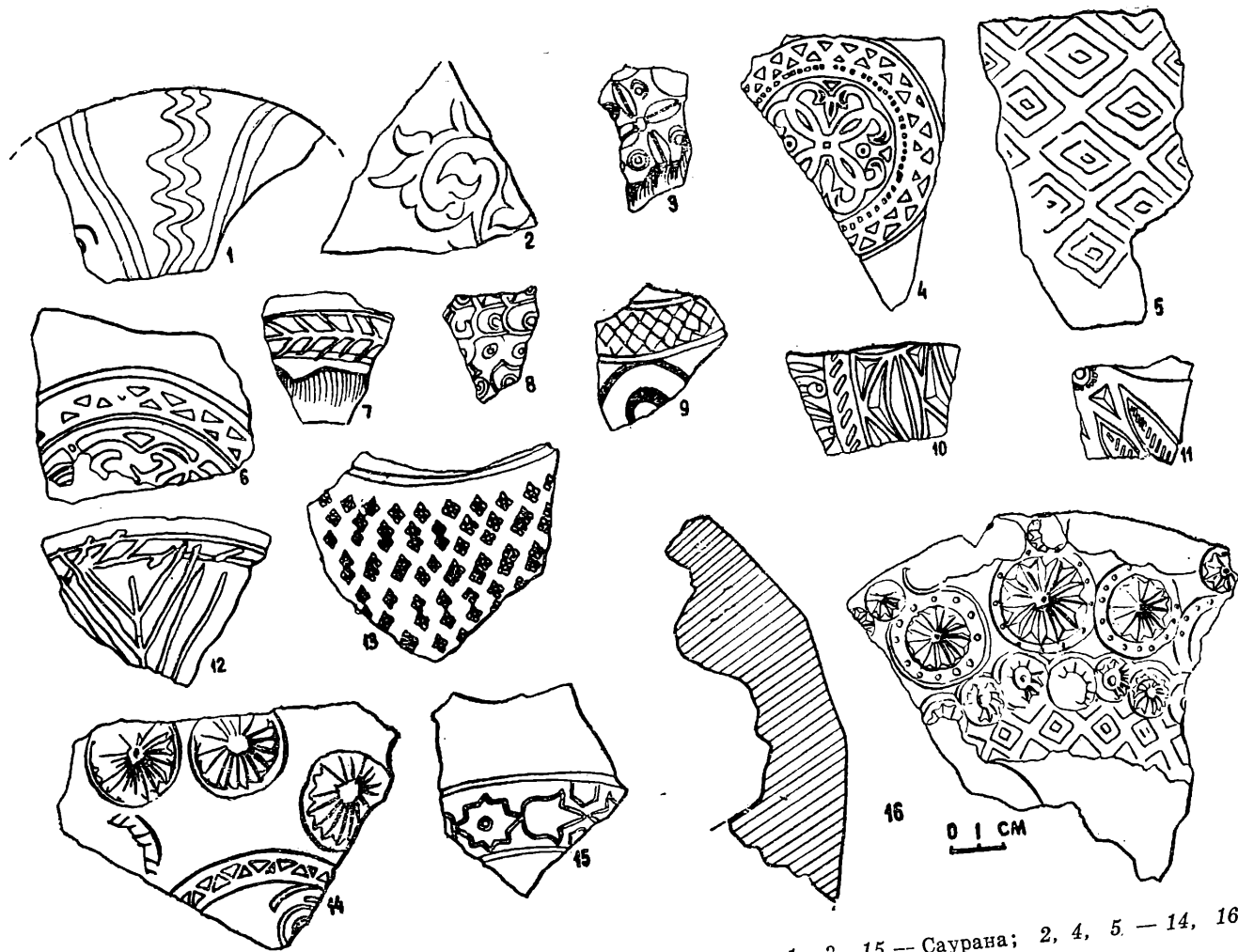

Табл. IV. Керамика с резным и штампованным орнаментом: 1, 3, 15 — Саурана; 2, 4, 5 — 14, 16 — Отрара.

Одним из наиболее характерных типов посуды являются кружки. Тулово их приземистое, выпуклое широкое горло отделено от него уступом, петлевидная ручка прилеплена к середине тулова. Такие кружки найдены в Баба-Ате³² и Чаче³³. По мнению некоторых исследователей, наиболее близкие аналогии им прослеживаются в металлических сосудах из тюркских погребений³⁴.

Керамика VIII—X вв. характеризуется преобладанием станковой посуды. Среди нее — хумы, кувшины, кружки и другие виды посуды, изготовленной на гончарном круге. По-прежнему лепится от руки кухонная посуда — котлы, горшки.

Формы сосудов сохраняют традиции предшествующего времени, как, например, покрытие внешней поверхности пятнами и потеками краски у хумов и кувшинов.

В керамике VIII—X вв. значительный процент составляют обломки крышек, достарханов, украшенных резным и наклепным орнаментом. Элементы орнамента самые разнообразные: концентрические и зигзагообразные линии, растительная вязь, различные стилизации цветка, расходящиеся секторы, сочетание прочерченных кругов, наклепные шишечки. Обычно все эти орнаменты встречаются в различных комбинациях. Керамика, украшенная подобным образом, широко представлена в материалах VIII—X вв. городищ Южного Казахстана³⁵. В большом количестве она встречается в Семиречье³⁶ и в Таласской долине³⁷.

Поливная керамика IX—X вв. представлена обломками светильников, покрытых белой поливой, на которую нанесена роспись в виде коричневых пятен. Следует отметить, что находки поливной керамики этого времени на городищах единичны.

Керамика XI—XII вв. характеризуется подавляющим преобладанием стандартных ремесленных форм. Широкое распространение получает поливная посуда, представленная в подъемном материале обломками чаш, мисок, светильников.

Много керамики, украшенной отпечатками штампа. По-прежнему

³² Е. И. Агеева. Общий обзор находок. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, рис. 56.

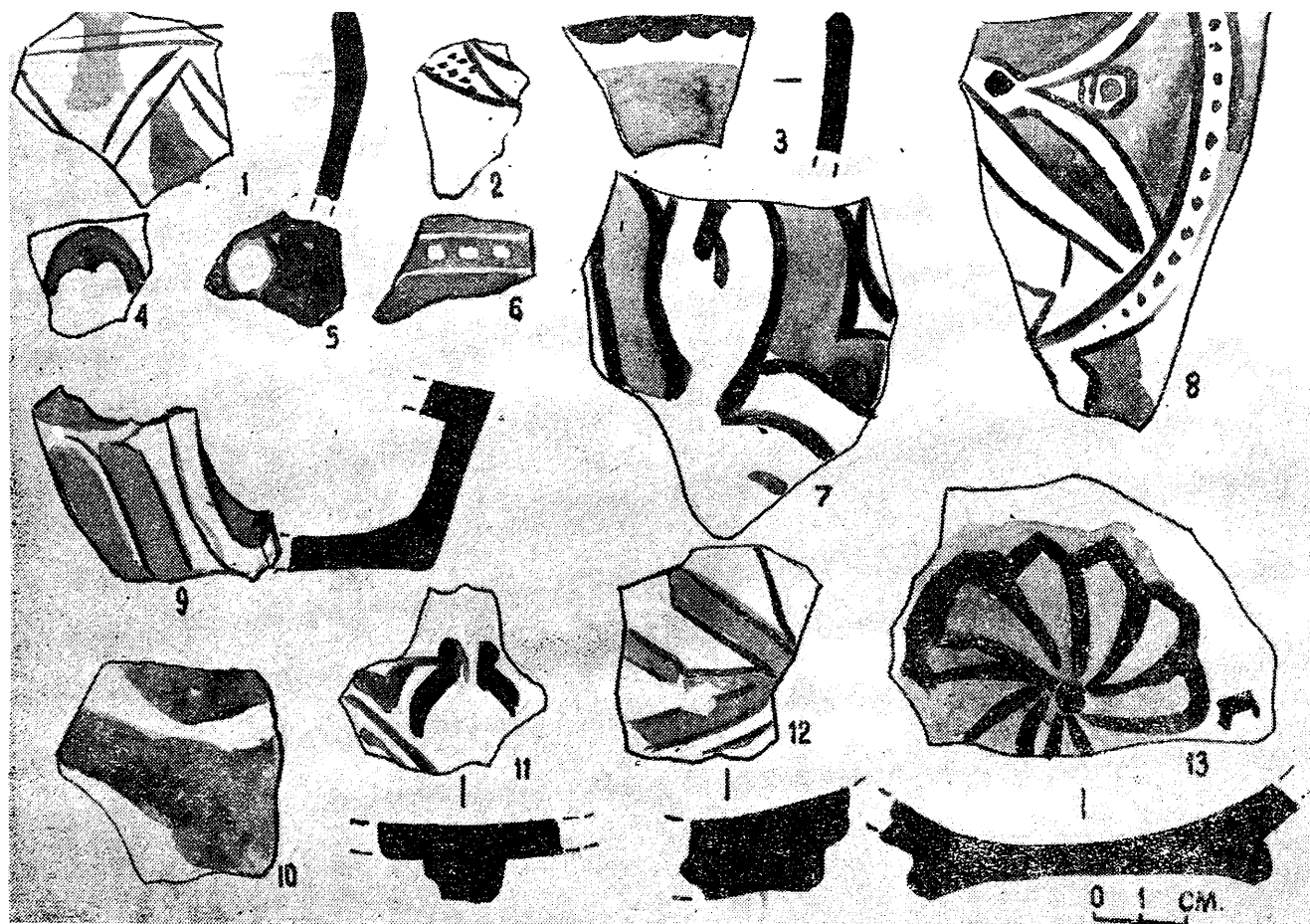
³³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, 33, рис. 69, 1—2.

³⁴ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. «Труды Гос. Эрмитажа», т. V. «Культура и искусство народов Востока». Вып. 6, 1964, стр. 180—185.

³⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 177—178, рис. 95—97. Их же. Общий обзор находок, рис. 55—57.

³⁶ Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». Составлены под руководством А. Н. Бернштама. МИА, 14, 1950, табл. XXI—XXIV.

³⁷ П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. В сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 191.

сохраняется посуда (обычно хумы и кувшины) с коричневыми и красными потеками и пятнами краски.

Интересным типом керамики является посуда с фигурной раскраской, сделанной на гончарном круге. Элементы росписи однообразные — спиралевидные завитки, зигзаги и полосы. Вышеописанные виды посуды в Южном Казахстане впервые были выделены Е. И. Агеевой и датированы X—XII вв.³⁸. Подобного типа керамика встречается и в позднем средневековье.

Таким образом, нижняя граница существования оседлых поселений, судя по имеющемуся материалу, пока ограничена началом нашего тысячелетия. Ближайшие аналогии керамики I—IV вв. н. э. прослеживаются в материалах Ташкентского оазиса, в джеты-асарской культуре, тогда как для последующего времени появляются более широкие параллели с Согдом, Семиречьем и Хорезмом.

Необходимо внести некоторые предварительные коррективы и в части, касающейся позднесредневековой керамики. Предшествующие исследователи ограничились выделением группы керамики XIII—XV вв.³⁹, названной монголо-тимуридской или восточно-кипчакской⁴⁰. В настоящее время можно выделить керамику монгольского времени (XIII—XIV вв.), продолжающую традиции предшествующего периода, а также XV—XVI и XVII—XVIII вв., т. е. эпохи казахских ханств. Две последние хронологические группы керамики заметно отличаются своеобразием форм, орнамента, цвета поливы.

Неполивная керамика XIII—XIV вв. получена из шурфа на городище Ак-Сумбе, из среднего слоя цитадели и верхнего слоя шахристана городища Кумкент, из слоя четвертого строительного горизонта в шурфе 1 на Сузакском городище (северные склоны Каратау)⁴¹.

Хумы сделаны на круге по частям из глины с большим количеством растительных примесей и кварца. Стенки в изломе серые, иногда черные. Форма тулова хумов яйцевидная, без шейки, с массивным полочковидным венчиком, отогнутым наружу под прямым углом. Большинство хумов неорнаментированные, но имеется один фрагмент, у которого верхняя часть тулова украшена прочерченным арочным узором, обрамленным сверху волнистой линией (узор, широко распространенный на поливной керамике XIII—XIV вв.).

³⁸ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 193—194, рис. 109.

³⁹ В эту группу вошло немало образцов более позднего времени. См., например: Е. И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 2, 1950, стр. 115—116, рис. 89.

⁴⁰ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 196 и сл.

⁴¹ Л. Б. Ерзакович. О позднесредневековом городище Сузак (северные склоны Каратау). «Изв. АН КазССР, серия обществ.», вып. 3, 1966, стр. 66—69.

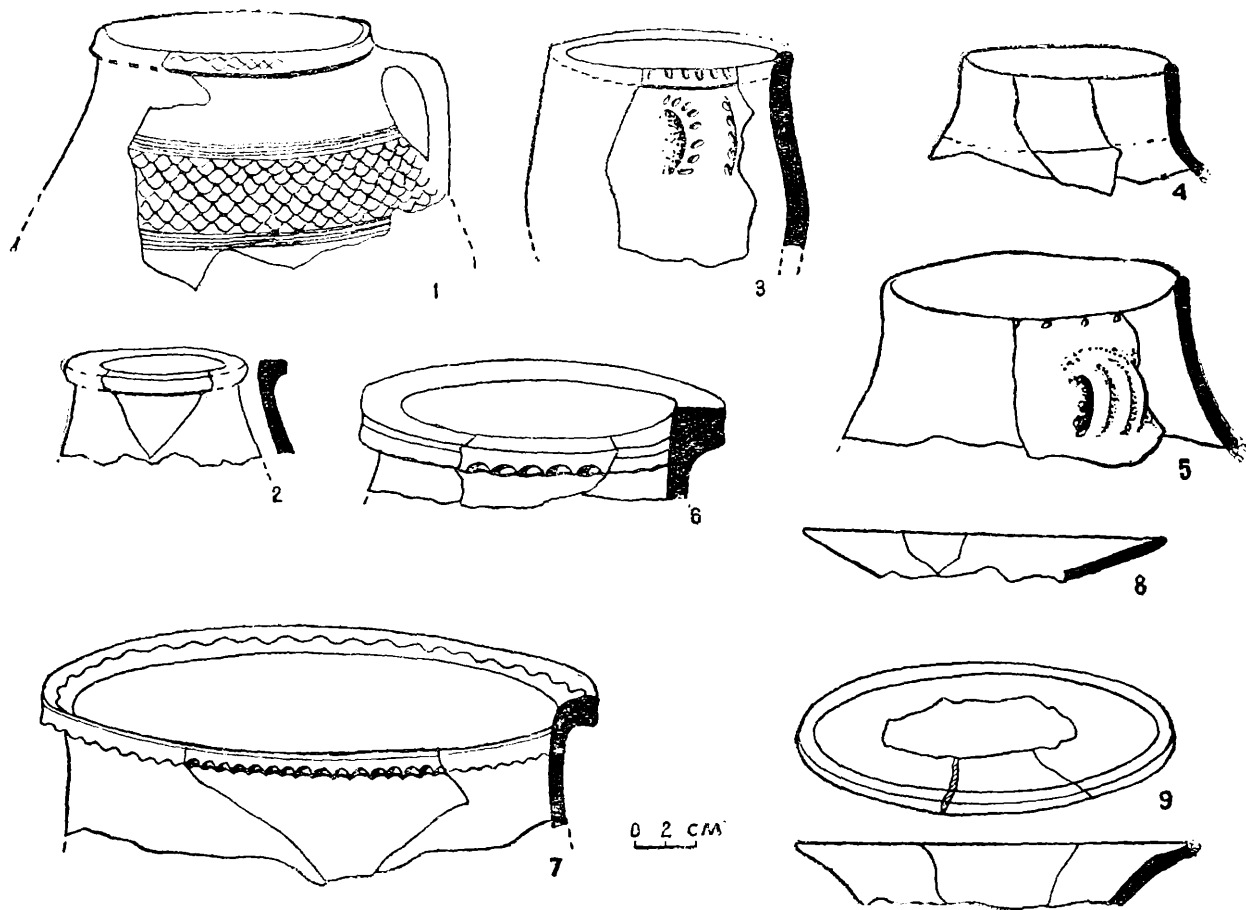

Табл. VI. Керамика XIII—XIV вв.: 1 — Ак-Сумбе; 2—6 — Сузака.

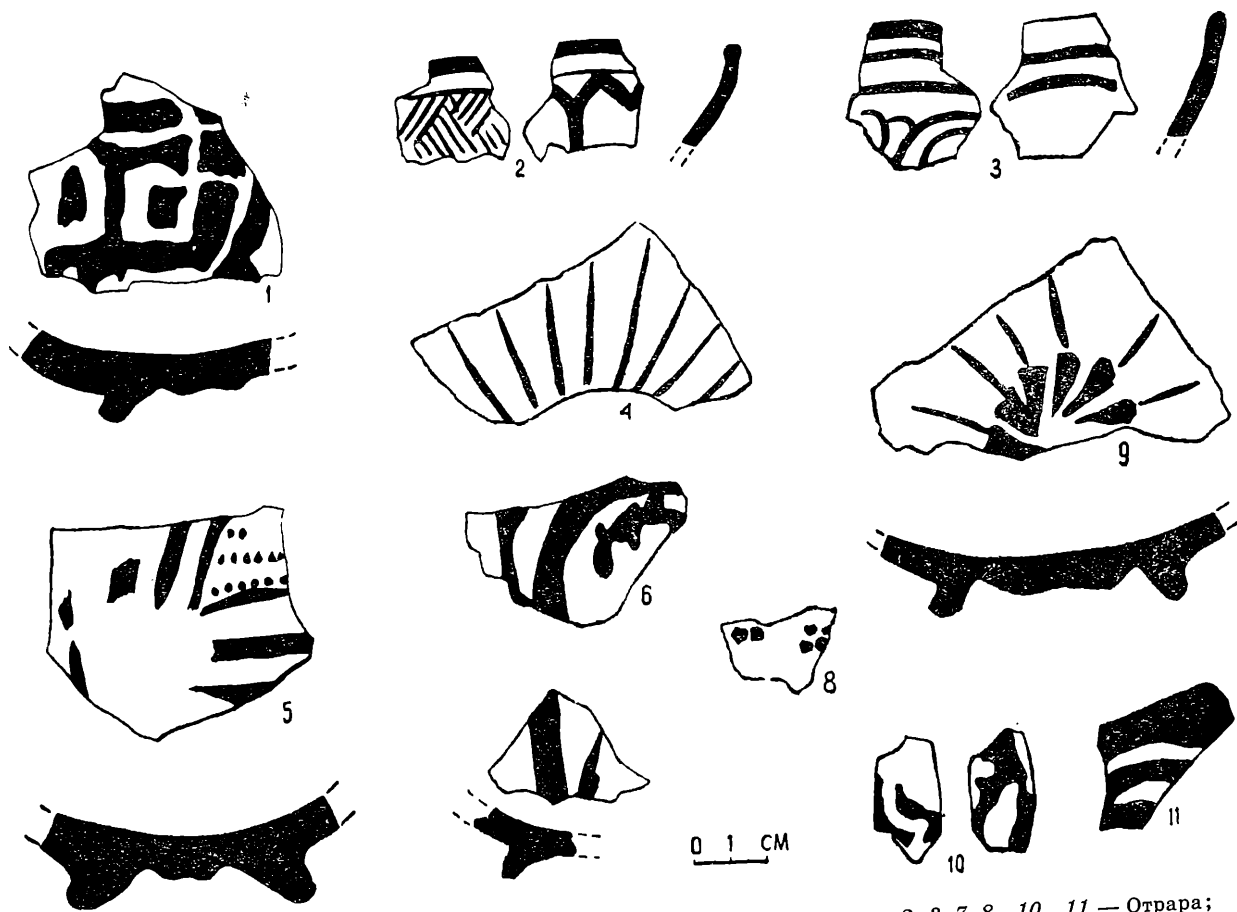

Табл. VII. Поливная керамика XIII—XIV вв.: 1—9 — Саурана; 4 — Сыгнака; 2, 3, 7, 8, 10, 11 — Отрара;
5—6 — Бузук-тобе Чиликского.

Горшковидные сосуды по технике лепки делятся на два вида — сделанные на круге и вручную. Тесто сосудов, вытянутых на круге, с небольшой примесью кварца, обжиг красный. Горловина невысокая, прямая или отогнутая наружу. Горшки, сделанные вручную, отличаются составом теста, в котором многочисленные примеси кварца и растительные остатки, обжиг серый или черный. Горловина также прямая и невысокая, но по краю она обрамлена жгутом с защипами пальцев.

Тагора встречаются по форме двух видов. Более характерны неглубокие тагора с прямыми бортами. Закраина с небольшим утолщением и плоская сверху. Внутренняя поверхность тагора с красным лощением. Реже встречаются тагора с прямым бортом и закраиной, сильно отогнутой наружу под прямым углом. У них также внутренняя поверхность с красным или коричневым лощением.

Кувшины встречаются также двух видов. Широкогорлые кувшины имеют невысокую прямую или чуть расширяющуюся горловину и небольшую плоскую ручку в верхней части. Узкогорлые кувшины изготовлялись с профилированным, слегка расширяющимся горлом и широкими крутыми плечами. Кувшины снабжены плоскими ручками, прикреплявшимися верхним концом у основания горловины.

Глиняная масса не содержит примесей кварца, обжиг серый или красный. Поверхность большинства кувшинов покрыта серым или красноватым ангобом, иногда с лощением в верхней части тулова. Имеются фрагменты кувшинов со спиралевидным орнаментом, нанесенным черной краской.

В слое XIII—XIV вв. на Сузаке найдено несколько фрагментов и одна археологически целая чаша. У нее высокое полусферическое тулово с закраиной, слегка отогнутой наружу. Поддон полукольцевой с выступом на середине. Внутренняя поверхность чаш покрыта красновато-коричневым ангобом (аналогичные чаши имеются в поливной керамике).

В целом неполивная посуда XIII—XIV вв. по формам и орнаментации продолжает традиции предшествующего времени, что особенно заметно при сравнении с коллекцией керамики X—XII вв. городища Баба-Ата ⁴².

В поливной керамике XIII—XIV вв. наиболее многочисленная группа покрыта красным или коричневым, редко белым ангобом. По ангобу нанесена роспись белой, желтоватой, красной или коричневой краской (в зависимости от фона). Внутренняя поверхность сосудов и частично внешняя покрыты бесцветной свинцовой поливой или окрашенной в желтый или зеленый тона.

⁴² Е. И. Агеева. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата). «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, стр. 203—204.

Мотивы орнамента довольно разнообразны: это «вихревая» розетка, крупная сетка или растительные узоры, геометризованные медальоны с точечным орнаментом, меридиональные полосы, сходящиеся к центру. На закраине встречается поясok из точек. На внешней поверхности в большинстве случаев имеется определенный орнамент в виде арка.

Отдельную группу составляют изделия с зеленой, желтой, голубой, редко белой поливой, положенной поверх светлой ангобной подгрунтовки. Орнамент с подглазурной гравировкой или растительным и геометризованным узором, выполненным синей или черной краской под голубой глазурью.

По форме керамика XIII—XIV вв. представлена в основном чашами на кольцевом или «переходном» поддоне с выступом на середине.

В подъемном материале встречены образцы, по-видимому, привозной керамики, в частности хорезмийские сосуды с рельефным узором и росписью, датируемые XIII—XIV вв.⁴³ В целом керамика XIII—XIV вв. датируется по аналогичным образцам из верхних слоев городища Баба-Ата и четвертого слоя Сузак⁴⁴.

Большая коллекция красноангобированной поливной керамики⁴⁵, собранной на городищах от Отрара до Сыгнака, позволяет расширить район распространения данного типа керамики от северных склонов Каратау (где она впервые была найдена) до правобережья Сыр-Дарьи и считать ее спецификой района. Красноангобированная поливная керамика XIII—XIV вв., несомненно, является связующим звеном с керамикой караханидского времени, что нетрудно проследить по мотивам орнамента⁴⁶.

Неполивная керамика XV—XVI вв. получена на городище Сузак в слоях третьего строительного горизонта в шурфе 1, пятого строительного горизонта в шурфе 2 и третьего строительного горизонта в шурфе 3.

⁴³ Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). «Тр. ХАЭЭ». т. IV. М., 1959, рис. 29 (1,4).

⁴⁴ Е. И. Агеева. Общий обзор находок, стр. 201—203; Л. В. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 79. Керамика с зеленой, желтой и голубой глазурью известна со многих памятников XIII—XIV вв. Таласской и Чуйской долин, Хорезма. См.: П. Н. Кожемьяко. Оседлые поселения Таласской долины, стр. 201; Н. Н. Вактурская. Указ. раб., стр. 319.

⁴⁵ При всем разнообразии красок фона, орнамента и поливы красный ангоб (различных оттенков) занимает ведущее положение, и поэтому вся группа керамики, выполненная одним и тем же техническим приемом, условно названа красноангобированной поливной керамикой.

⁴⁶ Е. И. Агеева. Общий обзор находок, стр. 203.

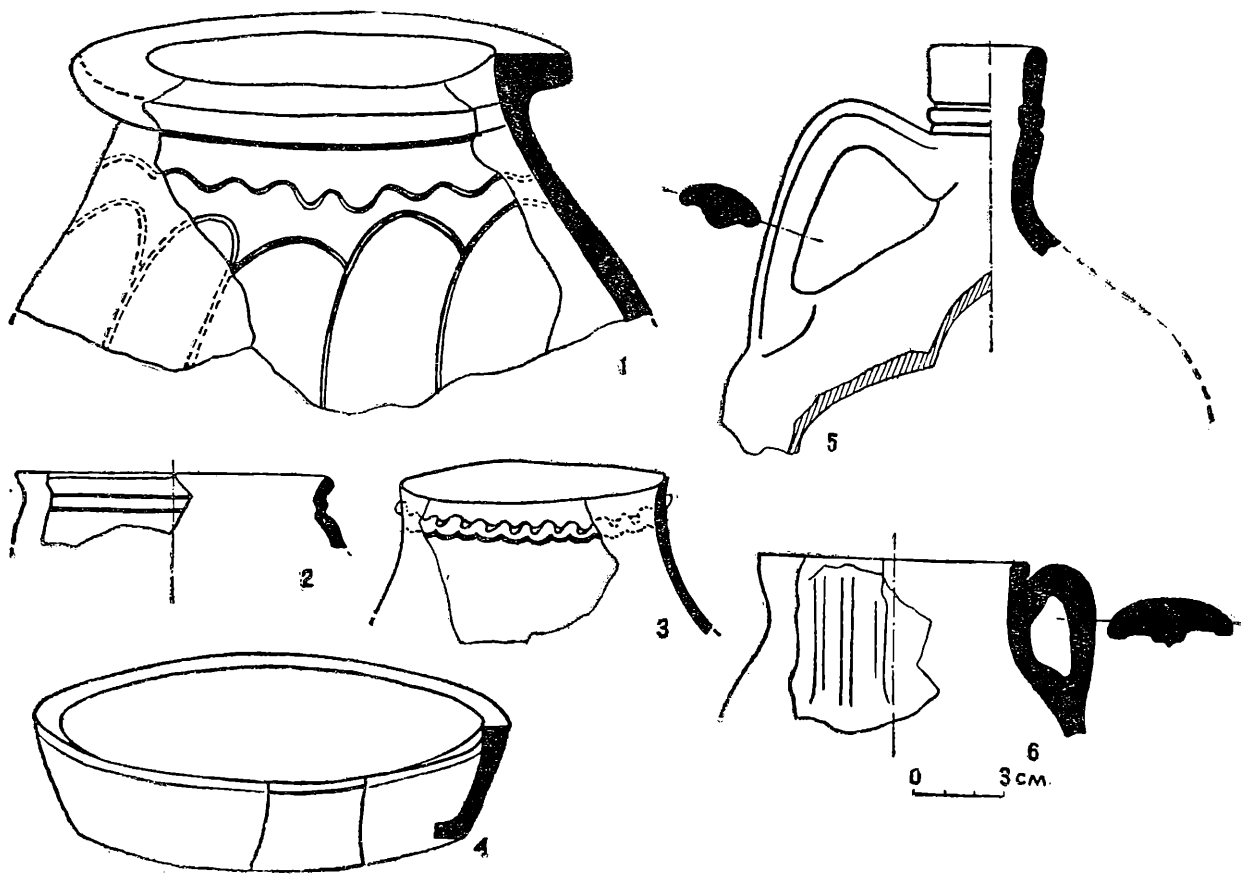

Табл. VIII. Керамика Сузака XV—XVI вв.

Ведущей формой неполивной посуды являются кувшины двух типов: крупные широкогорлые сосуды (диаметр венчиков 14—18 см) и небольшие узкогорлые (диаметр венчиков 6—8 см). Горловина широкогорлых кувшинов невысокая, плавно переходящая в тулово, край горловины наlepной, треугольный в сечении, реже отогнутый наружу под прямым углом в виде площадки. Закраина соединяется с верхней частью тулова небольшой коленчатой ручкой, плоской в сечении.

Узкогорлые кувшины имеют прямое высокое горло с небольшим утолщением по краю или без него. Плоские каннелированные ручки соединяют среднюю часть горловины с туловом.

Кувшины покрывались красным или коричневым ангобом, иногда с лощением. Кроме того, на внешней поверхности встречаются потеки и широкие полосы (нанесенные кистью) черного, коричневого или красного ангоба. Изредка ангобными красками черного и красного цвета выполнялось и орнаментальное украшение кувшинов. Это орнамент в виде «елочки» или просто наклонных полосок, встречающийся на ручках и тулове кувшинов.

Чаще встречается украшение врезными волнистыми линиями в один или несколько рядов или прямыми линиями, нанесенными гребенкой и опоясывающими верхнюю часть тулова кувшинов. На широкогорлых кувшинах встречается орнамент, выполненный штампом в виде поясков мелких ромбов, опоясывающих горловины кувшинов.

Все кувшины сделаны на гончарном круге, обжиг светло-коричневый или серый, в тесте небольшие примеси песка.

Вторую значительную группу по количеству найденных фрагментов составляют сосуды типа тагора. Это невысокие сосуды (до 12 см) большого диаметра (28—36 см). Прямое тулово плавно переходит в плоское дно, закраины отогнуты наружу под тупым углом или близким к прямому. Тагора красноангобированные, иногда с лощением внутри. Имеется один сероангобированный фрагмент с вертикальными полосками черного ангоба внутри. Орнамент очень скупой: на отогнутой площадке закраины волнистая прорезная линия, иногда в сочетании с насечками по внешнему краю венчика (снизу).

Все тагора гончарной выделки, в тесте небольшие примеси песка, обжиг серый или чуть красноватый.

Небольшие горшкообразные сосуды (диаметр венчиков 18—20 см) разного назначения: столовые, сделанные на гончарном круге, в тесте небольшие примеси песка и красноватого обжига, и кухонные, отличающиеся от столовых преимущественно ручной лепкой, большой примесью кварца в тесте и неполным обжигом. Горловины горшкообразных сосудов прямые или слегка отогнутые наружу, в верхней части тулова расположена маленькая петлеобразная ручка, плоская в

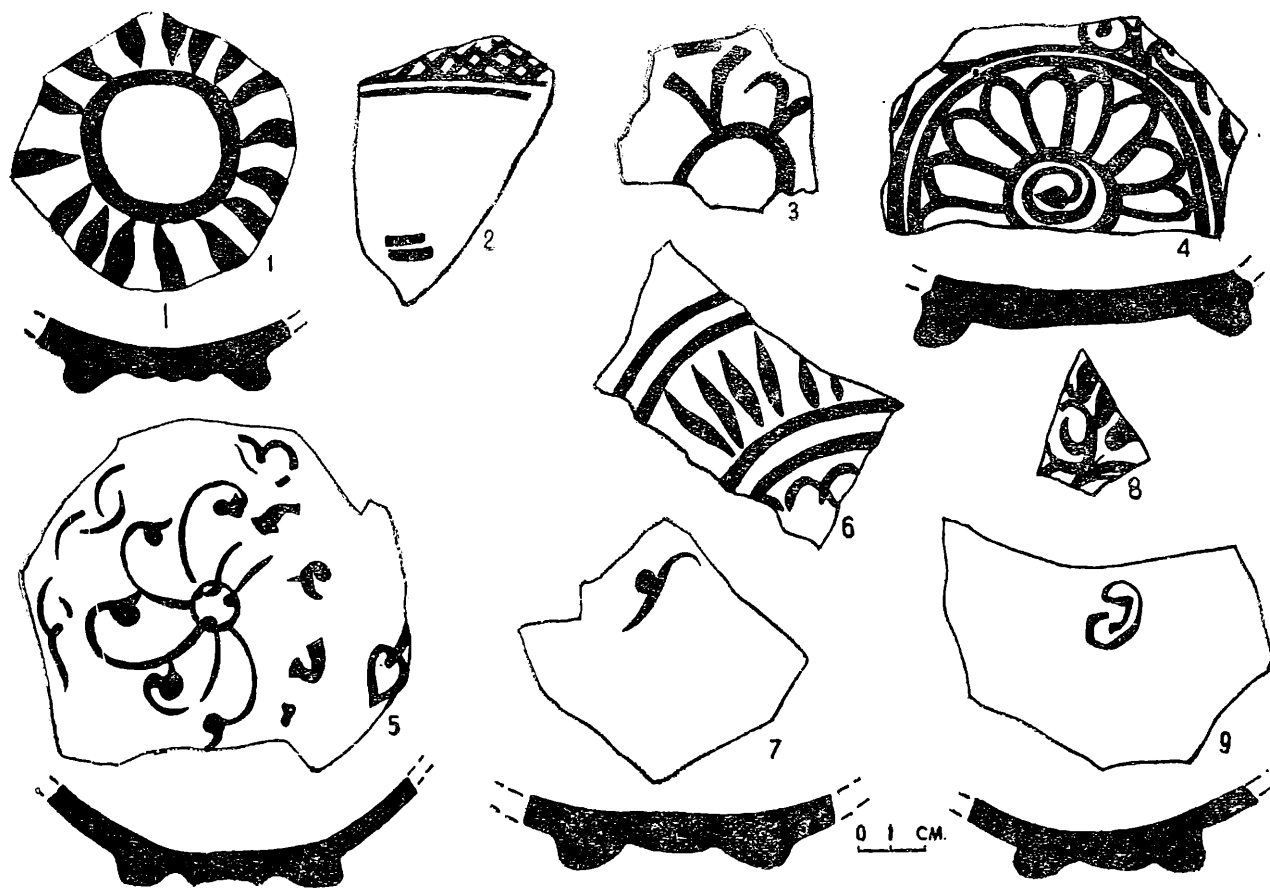

Табл. IX. Поливная керамика XV—XVI вв.: 1, 3, 4, 6, 7 — Саурана; 2, 5, 8, 9 — Отрапа.

сечении. Столовые сосуды украшены неглубокими насечками по внешнему краю или сверху венчика, а также по бокам ручки. Кухонные сосуды чаще без орнамента или ниже закраины проходит налепной жгут с защипами пальцев, опоясывающий горловины. На внешней поверхности столовых горшкообразных сосудов встречается красноватый и серый ангоб.

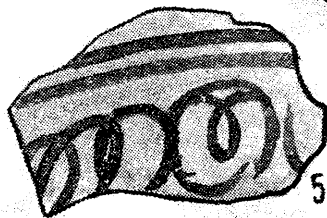
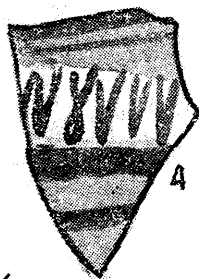
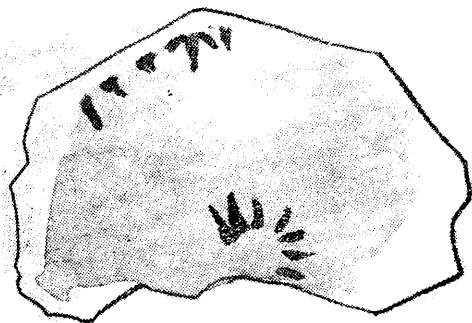
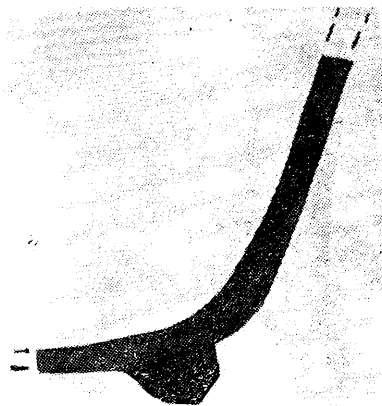
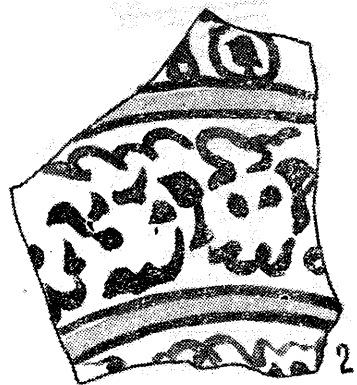
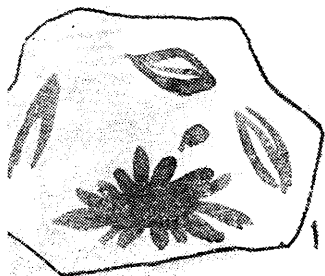
К горшкообразным по форме относится сосуд, найденный на глубине 4,5 м в шурфе 3 (высота 40 см, диаметр венчика 38 см, диаметр дна 20 см). Сосуд стоял перевернутый вверх дном, причем вся плоскость дна отсутствует, она аккуратно выбита. В таком положении сосуд использовали, очевидно, для хранения продовольственных запасов, так как в лёссовом заполнении обнаружены в большом количестве зерна злаков. У сосуда невысокая шейка, плавно переходящая в тулово, сильно зауженное ко дну. Закраина горловины отогнута наружу в виде широкой площадки. Две невысокие плоские коленчатые ручки (на противоположных сторонах) соединяют закраину с верхней частью тулова. Внешняя поверхность в верхней половине тулова украшена широкими соединяющимися арками, выполненными сероватым ангобом и нанесенными кистью. Сверху по площадке венчика проходит широкая полоса красновато-коричневого ангоба, нанесенного тряпкой, с потеками внутрь сосуда.

Сосуд лепился на круге по частям из трех широких полос, швы между которыми заметны на внутренней поверхности. Тесто плотное, с небольшой примесью песка, обжиг светло-коричневый.

Имеются фрагменты посуды баночной формы с невысокой прямой горловиной (диаметр 16—20 см), плавно переходящей в тулово, или с небольшим уступом в месте перехода горловины в тулово. Они гончарной выделки, тесто с небольшой примесью песка, обжиг светло-коричневый.

Крышки сосудов чаще всего лепились вручную из теста с большими примесями кварца и растительности. Они плоские и различаются формой ручек, которые делались чаще всего в виде невысокого цилиндра с утолщением сверху или грибовидной шляпкой, иногда украшенной по краям насечками.

В большом количестве встречаются фрагменты боковинок хумов с вертикальными глубокими насечками и потеками красноватого и коричневого ангоба по внешней поверхности. О форме венчика можно судить по фрагментам разных сосудов: профилированный край венчика отогнут наружу площадкой под прямым углом. Под венчиком проходит валик с пальцевыми защипами (диаметр венчиков 20 и 24 см). Сделаны хумы на круге по частям, в тесте небольшие примеси растительного характера и песка, обжиг неполный или красноватый.

0 1 CM.

Встречены фрагменты неполивной столовой посуды. Это обломки тарелок (диаметр 26 см) с полого отогнутым бортиком. Тарелки серо-коричневого обжига, в тесте небольшие примеси песка, сделаны на гончарном круге. Имеется также обломок чаши очень тонкой и тщательной выделки. Форма чаши полусферическая, а закраины слегка отогнуты наружу (диаметр 19 см). Чаша с двух сторон покрыта коричневым ангобом, нанесенным кистью, поверх которого имеются потеки черного ангоба.

О технике выделки керамики можно сказать следующее.

Сосуды больших размеров лепились по частям на круге, остальные вытягивались целиком, но различались техникой формовки донной части. Есть сосуды, дно которых формовалось вместе с туловом, причем в этом случае край дна расплюсчен и немного выступает наружу. Однако таких сосудов немного. Большинство найденной посуды (62%) делалось техникой отдельной формовки плоскости дна и тулова и последующего соединения их двумя способами: 1) края дна прикреплялись с внешней стороны к тулову, 2) плоскость дна вставлялась в тулово и шов тщательно замазывался с внутренней стороны, в то время как на внешней поверхности он хорошо прослеживается.

Аналогии неполивной керамике XV—XVI вв. очень ограничены в силу слабой изученности этого периода не только на территории Южного Казахстана, но и в Средней Азии. Можно лишь отметить некоторые элементы, сближающие материалы Сузака с современной ей керамикой из Средней Азии. Хумы с насечками по тулову известны в Мерве в слоях XV—XVII вв.⁴⁷ и Хорезме в слоях XV—XVII вв.⁴⁸. Неполивные блюда с отгибом бортов наружу с четко выраженным ребром перелома находят аналогии в поливной керамике Нисы и Самарканда XV в.⁴⁹, Бухары XVI в.⁵⁰.

Поливная керамика XV—XVI вв. покрыта поташной или свинцовой глазурью (иногда грязноватых оттенков) по светлому ангобу. Глазури бесцветные и окрашенные в голубой (различных оттенков), темно-зеленый, бирюзовый, марганцевый, кремоватый цвета. В группе с бесцветной поливой употреблялась роспись кобальтом, марганцем, бирюзовой, коричневой и зеленой красками, иногда в росписях встречаются сочетания бирюзы и кобальта, марганца и кобальта. Если употреблялась окрашенная полива, орнаментом покрывалась в основном

⁴⁷ В. М. Массон. Хумы Нисы (о некоторых формах неполивной керамики). «Тр. ЮТАКЭ», т. II, 1953, стр. 416.

⁴⁸ Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). «Тр. ХАЭЭ» т. IV. М., 1959, стр. 330.

⁴⁹ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. «Тр. ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 98; Её же. Самаркандская керамика XV в. «Тр. САГУ», вып. XI, 1950, стр. 97, рис. 1.

⁵⁰ Коллекция С. Н. Юренева в фондах Эрмитажа. Шифр: Афр. 6452—6462.

посуда с голубой и бирюзовой поливой с росписями марганцем и черной краской.

В орнаменте преобладают растительные мотивы (роспись кобальтом) и геометризированные в виде пересекающихся линий, ромбов, медальонов. Очень часто в различных вариантах повторяется мотив «вихревой» розетки.

Поливная посуда XV—XVI вв. представлена в основном фрагментами чаш и блюдов на кольцевых и врезных кольцевых поддонах. Встречены также фрагменты крупных сосудов (видимо, кувшины и тагора). Группа керамики XV—XVI вв. аналогична материалам из Сузак, где соответствующие слои были датированы медными монетами бухарского чекана XV—XVI вв. (по определению Е. А. Давидович)⁵¹.

Неполивная керамика XVII—XVIII вв. получена в Сузаке из слоев второго строительного горизонта шурфа 1, третьего строительного горизонта шурфа 2. Второго строительного горизонта шурфа 3.

Керамика из этих слоев не имеет резких отличий от неполивной керамики XV—XVI вв., что позволило бы выделить ее в отдельную группу. Наоборот, основные традиции керамики XV—XVI вв. продолжают бытовать и значительно позже. Можно лишь отметить группу горшкообразных сосудов с небольшими плоскими ручками, закраиной с налепным валиком и неглубокими наклонными насечками по нему и линейным прочерченным орнаментом в верхней части тулова.

Но в целом выделить группу неполивной керамики XVII—XVIII вв. на имеющихся материалах не представляется возможным.

В поливной керамике XVII—XVIII вв. встречаются сосуды с неокрашенной поливой, преимущественно широкие и неглубокие чаши на массивном кольцевом поддоне. Мотивы орнамента довольно однообразны: волнистые линии, располагающиеся пояском, спирали в сочетании с расплывчатыми пятнами. Характерным элементом орнамента, появившимся на керамике XVII—XVIII вв., является круглый тамгообразный знак с лучами «басма»⁵², видимо, продолжающий традиции «вихревой» розетки в орнаменте.

Посуда, покрытая бесцветной поливой, расписывалась бирюзой и марганцем различных оттенков. Встречаются также сочетания бирюзовой раскраски с черной.

Весьма многочисленна также группа керамики с окрашенной поливой в голубой или бирюзовый цвета; формы и сюжеты орнамента повторяют предыдущую группу.

⁵¹ Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 78—81; Его же. О позднесредневековом городище Сузак. «Изв. АН КазССР, серия обществ.», № 3, 1966, стр. 67—68.

⁵² Термин, предложенный для этого вида орнамента С. Н. Юревым.

Керамика XVII—XVIII вв. очень груба и массивна, глазури утратили чистоту фактуры, орнамент выполнен очень небрежно. Ухудшение качества поливной керамики XVII—XVIII вв. объясняется, видимо, джунгарским нашествием.

В подъемной керамике XV—XVI вв. встречены на поддонах тамги в виде креста и других знаков, очертания которых установить трудно из-за фрагментарности находок. Если принадлежность знаков к казахским родоплеменным тамгам оправдается⁵³, весьма соблазнительно на этом основании предположить, что керамические мастерские в различных городах Южного Казахстана принадлежали главам тех или иных казахских родов. Установление такого факта было бы очень важно, так как до сих пор почти ничего не известно об организации ремесла и связях кочевого населения и городов в позднее средневековье, о той роли, которую играли города как центры ремесла и торговли в становлении казахской государственности⁵⁴. А связи такого рода прослеживаются достаточно определенно, судя по обилию подъемных материалов XV—XVI вв., мощному культурному слою и расширению городской территории в это время.

Таким образом, расцвет городской жизни в Отраре, Туркестане, Сыгнаке, Сауране, Ишкане, Сузаке и других городах среднего течения Сыр-Дарьи и склонов Каратау, акцентированный предшествующими исследователями на XIII—XV вв.⁵⁴, следует перенести на XV—XVI вв., то есть на время образования и усиления казахских ханств.

⁵³ Л. Б. Ерзакович. О позднесредневековом городище Сузак, стр. 69.

⁵⁴ В последнее время указанный пробел восполнен новыми переводами и исследованиями позднесредневековых письменных источников. См.: К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв.». Алма-Ата, 1969, стр. 5—49.

⁵⁵ А. Н. Бернштам. Археологические работы в Южном Казахстане. КСИИМК, XXVI, стр. 132—133.

Ф. Х. АРСЛАНОВА

Т
ри года (1965—1967) в Усть-Каменогорском педагогическом институте под руководством автора настоящей статьи проводилась учебно-полевая археологическая практика студентов-историков первого курса. Для этого была выбрана наименее исследованная северо-западная часть Восточно-Казахстанской области.

В основу археологических исследований были положены данные разведочных маршрутов, проведенных в Предгорненском, Шемонаихинском и Таврическом районах области. Маршрут разведки составил 350 км, в результате зафиксировано 23 могильника, относящихся к разным периодам древней истории Казахстана.

В физико-географическом отношении изучаемый район представляет собой «пологие предгорья и межгорные впадины»¹, с юга и вос-

¹ «Казахстан. Общая физико-географическая характеристика». М.—Л., 1950, стр. 344.

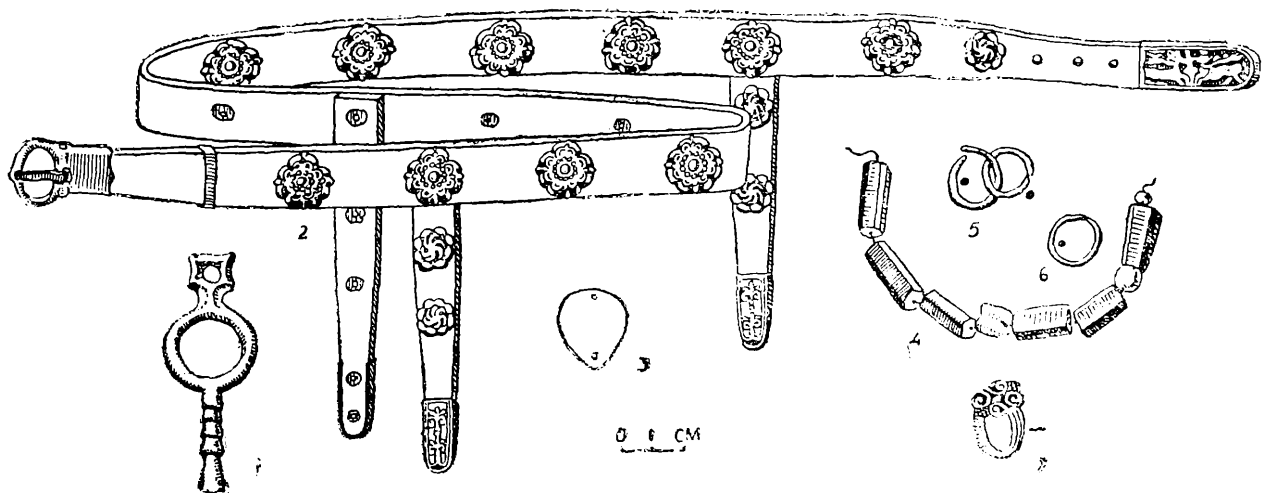

Рис. 1. Вещи из кургана № 1: 1 — подвеска к поясу; 2 — реконструкция пояса; 3 — подвеска; 4 — бусы; 5 — серьги; 6 — кольцо; 7 — перстень.

тока граничащий с Горным Алтаем, а с севера и запада — с равнинными степями Западной Сибири.

За время работ (на трех могильниках) нами раскопано 75 разновременных памятников — от эпохи бронзы до XV в. н. э., из них 29 курганов относятся к VII—XI вв.

Курган 1². Диаметр 10 м, высота 20 см. Насыпь земляная с каменным кольцом (шириной до 1 м) по основанию. В северной ее части найдены позвонок и ребро лошади. Овальная могила (2,5×4 м, глубина 1,9 м)³ ориентирована с севера на юг.

На глубине 70 см в северной части могилы найдены обломки железных удил и бронзовая поясная подвеска. У южной стенки на приступке шириной 1,7 м, высотой 75 см лежали перемешанные кости трех лошадей и скелет собаки. Здесь же, среди костей, обнаружены обломки железных удил, двух стремян, трех наконечников стрел, нож с точильным камнем, бусы (6 агатовых, 2 сердоликовые), обрывки кожаного пояса с контурными отпечатками накладных подпрямоугольных бляшек и сохранившимися от них бронзовыми штырьками⁴, обломки бляхи двух бронзовых обойм, бронзовые гвозди с четырехугольной шляпкой. В северной половине могилы лежали разрозненные кости мужского скелета европеоидного типа⁵. Непотревоженными сохранились кости правой руки и правой ноги, свидетельствующие, что погребенный лежал головой на восток. На левой стороне лобной кости черепа имеется круглое отверстие, которое, по заключению О. Исмагулова, является следствием патологического заболевания костной части мозговой коробки.

В 20 см севернее мужского скелета был погребен подросток, помещенный в деревянную колоду (40×160 см), перевернутую вверх дном. Скелет длиной 110 см лежал вытянуто на спине, головой на восток. Справа у черепа найдены две бронзовые серьги и мелкие полуистлевшие лоскутья шелковой ткани, на тазовых костях — остатки кожаного пояса с двадцатью одной бронзовой накладной бляхой, четырьмя серебряными «наконечниками» от подвесных ремней и бронзовой пряжкой с железным подвижным язычком.

² Находился в могильнике (раскопан полностью), расположенном на правом берегу р. Убы, в 30 км от места ее слияния с Иртышом, напротив с. Орловка Шемонаихинского района.

³ Курган ограблен, поэтому первоначальные размеры могилы установить не удалось.

⁴ На одном из обрывков сохранился подвесной ремешок. В месте соединения отчетливо видны следы швов с остатками сухожилий и очертания окислившейся бронзовой накладной бляхи — «тройчатки», а на подвесном ремешке — два штырька от концевой бляхи (наконечника).

⁵ Антропологические определения произведены старшим научным сотрудником ИИАЭ АН КазССР О. Исмагуловым.

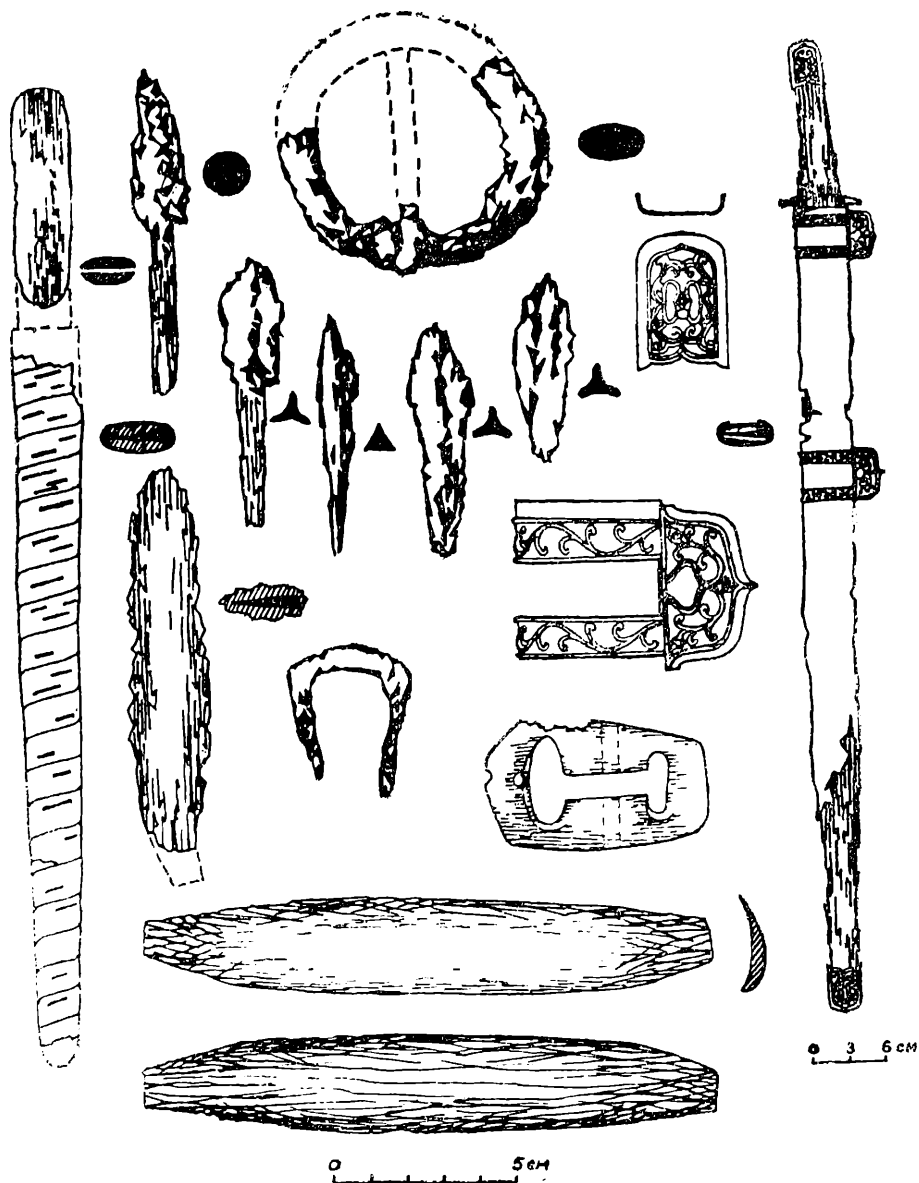

Табл. I. Вещи из кургана № 1 (Орловский могильник).

Слева от скелета лежала плохо сохранившаяся железная сабля в деревянных ножнах, обернутых листовым серебром с двумя надетыми (в средней части полосы) серебряными парными обоями, оканчивающимися фигурной орнаментированной бляхой. Концы рукояти и ножжен укреплены серебряными парными накладными бляхами с растительным орнаментом. Рядом были найдены остатки берестяного колчана стрел с железными трехлопастными и округлыми наконечниками, пара костяных срединных накладок лука. На левой тазовой кости — железный нож в деревянном футляре, обернутом полоской бересты. У правой пяточной кости в куче лежали 28 астрагалов (два — дикого кабана, остальные — овцы)⁶. На колоде, у южного конца, найдены две бронзовые сердцевидной формы подвески.

Три кургана (38, 39, 126) находятся в Зевакинском могильнике, расположенном в предгорьях Убинского хребта, на возвышенном правом берегу Иртыша (в 5 км северо-западнее с. Зевакино Шемонаихинского района).

Курган 38. Плоская каменная насыпь диаметром 8 м. На глубине 40 см (в центре) найден железный трехлопастный наконечник стрелы. Овальная могила 1,4×2 м, глубиной 1,5 м ориентирована по линии СВ—ЮЗ.

Скелет человека в вытянутом положении головой на северо-восток лежал вдоль северной стенки могилы. При нем найдены на костях правой руки остатки берестяного колчана (с «открытым карманом») с железными трехлопастными (7 шт.) и трехгранными наконечниками стрел. У дна колчана обнаружена железная скоба с остатками древесины на ней; на правой половине грудной клетки скелета (вдоль позвоночника) — остатки лука (концевая часть кибиты, пара срединных накладок) длиной по кибите примерно 1,3 м; рядом лежала узкая (2—2,5 см) двухслойная слегка изогнутая берестяная полоса (возможно, оклейка лука). На поясничных позвонках находилось шесть железных сердцевидной формы сильно коррозированных блях, на левой тазовой кости — железная пряжка с цельноотлитым щитком и подвижным язычком; у левого локтевого сустава — железная прямоугольная рамка с четырьмя штырьками на оборотной стороне, по углам; под колчаном у правой кисти — железный нож с деревянной рукояткой и обломок миниатюрной бронзовой пряжки с железным язычком. У южной стенки могилы на приступке (ширина 80 см, высота 20 см) лежал скелет лошади (без черепа) с подогнутыми ногами, на боку, ориентированный, судя по сохранившимся *in situ* костям, головой на северо-восток.

⁶ Определения костей животных производил доктор биологических наук В. С. Бажанов.

Курган 39. Плоская каменная насыпь диаметром 7 м. На глубине 20 см околонулось каменное кольцо (диаметр 6 м, ширина 80 см). Подпрямоугольная могила (1,4×2 м, глубина 1,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, на $\frac{3}{4}$ заполнена скальным камнем. У южного края могилы на глубине 0,4 м обнаружен скелет собаки, лежавшей на правом боку с подогнутыми под себя лапами, мордой к северо-востоку (в сторону могилы). В могиле у северо-западной стенки лежал скелет человека вытянуто на спине, головой на северо-восток. При нем найдены: у нижней челюсти — бронзовое несомкнутое кольцо; вдоль левой руки — остатки берестяного колчана с железными трехлопастными наконечниками стрел (6 шт.); в области грудной клетки — железный трехгранный наконечник стрелы (острием к северо-западу), у левой лучевой кости — два железных трехлопастных наконечника стрел (острием к северо-западу); на левой тазовой — бронзовая миниатюрная пряжка с цельнолитым щитком и подвижным железным язычком; сердцевидная неорнаментированная бляшка со штырьком и прямоугольная обойма. На правой тазовой и бедренной костях обнаружены подпрямоугольные накладки пояса (3 шт.) и сердцевидные бляшки (5 шт.). Здесь же найден железный топор-тесло; вдоль левой бедренной кости — железный нож с остатками деревянных ножен. У северо-восточной стенки находился скелет взнузданной лошади, лежавшей на правом боку головой к северо-востоку, возле которой (у ребер) найдены сильно коррозированная железная подпружная пряжка овальной формы и железный предмет в виде большого (4,5 см) гвоздя с четырехугольной шляпкой; на позвонках — крестец овцы.

Курган 126. Плоская округлая каменная насыпь диаметром 6 м. На глубине 0,3 м, в центральной части, каменная овальная выкладка (1,3×2 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад. Под ней находилась подпрямоугольная могила 1,5×2,3 м, глубиной 1,5 м, заполненная камнем попеременно с землей. У северной стенки — скелет человека, лежавшего на спине с подогнутыми ногами, головой на восток. Вдоль левой берцовой кости лежал плохо сохранившийся железный плоский наконечник стрелы. У южной стенки — скелет взнузданной лошади, лежавшей с подогнутыми ногами и поднятой головой, ориентированной к востоку; по бокам лошади — железные стремяна с восьмеркообразными петлями. В середине могилы найдены хвостовые позвонки овцы.

В исследованных пяти курганах обряд погребения довольно однообразен. Умерших хоронили в глубоких (1,4—2 м) грунтовых могилах овальной или подпрямоугольной формы с закругленными углами преимущественно вытянуто на спине головой на восток или с некоторым отклонением к северу. Во всех случаях вместе с человеком погребали

лошадь. В двух курганах (39, 126) скелеты лошадей лежат на одном уровне со скелетом человека, в остальных (1, 3, 38) на приступке, устроенной вдоль южной (курганы 1, 38) или восточной (курган 3) стенки могилы. В трех курганах (1, 39, 126) лошади были взнузданы, при них найдены удила, стремяна, подпружные пряжки.

Обряд погребения человека с конем является широко распространенным в тюркских памятниках VII—IX вв. на территории Алтая, Тувы, Монголии, Казахстана.

Наряду с этим в результате сопоставления обряда захоронения в памятниках тюркского времени и курганах предшествующего периода (по материалам из раскопок в Шемонаихинском районе) намечается некоторая общность, сходство. Так, в трех исследованных раннекочевнических курганах (83, 98, 104) Зевакинского могильника под каменными или земляными (с каменным кольцом по основанию) насыпями открыты грунтовые овальные и подпрямоугольные могилы (заполненные скальным камнем) со скелетом человека у южной стенки и скелетом лошади, лежавшим на приступке вдоль северной, головой на восток. С умершими кроме «заупокойной пищи», оставленной в глиняных сосудах, и курдючной части барана были положены предметы быта, украшения, одежда.

Подобный обряд погребения прослежен С. С. Сорокиным в курганах, исследованных в Катон-Карагае Большенарымского района Восточно-Казахстанской области⁷. В ряде курганов ранних кочевников Восточного Казахстана намечаются некоторые общие черты в обряде погребения с захоронениями VII—IX вв. Эта общность характеризуется следующими признаками: 1) форма и размеры насыпей и могил; 2) положение погребенных с устойчивой восточной ориентацией; 3) погребение человека с конем, положенным чаще всего на приступку.

Неравномерная изученность памятников тюркского времени, с одной стороны, и ранних кочевников, с другой, затрудняет окончательное решение этого вопроса, но и теперь можно предположить, что обряд погребения с конем с устойчивой восточной ориентацией и другими вышперечисленными аксессуарами является своеобразным признаком погребального обряда местных племен Прииртышья.

Небезынтересна и еще одна деталь обряда погребения в тюркских курганах — специальные захоронения собаки с человеком. В Зевакинском могильнике отмечено два таких случая захоронения⁸. В кургане 1 скелет собаки лежал непосредственно в могиле, а в кургане 39 — на краю могилы (мордой к скелету человека).

⁷ С. С. Сорокин. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. «Археологический сборник», вып. 8. М.—Л., 1966, стр. 49—57.

⁸ В могильнике найдены скелеты среднеазиатских борзых породы «тазы», по определению доктора биологических наук В. С. Бажанова.

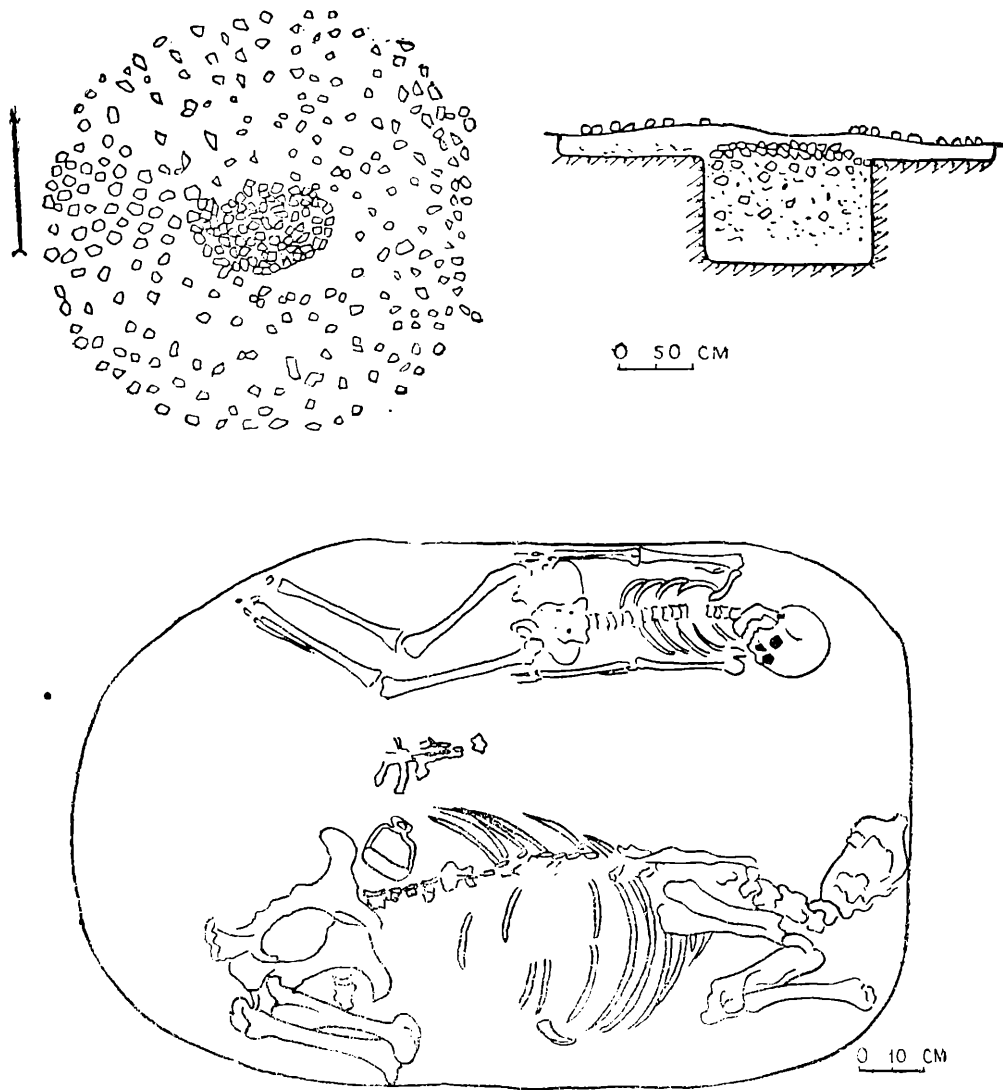

Рис. 2. План и разрез кургана № 126.

Обычай специального захоронения человека вместе с собакой наблюдается еще в предтюркский период. Кости сторожевой собаки были найдены на поселении эпохи бронзы у с. Канай Восточного Казахстана⁹. В период раннего железа погребение человека с собакой известно по раскопкам С. С. Черникова в Восточном Казахстане¹⁰.

Захоронения человека с собакой в тюркских курганах встречены на Алтае (раскопки в Курайской степи)¹¹, а также в Хакасии (Копенский курган 6)¹².

Находки скелетов собак отмечены в салтовских погребениях, причем, как считает С. А. Плетнева, «у дмитровцев собака служила ритуальным животным. В Саркеле же собака была основным жертвенным животным»¹³.

Собаки породы «тазы» быстро бегают, способны догнать и задушить зверя. Среднеазиатских борзых используют чаще всего на охоте в степных, пустынных и лесостепных районах. Поэтому возможность их широкого использования древними племенами при охране стад и на охоте в ареале Прииртышья вполне вероятна¹⁴.

Наряду с тем образ собаки занимал, по-видимому, не последнее место среди тотемов тюркских племен. На пережитки тотемизма, перешедшие от предков в традиции тюркоязычных народов, указывает И. В. Захарова¹⁵. С. П. Толстов, разбирая вопрос о пережитках у туркмен, отмечал жертвоприношения собак как один из важных моментов погребального культа восточных палеоазиатов¹⁶. На обряд захоронения человека с собакой указывает и В. Н. Чернецов¹⁷, разбирая погребальный ритуал у вогулов.

Из вышеизложенного следует, что специальное захоронение человека вместе с собакой является отражением религиозных верований,

⁹ А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 94.

¹⁰ С. С. Черников. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции, 1948 г. «Изв. АН КазССР, серия истор., эконом. филос. и права», вып. 3, 1951, стр. 74. В кургане 28 у с. Баты вместе с покойником была положена на правом боку собака с вытянутыми ногами и поджатым хвостом.

¹¹ С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. «Тр. ГИМ», вып. XVI. М. 19, стр. 97.

¹² Л. А. Евтюхова. Енисейские кыргызы. Абакан, 1948, стр. 34.

¹³ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 97.

¹⁴ На известных рельефах из кургана 6 Копенского Чаатаса (VII—VIII вв.) имеется изображение всадника со степной собакой, преследующих зверя.

¹⁵ И. В. Захарова. Двенадцатилетний цикл у народов Центральной Азии. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960, стр. 61.

¹⁶ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. В кн.: «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1935, № 9, 10, стр. 93.

¹⁷ В. Н. Чернецов. Представление о душе у обских угров. В кн.: «Исследования и материалы по вопросам религиозных верований». М., 1959, стр. 147.

связанных с культом этого животного у некоторых древнетюркских племен Прииртышья.

Переходя к датировке рассматриваемых курганов, следует отметить, что сопровождающий инвентарь при погребениях довольно однороден и представлен конским снаряжением, оружием, украшениями, бытовыми предметами.

От конской сбруи сохранились железные стремяна с широкой подножкой и восьмеркообразной петлей, подпружные пряжки (костяная — с Т-образным вырезом и округлой головкой, железные — овальной формы с подвижным язычком), двусоставные удила с восьмеркообразными кольцами, из них один экземпляр (курган 39) с дополнительным третьим кольцом и один экземпляр (курган 126) с S-овидными псалиями с прямоугольной скобой.

Аналогии всем этим вещам в большом количестве известны в кругу памятников VIII—IX вв. Алтая¹⁸ и Тувы¹⁹.

Оружие представлено остатками трех луков, трех берестяных колчанов с железными наконечниками стрел и саблей.

По своему устройству луки несколько отличаются один от другого. На луке, найденном в кургане 1, имелась пара срединных и пара концевых накладок (с одного конца). Такая конструкция, согласно классификации А. А. Гавриловой (II стадия развития луков), бытовала на Алтае в VI—VII вв. На другом луке, найденном в том же кургане, имелась лишь одна пара срединных накладок; он аналогичен катандинскому типу, бытовавшему в VII—VIII вв.

Наличие в одном кургане отличающихся по устройству разновременных луков свидетельствует о том, что здесь, по-видимому, зафиксирован переходный момент, когда новая форма устройства лука только зарождалась и еще не успела окончательно вытеснить старую форму. Это обстоятельство дает возможность конкретизировать время сооружения кургана 1 и датировать его концом VII — началом VIII в.

От третьего лука (курган 38) сохранилась деревянная концевая часть (кибита) длиной 65 см, возле которой имеется узкая полоса бересты шириной 2,5—3 см, длиной 90 см (остатки налуча?). Общая длина лука составляет примерно 1,3 м. Срединные накладки сохранились плохо, на их внутренней и внешней поверхности прослеживаются следы штриховой нарезки. Конструкция этого близка раннесредневековым лукам, распространенным от Сибири до Восточной Европы.

¹⁸ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, рис. 6, 16.

¹⁹ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, «Вестник МГУ», № 4, 1964, табл. I, 61, 103, 104; С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. СЭ, № 3, 1966, рис. 10—85; А. Д. Грач. Археологические раскопки с. Магун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.), ТТКАЭ. М.—Л., 1960, рис. 28.

Плохая сохранность колчанов не позволяет точно определить их форму. Однако, судя по сохранившимся отдельным частям, установлено, что колчаны были округлой формы, свернутые из нескольких слоев бересты с деревянным вставным дном и «открытым карманом». Стрелы помещались наконечниками вверх, оперением к слегка расширенному дну.

Из трех колчанов наибольший интерес представляет колчан (курган 38) с орнаментом на поверхности, оттиснутым по бересте в виде пересеченных волнистых линий, образующих ромбы, расположенные в шахматном порядке. На территории Казахстана, насколько нам известно, не встречены колчаны с орнаментированной поверхностью. Орнаментированный колчан был найден в тувинских захоронениях VIII—IX вв.²⁰.

Из общего числа (27) наконечников стрел, найденных в рассматриваемых курганах, выделяются четыре типа: трехлопастные (20 экз.), трехгранные (4), округлые (2) и плоский (1) в сечении.

Среди трехлопастных имеются широколопастные (тупоугольные) и узколопастные (остроугольные) наконечники. Форма плоского и округлых в сечении наконечников напоминает вытянутый треугольник.

Указанные формы наконечников стрел известны из памятников VII—IX вв. Павлодарского Прииртышья²¹, Алтая²², Тувы²³, Придонья²⁴.

Сабля (длина 80 см, ширина 3 см, длина рукоятки 12 см), найденная в кургане 1, была в деревянных ножнах, отделанных с лицевой стороны сплошь тонким листовым серебром, а с тыльной — продольными полосами из бересты. Нижние концы ножен и рукоятки скреплены парными серебряными накладными бляхами, украшенными растительным орнаментом.

В средней части полосы на ножны надеты две серебряные парные обоймы, оканчивающиеся фигурными бляхами со стилизованным растительным орнаментом. Из-за плохой сохранности железа точно определить форму полосы не представляется возможным. Судя по всему, она была прямой с едва скошенной в сторону лезвия рукоятью. В середине рукояти сохранился железный шип, оканчивающийся восьмилепестковой серебряной бляшкой. Перекрестие не сохранилось.

²⁰ А. Д. Грач. Археологические раскопки..., рис. 37.

²¹ Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл. I, рис. 18—22, 43.

²² А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., табл. XI, рис. 9—13.

²³ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории..., табл. I, рис. 14, 19, 90, 92.

²⁴ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры. МИА, 62. М.—Л., 1958, стр. 123, рис. 16.

Размеры и устройство сабли характеризуют ее как раннюю переходную форму (от меча), аналогия которой известна из кургана 2 могильника Сростки²⁵. Сабля из этого кургана хорошо датируется по найденной в одном комплексе монете 766—780 гг.

Под действием определенных военных условий и распространения новой системы конского снаряжения подобный тип сабель появляется в Сибири (изображения на каменных изваяниях)²⁶ и Восточной Европе в VII—VIII вв. Начало использования сабель племенами Прииртышья было, несомненно, вызвано теми же причинами.

Владелец сабли, вероятно, был человек знатного происхождения, о чем свидетельствует богатый инвентарь, найденный в кургане 1. Кроме сабли с серебряной отделкой, в нем были найдены остатки лука и колчана, наполненного стрелами, богато украшенный «боевой» пояс, серьги, перстень и др. Следует учесть при этом, что погребение взрослого ограблено и приведенный перечень не отражает действительного количества погребального инвентаря, имевшегося в кургане.

В исследованных курганах найдены украшения от четырех поясов. Из них выделяется пояс подростка (курган 1), от которого сохранились часть ремня, бронзовая пряжка с цельноотлитым щитком и железным подвижным язычком, четырнадцать восьмилепестковых бронзовых блях от основного ремня и семь блях такой же формы от подвесных ремешков, четыре наконечника ремня (три для подвесных, один для основного) и прямоугольная обойма.

Особый интерес представляет собой один из наконечников ремня (длина 4 см, ширина 4,3 см) с рельефным изображением двух горных козлов (или ланей)²⁷ с лентой на шее у священного дерева.

Изображения, отражающие аналогичный сюжет, имеются на бляхе IX в., найденной в Красноярском крае²⁸, и на согдийской гемме²⁹.

Известно, что сюжет священных животных у древа жизни, зародившийся в глубокой древности, в различных вариантах распространился в так называемом сасанидском искусстве и у согдийцев. Сцена на разбираемой бляхе, скорее всего, была скопирована с согдийского оригинала, попавшего в Прииртышье в результате экономических, политических и культурных взаимоотношений, имевших место между

²⁵ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., стр. 69.

²⁶ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М., 1952, рис. 67.

²⁷ Указал М. П. Грязнов, за что приношу свою глубокую признательность.

²⁸ В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1949, табл. XVI, рис. 39.

²⁹ Г. А. Пугаченкова. Материалы по восточной глиптике. «Тр. САГУ», Ташкент, 1957, рис. 159, 16

племенами Западнотюркского каганата и Согда. Наконечник ремня, являясь предметом прикладного искусства с утилитарным назначением, как нельзя лучше отражает синкретическое искусство древних тюркоязычных племен. Кстати, устройство и форма поясов, бытовавших на территории Согда и Западнотюркского каганата (куда входили и прииртышские племена), были однотипны. На это в свое время указывала В. И. Распопова в статье «Поясной набор Согда VII—VIII вв.»³⁰.

По сохранившимся частям пояса из кургана 1 можно установить, что бляхи крепились к ремню на заклепанных штырьках с пластинчатой железной прокладкой (шайбой), надетой на штырек (под заклепку) с обратной стороны ремня.

Истории происхождения и развития раннесредневековых поясов в археологической литературе уделено большое внимание. Однако вопросы эволюции и назначения поясов тюркоязычных племен Казахстана с выявлением местных особенностей до сих пор остаются не изученными, хотя уже накоплен довольно обширный материал.

Пояс подростка из кургана 1 (судя по количеству бляшек, наконечников ремней и способу их крепления) относится к ранним типам тюркских поясов.

От пояса мужчины, погребенного вместе с подростком, сохранились две прямоугольные обоймы и литая бронзовая подвеска, типичная для древнетюркского пояса VII—VIII вв.

Следует отметить, что пряжки-подвески, относимые В. И. Распоповой к предметам согдийского происхождения, широко известны из тюркских курганов Сибири³¹ и Тувы³². Своеобразием согдийских подвесок является отсутствие длинного штырька на нижнем конце, характерного для тюркских. Это отличие, по-видимому, результат местного производства в каждом отдельном случае.

С изменением устройства пояса (в IX—XI вв.) на смену неорнаментированным подвескам появляются лировидные подвески с затейливым растительным орнаментом, характерные для кочевнических комплексов Сибири и Восточной Европы.

От пояса в кургане 38 сохранилась железная пряжка с цельноотлитым щитком, аналогичная по форме бронзовым тюркским пряжкам, и семь сердцевидных железных бляшек. Вторая пряжка бронзовая, с железным язычком, найденная у правого бедра, под колчаном, осталась, видимо, от ремня, крепившего колчан.

В кургане 39 принадлежностью пояса являются бронзовая пряжка

³⁰ СА, 4. М. 1965.

³¹ Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работах..., табл. 50; Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. VIII, рис. 38.

³² А. Д. Грач. Археологические раскопки..., рис. 34.

с цельноотлитым щитком, шесть сердцевидных неорнаментированных блях с одним шпеньком на оборотной стороне, одна прямоугольная обойма и три наконечника ремня подпрямоугольной формы с закругленным концом.

Все описанные пояса однотипны по устройству и отличаются один от другого лишь количеством бляшек и наконечников ремня. Это обуславливалось, вероятно, (как и у салтовских воинов) различием в общественном положении умерших.

К орудиям труда относится железный топор-тесло, широко применяемый раннесредневековыми племенами Сибири и Алтая.

Предметы быта представлены железными ножами, оселком, остатками шелковой сумки. Все железные ножи (4 экз.) с деревянными рукоятками. В одном случае (курган 1) сохранились остатки деревянных ножен, обернутых по спирали полоской бересты, и деревянная рукоять ножа. Нож в аналогичном оформлении найден в кургане 1 могильника Курай³³, датированном VII—VIII вв.

Оселок (курган 1) без отверстия изготовлен из серого сланца. На поверхности его отчетливо видны следы сточенности.

Сохранились остатки от шелковой сумки, сшитой на подкладке, найденные справа (у пояса) от скелета подростка (курган 1). В сумке помещался серебряный перстень (позолоченный) в виде несомкнутого кольца со щитком, в середине которого ромбовидное отверстие, обрамленное стилизованными листьями, оканчивающимися гроздьями винограда. Аналогичные перстни нам неизвестны.

В двух курганах найдены золотая и бронзовая (3) серьги в виде несомкнутого кольца, часто встречающиеся в тюркских захоронениях от V в. до позднего средневековья.

Обычно бусы составляют категорию женских украшений, но в кургане 1 с мужским скелетом (ограбленном) найдены шесть бипирамидальных шестигранных бусинок, изготовленных из черного агата, и две шаровидные из сердолика. Форма этих бусинок близка к найденным в могильнике Саркел-Белая Вежа³⁴.

Две бронзовые сердцевидные подвески, найденные у ног подростка, являются, по-видимому, частью конского убора, так как подобные известны из Салтово³⁵.

Найдены в кургане 1 астрагалы (28), вероятно игральные, свидетельствуют о существовании среди прииртышских племен игры «в бабки», известной и в наше время.

Таким образом, на основании разбора материала и близких ана-

³³ Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работах..., рис. 39.

³⁴ О. А. Артамонова. Могильник Саркел-Белая Вежа. МИА, 109, М.—Л., 1963, рис. 49, 36.

³⁵ С. А. Плетьева. От кочевий к городам, стр. 169, рис 46/14.

логий погребального обряда и инвентаря изученные нами курганы следует датировать VIII—IX вв.

Во всех курганах погребены мужчины — воины в сопровождении боевого коня. Намечаемые различия в количестве и «качестве» инвентаря связаны с принадлежностью умерших к разным социальным группам общества.

Определение этнической принадлежности умерших пока преждевременно, однако намечаемые общие черты в погребальном обряде ранних кочевников в рассмотренных нами памятниках позволяют считать их представителями местных тюркоязычных племен, входивших в кипчакско-кимакское политическое объединение, поздние этапы истории которых связаны с древней историей казахского народа.

Р. З. БУРНАШЕВА

о время реставрационных работ в мавзолее Ходжа Ахмед Ясеви, расположенном в старой части современного г. Туркестана, был снят слой грунта вокруг памятника. В этом слое обнаружено большое количество предметов материальной культуры, остатки стен различных сооружений из жженого и сырцового кирпича. Для более детального изучения их привлекались археологи Х. А. Шахурин, В. А. Левина, Н. Немцева и Г. И. Пацевич, производившие раскопки в 1952—1955, 1957—1958 и 1960 г.

В 1960 г. наблюдение за работами вел кандидат исторических наук Г. И. Пацевич. Согласно его «Отчету...»¹, на территории памятника было найдено пять кладов медных монет. Два клада найдены на

¹ Отчет о научно-исследовательских работах в охранной зоне архитектурного комплекса «Ходжа-Ахмед-Ясеви» в г. Туркестане, составленный в 1960 г. Г. И. Пацевичем. Отчет хранится в отделе по охране памятников материальной культуры КазССР.

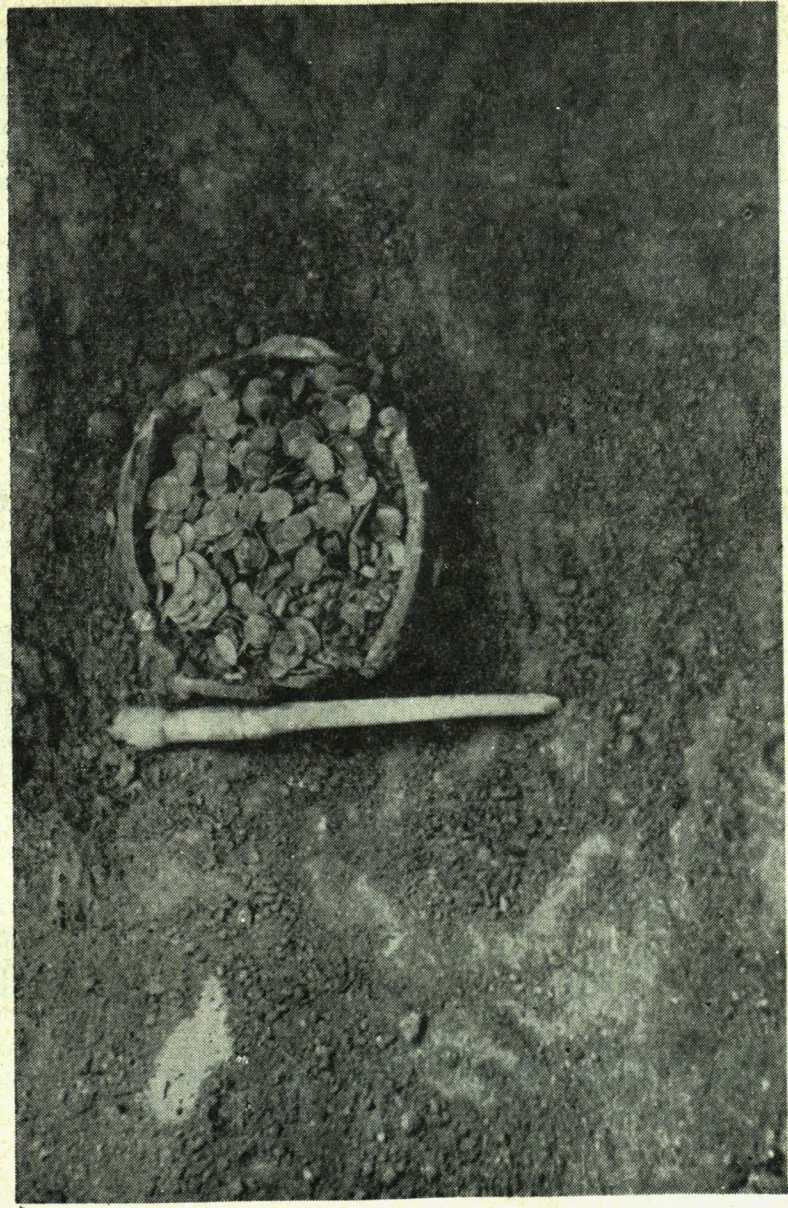

Рис. 1. Сосуд с монетами, верхняя часть которого срезана ножом скрепера.

площадке недалеко от остатков мавзолея Раби-а-Султан Бегум (XV в.), на глубине около двух метров, в двух глиняных сосудах, верхняя часть которых была срезана ножом скрепера, в результате чего часть монет вместе с грунтом была выброшена в отвал (рис. 1). Монеты, по описанию Г. И. Пацевича, имели неправильную круглую форму, диаметр около 2,5 см, вес от 5 до 6 г. Среди них находились и заготовки, представляющие собой куски нарубленного медного прута неправильной круглой формы, диаметром около 0,5 см, весом от 3 до 4 г².

В дальнейшем в одном из помещений сооружения, находящегося примерно в 150 м к юго-востоку от юго-восточного минарета мавзолея, на сильно уплотненном земляном полу было найдено еще два клада. Один в глиняном неполивном сосуде, срезанном наполовину; другой, по-видимому, был в матерчатом мешочке, так как отдельные кусочки материи прилипли к монетам. Эти монеты, по отчету Г. И. Пацевича, однотипны, неправильной круглой формы, диаметр их колеблется от 1,5 до 2 см, вес около 2 г. Заготовки, находящиеся среди них, имеют круглую форму, вес их от 1 до 1,5 г³.

И, наконец, пятый клад был обнаружен в 50 м к юго-западу от упомянутых выше находок, на той же примерно глубине — 2,3—2,5 м. Монеты лежали россыпью, видимо, часть их попала в отвал. Диаметр их колеблется от 2,5 до 3 см, вес отдельных монет — от 4,5—5 г⁴.

Клады были переданы Г. И. Пацевичем в отдел археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР и сданы в чистку, так как в результате долгого нахождения в земле монеты покрылись окисью. К сожалению, при очистке монеты оказались смешанными и разграничить их по прежнему составу не удалось. Данные, приведенные в отчете Г. И. Пацевича, также не дают возможности определить состав монет покладам. Читаемых монет очень мало, надписи нерельефные, видимо, из-за того, что они отчеканены или старыми штемпелями или же стерты в результате длительного «хождения» монет. Кроме того, часть монет отчеканена штемпелем большего размера, чем их поверхность, и поэтому легенды оттиснулись на них не полностью. Частичное изображение получалось на монетах также из-за примитивной ручной техники, вследствие неустойчивости верхнего штемпеля при чеканке. Но главное затруднение в определении нумизматического материала заключалось в том, что монеты кладов оказались анонимными и без выпускных данных.

Надо сказать, что с XVI в. до середины XVIII в. медь в основном выпускалась без даты, а для XVI в. это характерно и в отношении

² Там же, стр. 11—12.

³ Там же, стр. 37—38.

⁴ Там же, стр. 38—39.

серебра⁵. Поэтому для дальнейшей работы над кладами мы разграничили монеты на две группы по числу монетных дворов, а третью группу составили монеты неопределенные.

Первую группу, самую многочисленную, составляют монеты, чеканенные в г. Ясы. Читаемых монет 127 штук⁶. К ним можно отнести еще 218 штук, имеющих на оборотной стороне тот же геометрический картуш (рис. 2). Монеты эти более или менее круглой формы, диаметр их колеблется от 15 до 21 мм, средний вес — 1,65 г.

На лицевой стороне в круге, окаймленном точечным и линейным ободками, надпись:

ضرب یسی — «Чеканена в Ясы». На оборотной стороне в круге, окаймленном линейным ободком, сложный геометрический орнамент (рис. 3), напоминающий орнамент самаркандского динара 918 г. х. (1512—1513)⁷. К этой же группе по форме и по технике изготовления явно относятся большое число монет, не сохранивших ни надписей, ни орнамента, совершенно стертых или вообще не чеканенных, их 1200 штук. Диаметр их тот же, средний вес 1,34 г., на 0,35 г. меньший первых, видимо, за счет стертости.

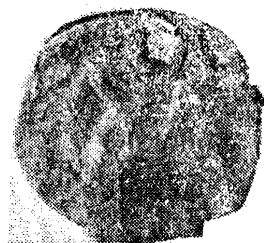

Рис. 2. Геометрический картуш оборотной стороны монеты.

Рис. 3. Лицевая и оборотная стороны монет, чеканенных в г. Ясы.

Вторую группу составляют монеты, чеканенные в г. Ташкенте. Эти монеты в свою очередь подразделяются на подгруппы по внешней форме: к первой подгруппе относятся 25 монет, имеющих квадратную, слегка удлинненно-круглую и круглую форму. Размеры их колеблются в пределах 16×17 , 18×19 , 21×25 , 22×22 и 22×25 мм. Средний вес 4,7 г.

На лицевой стороне в круге, окаймленном двумя линейными ободками, в середине которых проходит кругообразная волнистая линия с точками, надпись: ضرب تاشکند — «Чеканена в Ташкенте». Ободки встречаются самых различных видов (рис. 4).

На оборотной стороне в части круга, окаймленного двумя линейными, точечным и штриховыми ободками, остатки какой-то надписи

⁵ Е. А. Давидович. Две денежные реформы в государстве Шейбанидов. «Тр. САГУ», вып. XXIII, 1951, стр. 130—133; Е. А. Давидович. Надписи на среднеазиатских монетах XVI в. «Эпиграфика Востока» (далее ЭВ), VII. М.—Л., 1953, стр. 36.

⁶ Некоторое количество из этой группы было послано Г. И. Пацевичем на определение Е. А. Давидович. См.: Е. А. Давидович. Нумизматические заметки (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды), «Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР», № 3 (53), 1968, стр. 84.

⁷ Там же.

или же изображения. Обратная сторона этих монет имеет еле заметные остатки каких-то надписей или же изображения животных и птиц. Имени правителя и выпускных данных нет (рис. 5).

Рис. 4. Различные виды ободков монет, чеканенных в Ташкенте.

Рис. 5. Лицевая и оборотная стороны монет 1-й подгруппы, чеканенных в Ташкенте.

Ко второй подгруппе относятся и монеты, имеющие форму ложечки или лопаточки. Общее количество их 558 штук. Заготовки монеток представляют собой небольшие отрезки медной проволоки длиной от 10 до 20 мм. На одном конце расплющенного отрезка отчеканено наименование монетного двора — *ضرب تاشكند* — «Чеканена в Ташкенте» (110 шт.) или растительный орнамент в виде четырехлепест

кового цветка — 134 штуки (рис. 6). Размеры ложечки или лопаточки самые разнообразные и зависят от техники разрезания проволоки — под прямым углом или наискосок: 6×8 , 6×9 , 8×8 , 9×10 мм. Толщина ее не превышает 1,5 мм. Монеты отчеканены только с одной стороны. Видимо, длинная проволока с одного конца придерживалась щипцами или даже рукой, а другой ее конец накладывался на прочно установленный нижний штемпель, по которому ударяли молотком. Готовая часть отрубалась или отрезалась от проволоки. Надписи и орнаменты не всегда получались на монете из-за малой поверхности расплющенной части. Таких монет больше, чем первых двух (314 шт.). Ни выпускных данных, ни имен правителей эти монеты также не имеют. Средний вес монет с надписью 1,57 г, с растительным орнаментом — 1,40 г, и последних — 1,35 г.

Третью подгруппу составляют монеты, чеканенные на обрезке толстого медного прута, длина которого от 9 до 16 мм, ширина от 3,5 до 6 мм, толщина от 2 до 4,5 мм. Общее количество их 312 штук, 64 из них очень плохой сохранности.

Лицевая сторона имеет надпись: ضرب تاشكند — «Чеканена в Ташкенте» без года и имени правителя. Обратная сторона — часть растительного орнамента в виде ромашки, без всяких данных. Средний вес этих монет равен 1,65 г (рис. 7). Аналогичный материал приводится М. Е. Массоном, но, к сожалению, без датировки⁸.

Монетный двор в Ташкенте как при тимуридах, так и шайбанидах относился к числу наиболее крупных, его продукция довольно часто встречается в монетных кладах Средней Азии XV—XVI вв. Неудивительно, что

какая-то часть этой продукции находится и в наших кладах из г. Ясы. Медная монета XV—XVI вв. была довольно крупной денежной единицей, выпускалась в очень большом количестве по сравнению с серебряной; в силу большой покупной способности она обслуживала не только внутригородской оборот, но выходила далеко за пределы города и области⁹. Город Ясы, по описанию средневекового историка XVI в. Рузбехана, являлся главным городом области Туркестана. «Товары и драгоценные вещи прибывали в г. Яссу, и там происходит и продажа их. Здесь сходятся дороги из Мавераннахра и Китая...»¹⁰ Со второй половины XVI в., т. е. после присоединения к русскому государству Казанского и Астраханского ханств, усилился оживленный торговый обмен между Москвой и среднеазиатскими городами — Бухарой, Самаркандом, Ташкентом, Балхом и др.¹¹ Город Ясы, находившийся на пересечении многих караванных путей, являлся связывающим пунктом различных торговых операций. Немаловажную

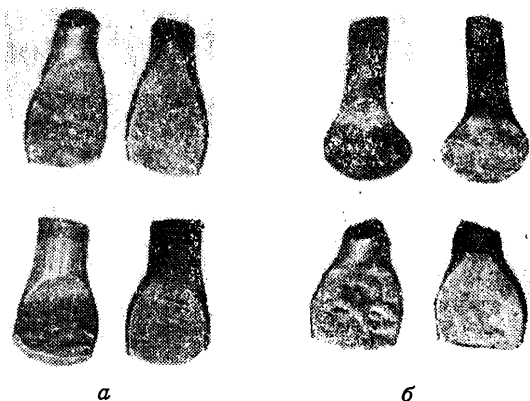

Рис. 6. Лицевая и обратная стороны монет 2-й подгруппы, чеканенных в Ташкенте: а) с подписью «чеканена в Ташкенте»; б) с растительным орнаментом.

⁸ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. «Изв. Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы», вып. III. Ташкент, 1928, стр. 291.

⁹ Е. А. Давидович. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). «Тр. Сагу», вып. XI, 1950, стр. 136.

¹⁰ С. К. Ибрагимов. «Михман-наме-и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVII вв. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960, стр. 156.

¹¹ Ф. А. Азадаев. Ташкент во второй половине XIX в. Очерк социально-экономической и политической истории. Ташкент, 1959, стр. 12.

роль для накопления в г. Ясы некоторого денежного капитала играло и то обстоятельство, что в этом городе находилась могила мусульманского «святого» Ходжа Ахмеда Ясеви, на поклонение к которой со всех концов Казахстана и Средней Азии непрерывно стекались купцы и паломники, и город стал центром паломничества и кипучей торговли¹². Участие медных монет в междугородской торговле подтверждается и нашими кладами.

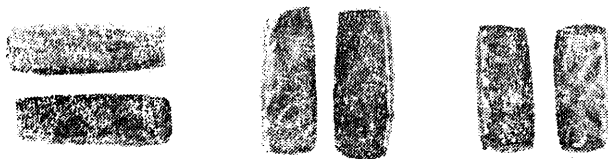

Рис. 7. Лицевая и оборотная стороны монет 3-й подгруппы, чеканенных в Ташкенте.

Третья группа монет неопределенная. К ней относятся 111 монет, чеканенных на довольно плотном монетном кружке. Из них 10 штук на оборотной стороне имеют орнамент (рис. 8), а лицевая сторона стерта. Средний вес этих монет 4,75 г; три штуки диаметром 25 мм сохра-

Рис. 8. Неопределенная монета с геометрическим орнаментом на оборотной стороне.

нили на лицевой стороне только слово ضرب — «Чеканена», оборотная сторона стерта, средний вес 5,3 г. Остальные совершенно стертые или же имеют кое-как сохранившиеся отдельные буквы каких-то надписей.

Группа неопределенных монет (16 шт.) представляет собой отчеканенные только с одной стороны анэпиграфические, анонимные монеты. Диаметр их колеблется от 15 до 20 мм, средний вес 2,81 г. На отчеканенной стороне — орнамент, напоминающий тамгу (рис. 9).

Монеты, чеканенные на расплюсненном кусочке прута, неправильно-четыреугольной формы, размеры их колеблются в пределах 5×12,

¹² А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, стр. 113.

7×9, 7×11, 7×12, 7×19, 9×11 и 9×15 мм. Толщина их около 1 мм, средний вес—1,25 г. Общее количество монет 121 штука, причем из них 32 на одной стороне имеют изображение птицы (рис. 10), а на другой — следы еле заметного геометрического орнамента. Монеты с птицами отмечены М. Е. Массоном в кладе, найденном в 1920 г. в Самарканде. Клад определен им как аштарханидский (XVII — середина XVIII в.)¹³. Монеты с птицами в большом количестве встречаются в шестидеятикилограммовом кладе медных монет с территории древнего Ахсыкента. Клад еще не обработан, хранится в отделе археологии Института истории и археологии АН УзССР.

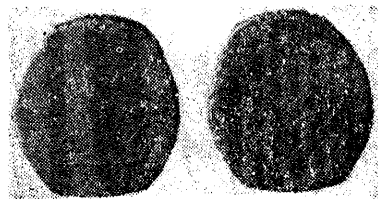

Рис. 9. Анепиграфические, анонимные монеты, отчеканенные с одной стороны.

Следующую неопределенную группу составляют 284 совершенно стертых монеты, диаметр которых колеблется от 8 до 14 мм, средний вес равен 1,26 г.

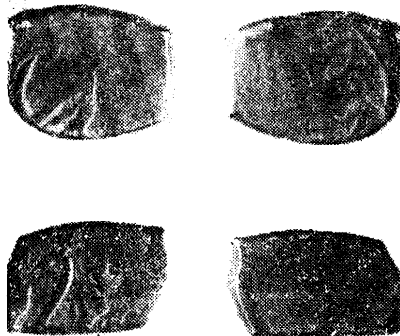

Рис. 10. Лицевая и обратная стороны неопределенных монет, имеющих на лицевой стороне изображение птиц.

Заготовки для изготовления монет встречаются в наших кладах двух видов. В одном случае проволока, из которой вырубались заготовки, имела диаметр от 3 до 5,5 мм (чаще 5,5 мм), а в другом — от 7 до 8 мм (количество последних больше). Средний вес первых 1,31 г, вторых — 1,85 г. Средний вес заготовок не соответствует ни одному среднему весу вышеописанных монет. Видимо, по этой причине они были не использованы и сохранены для другого подходящего случая.

Нами тщательным образом было просмотрено свыше 2000 медных монет, из которых больше половины составляет медь, чеканенная в г. Ясы (1635 шт.).

Это обстоятельство говорит о функционировании в Ясах своего монетного двора. На первый взгляд наличие в кладах большого количества заготовок и плохое качество изготовленных монет дают возможность предположить существование в г. Ясы мастерской фальшивомонетчика. В XV—XVI вв. на территории Средней

¹³ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г., стр. 293.

Азии зафиксирована работа монетных дворов не только в крупных городах, но и в некоторых мелких, и даже в пригородах больших городов. Медные монеты в это время обслуживали розничную торговлю полностью; несколько монет соответствовали дневному прожиточному минимуму рядового горожанина¹⁴. Такой обстановкой вполне смог бы воспользоваться фальшивомонетчик из Яс. Однако известно, что фальшивомонетчики выпускали свою продукцию всегда с именем других монетных дворов, учитывая политическую и экономическую ситуацию того времени. Так, фальшивомонетчик XVI в. из-под Ташкента изготавливал монеты с чеканом Хорезма, так как хорезмская монета в то время была широко распространена и наводняла базары Мавераннахра; иногда, чтобы разнообразить свой чекан, он выпускал также монеты далеких городов — Нового и Старого Сараев, Сыгнака¹⁵. Таким образом, версия о существовании в г. Ясы мастерской фальшивомонетчика отпадает, так как прежде всего мастер стал бы изготавливать монеты с чеканом столичных городов — Бухары и Самарканда, где постоянно функционировали монетные дворы и монеты которых чаще встречаются в кладях XV—XVI вв., а не занялся бы подделкой монет г. Ясы, в котором проживал сам.

На функционирование в г. Ясы монетного двора указывает и Е. А. Давидович в недавно опубликованной статье¹⁶. Среди монет Искандер-хана шейбанида (1560—1583) она обнаружила экземпляры с наименованием монетного двора в г. Ясы. Хотя первоначально это чтение вызывало у нее сомнение, но посланные ей на определение некоторые экземпляры из наших кладов помогли окончательно установить принадлежность их к чекану г. Ясы¹⁷.

В свою очередь деньги Искандер-хана позволяют нам все медные монеты, чеканенные в г. Ясы, хотя они являются анонимными, т. е. без имени правителя, по-видимому, датировать XVI в. И неудивительно. Так, по сообщению Рузбехана, для сыр-дарьинских городов (Ясы, Сыгнак, Аркук и Сайрам), несмотря на периодически повторяющиеся войны, XV—XVI вв. были временем наивысшего расцвета после монгольского нашествия. Города эти играли крупную роль в политической, экономической и культурной жизни Казахстана и Средней Азии¹⁸.

Кроме того, современное название Туркестана начало входить в

¹⁴ Е. А. Давидович. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. (К постановке проблемы). «Народы Азии и Африки», № 6, 1965, стр. 85.

¹⁵ М. Е. Массон. Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом. «Материалы Узкомстариса», вып. 4. Ташкент, 1933, стр. 14.

¹⁶ Е. А. Давидович. Нумизматические заметки..., стр. 81, 84.

¹⁷ Там же, стр. 84.

¹⁸ С. К. Ибрагимов. Указ. раб., стр. 156.

употребление с XVI в.¹⁹, точнее, с конца XVI в. По сообщению средневекового историка Хафиза Таныша, в 1597 г. Туркестан фигурирует как г. Ясы²⁰. А для XVII в. имеется немало сведений русских авторов, где говорится уже о г. Туркестане²¹.

Города Ясы, Сайрам, Сузак, Ташкент и другие являлись постоянным яблоком раздора между казахскими и узбекскими ханами в силу своего стратегического положения. Особенно города Ясы и Ташкент неоднократно переходили из рук в руки. В 1509 г. Шейбани-хан начал свой поход против казахов, который для него оказался весьма удачным. Он захватил богатую добычу и «свез все это в г. Еси (близ современного Туркестана)»²². Далее, в 1513 г. хан Дешт-и-Кипчака Касым совершил поход на Ташкент и Туркестан (имеются в виду области. — Р. Б.) и окружил их²³. В первой половине XVI в. (930/1523—24) владельцем Туркестана и Ташкента был Суюнджи-Мухаммед (шейбанид)²⁴. В Туркестане находится и могила последнего²⁵. Борьба продолжалась и в последующие годы с переменным успехом, и только с конца XVI в. г. Туркестан стал постоянной столицей казахских ханств и лишь очень короткое время принадлежал узбекскому хану Абдулле II. Для первой половины XVII в. мы располагаем весьма ценным письменным источником «Имамкули-хан-наме» کتاب امامقلی خان نامه, в котором имеются интересные сведения о чекане монет казахским ханом Турсун Мухаммад султаном в Ташкенте (убит в 1628 г.).

شادندم پی منع باج خراج برآمد بتخت و بسر ماند تاج
زالقاب خود داد منبر طراز بنامش رواج درم کرد ساز

«В тот же миг воспретил (отсылку Имамкули-хану)
баржа и хараджа.

¹⁹ М. Е. Массон. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясевича. Ташкент, 1930, стр. 3 (примечание).

²⁰ Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. V, 1958, стр. 95.

²¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. (сборник документов и материалов)». Алма-Ата, 1961, стр. V, док. № 13; «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 172; А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане XVII—XVIII вв. «Изв. АН СССР, отд. обществ. наук», 1936, № 3, стр. 328; И. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 20—21.

²² А. А. Семенов. Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов. «Тр. АН ТаджССР», т. XII, вып. 1. Сталинабад, 1954, стр. 71; «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 145.

²³ С. К. Ибрагимов. Указ. раб., стр. 145.

²⁴ Е. А. Давидович. Среднеазиатские монеты XVI в. с наименованием хорасанских городов. «Изв. АН ТаджССР», вып. IV, 1953, стр. 99.

²⁵ В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии, ЭВ, VII. М.—Л., 1953, стр. 46—47.

Взошел на трон и возложил на голову корону.
Украсил своим лакабом минбар,
Пустил в обращение от своего имени монету»²⁶.

Таким образом, в городах Ясы и Ташкент постоянно власть казахских ханов сменялась властью узбекских. Трудно сказать, кому из них принадлежал чекан в г. Ясы. Тем не менее сам факт существования в г. Ясы монетного двора представляет большой интерес, так как впервые вводит в историю монетного дела и денежного обращения Казахстана и Средней Азии название нового монетного двора. Вероятно, дальнейшие археологические работы в области Туркестана дадут больше возможности конкретнее определить монетный материал из г. Ясы. Новые находки помогут полнее охарактеризовать состояние социально-экономических отношений Казахстана XVI в., слабо освещаемых в письменных источниках.

²⁶ С у х а й л а. «Имамкули-хан-наме» *کتاب امامقلی خان نامه*. (Рукопись ИВ АН УзССР, № 89, л. 140 б.). Автор искренне благодарит В. П. Юдина за предоставленный материал.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ

Северный Казахстан в археологическом отношении является одним из слабоизученных районов республики.

В настоящее время на территории области известно лишь около 80 групповых и одиночных курганов. Наиболее полные сведения об этих памятниках были собраны Северо-Казахстанской археологической экспедицией (1956 г.) под руководством К. А. Акишева. В 1952—1953 гг. вскрытие кургана железного века было произведено А. И. Семеновым у оз. Половинного. В могильной яме обнаружено два костяка, ориентированных головами на запад, костяные наконечники стрел, обкладки лука, фрагменты железного меча. В 1956 г. К. А. Акишевым было вскрыто два кургана раннего железного века в могильнике Соколовка I, у оз. Лебяжье. Могилы оказались ограбленными. Однако керамика, обнаруженная в погребении кургана № 3, позволила датировать эти памятники VII—V вв. до н. э.

Указанными исследованиями практически ограничиваются сведения о памятниках эпохи железа* Северо-Казахстанской области. С 1966 г. здесь проводила археологические работы экспедиция, организованная областным историко-краеведческим музеем совместно с

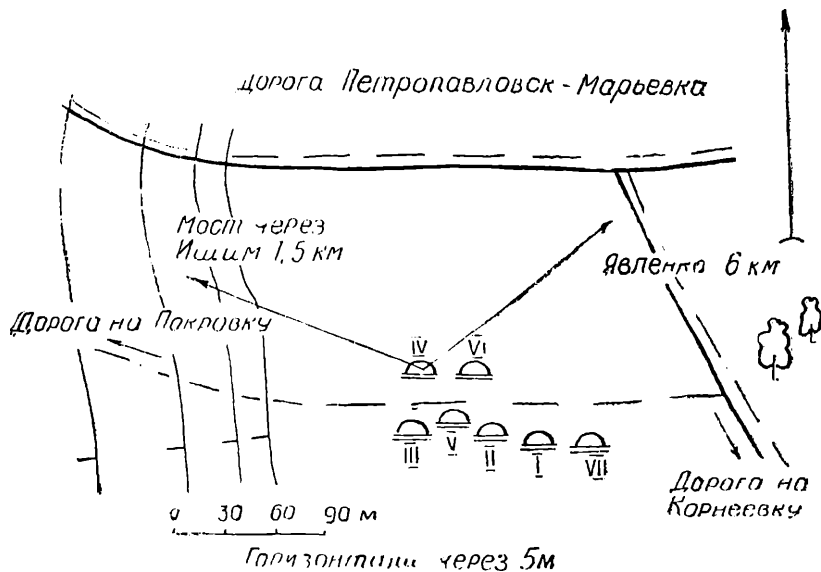

Рис. 1. План Покровского могильника.

Петропавловским пединститутом. Одним из объектов раскопок в 1967 г. был курганный могильник у с. Покровка. Скудость источников определяет особый интерес к материалам Покровского могильника.

Могильник расположен в 1,5 км юго-восточнее с. Покровка Ленинского района на правом коренном берегу р. Ишим. Семь курганов вытянулись по линии ВЗ вдоль старого тракта, ведущего на Петропавловск (рис. 1). Насыпи овальной формы расположены компактно на расстоянии 5—10 м друг от друга. Наиболее крупными размерами выделяются курганы 1 и 2 диаметрами 12 и 17 м, высотой более 0,5 м. Остальные насыпи сильно расплылись и едва выделяются над окружающей поверхностью. Всего в могильнике раскопано семь курганов. Под их насыпями находились десять погребений, три из которых оказались разрушенными грабителями.

Курган 1 располагался в восточной части могильника. Высота его 0,7 м, диаметр около 12 м. Насыпь сложена из чернозема, поверх-

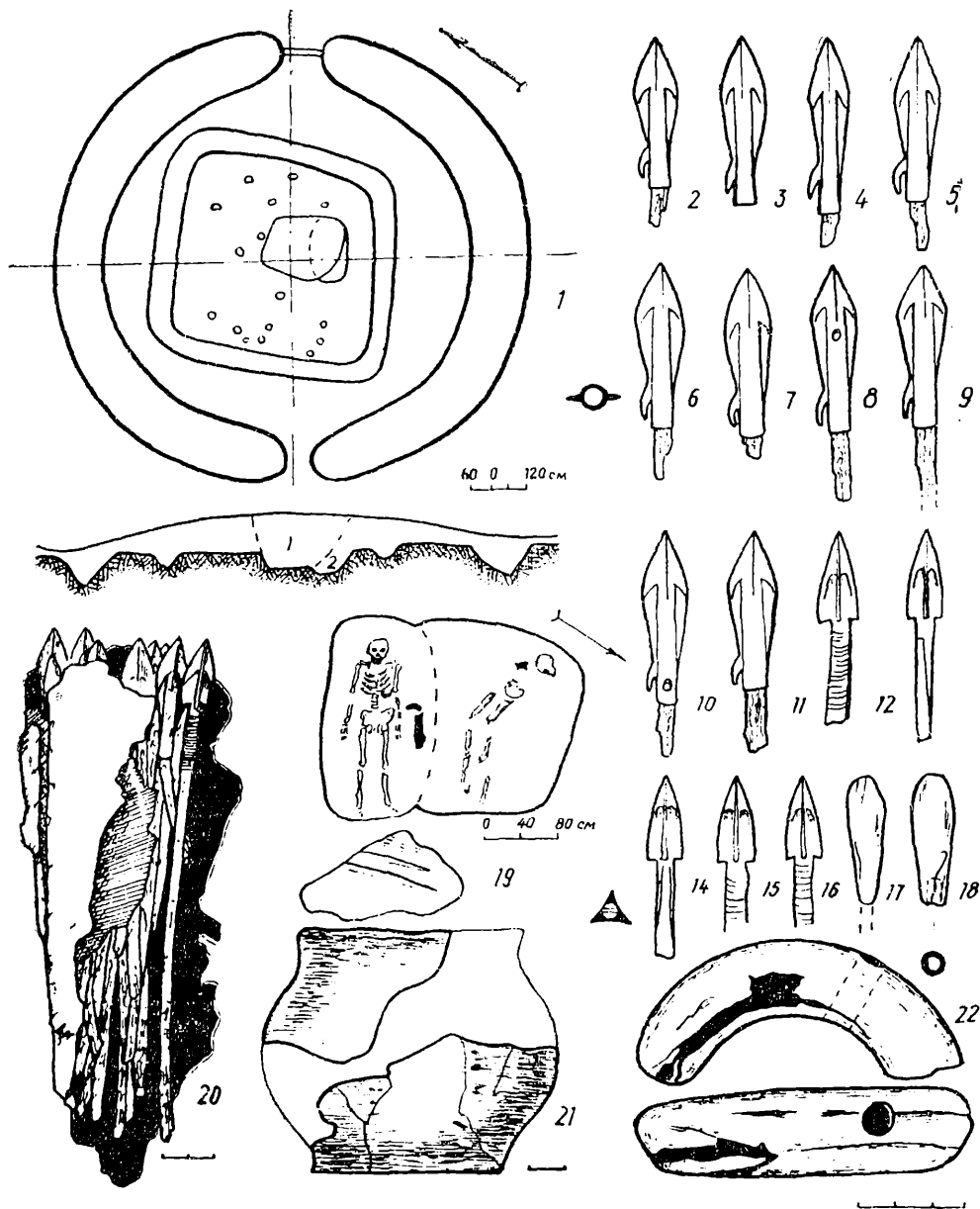

Табл. I. Покровский могильник. Курган № 1: 2—16 — бронза; 17—18 — дерево; 19, 21 — глина; 20 — бронза, кожа, дерево.

ность ее хорошо задернована, в центральной части фиксировалась овальная впадина — след грабительского раскопа.

При вскрытии насыпи в грабительском перекопе обнаружена бедренная кость человека и фрагменты керамики. Почти все они принадлежали маленькому плоскодонному сосуду высотой 7,5 см с прямой шейкой, переходящей в раздутое тулово (табл. I, 21). Один фрагмент со следами резного и накольчатого орнамента происходит от сосуда с примесью талька (табл. I, 19). Могильная яма, сильно испорченная грабителями, имела неправильную овальную форму (3×2,2 м) и была ориентирована по линии ЮВ — СЗ (табл. I). Вокруг ямы прослеживалось кольцо выкида толщиной 5—10 см и диаметром до 4,5 м. Могила обрамляет четырехугольная канавка почти правильной формы с округлыми углами. Четырехугольник (8×8 м) ориентирован по странам света. Ширина канавки 30—40 см, глубина 40—45 см, дно округлое.

На уровне материковой поверхности зафиксировано 16 ямок — остатки столбчатой конструкции. Ямки диаметром 10—30 см, глубиной до 25 см группировались на площадке, ограниченной квадратом вдоль ее восточной и западной сторон. Две ямки глубиной около 30 см зафиксированы в центральной части кургана.

Подкурганная площадка диаметром более 12 м окружена ровом шириной 1,5—2 м, глубиной 1 м от уровня погребенной почвы. Выкид из рва был уложен валиком толщиной до 20 см на внутреннюю часть подкурганной площадки. В юго-западной и северо-восточной частях ров резко прерывается, образуя проходы соответственно по 0,8 и 1,4 м. В северо-восточном проходе на материковом грунте четко фиксировалась узкая канавка шириной 15 см, глубиной 25 см, соединяющая концы рва. Стенки канавки резко сужались к приостроенному дну.

При расчистке могилы на глубине 70 см¹ найдены остатки нескольких березовых обугленных бревен, лежащих поперек ямы. На дне погребения (75 см) у западного угла могилы обнаружено два черепа без нижних челюстей, принадлежащих взрослым мужчинам европеоидного антропологического типа². Между ними лежал крупный камень из кварцита.

На глубине 85 см обнаружена самостоятельная могильная яма, северо-западная стенка которой примыкала к ограбленному погребению. Яма имела подпрямоугольную форму размером 2,3×1,2 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Скелет человека лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. С левой стороны погребенного обнаружены две сверленные костяные подвески: одна — в области грудной

¹ Здесь и далее глубины отсчитываются от уровня древней поверхности.

² Предварительные антропологические определения сделаны О. Исмагуловым.

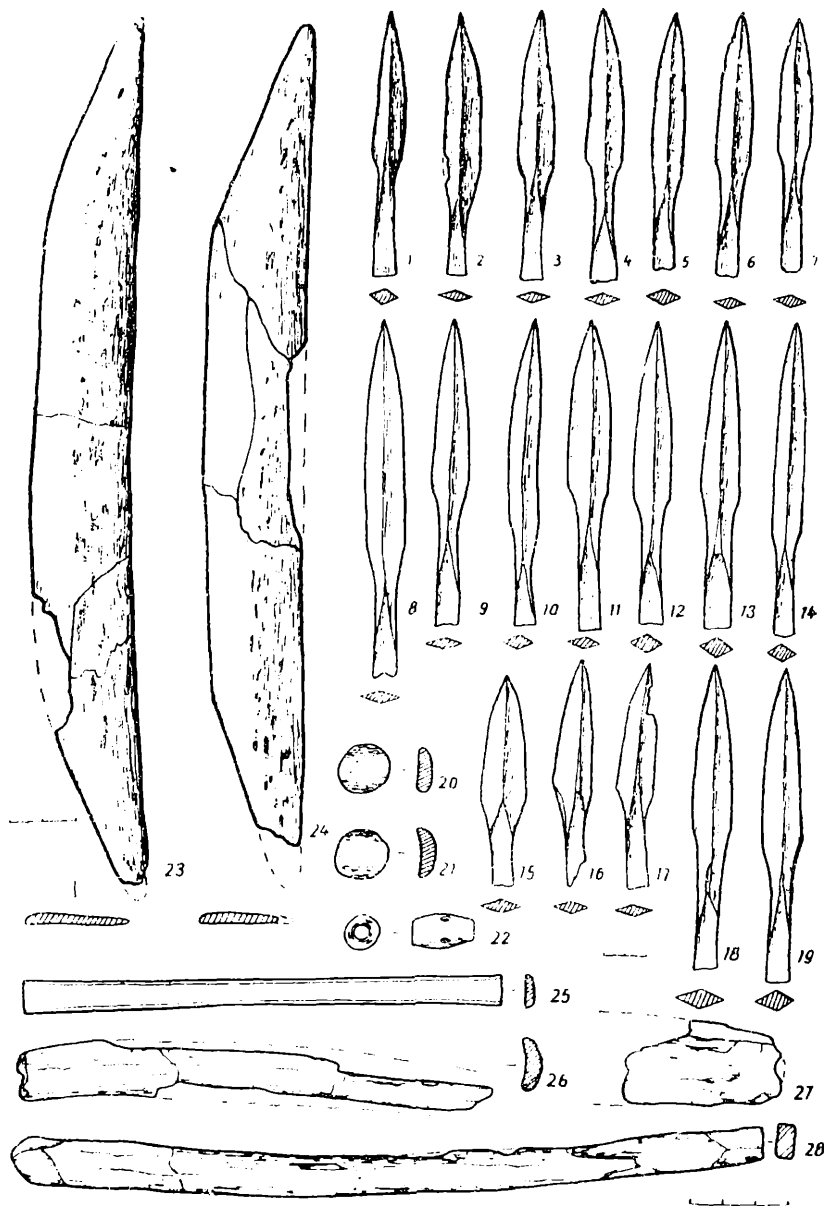

Табл. II. Покровский могильник. Курган № 2: 1—28 — кость.

клетки, вторая—у локтевой кости (табл. I, 22). Возле кисти левой руки лежал кожаный колчан с 14 бронзовыми и 2 деревянными наконечниками стрел со слегка обуглившимися древками. С тыльной стороны его к коже прикреплена бронзовая пластина с круглым отверстием для крепления к поясу. Длина сохранившейся части колчана 22 см (табл. I, 20). Среди бронзовых наконечников стрел 10 экземпляров принадлежат к втульчатым с шипом и листовидной или асимметрично-ромбовидной формой пера (табл. I, 2—11). Длина их варьирует от 4,6 до 5 см. Ко второму типу относятся трехперые черешковые наконечники стрел с выемками в нижней части боевой головки размером 5,6—6 см (табл. I, 12—16).

Курган 2 имел высоту 0,5 м, диаметр 17 м. Насыпь сложена из чернозема, хорошо задернована. В центре подкурганной площадки зафиксированы очертания могильной ямы подквадратной формы с овальными углами размером 2,8×1,6 м. Ориентирована она по линии ЮВ—СЗ. Выкид из ямы располагался вокруг валиком шириной 0,8—1,2 м, толщиной 10—15 см.

На глубине 20 см обнаружено детское вводное погребение. Костяк ребенка двухлетнего возраста лежал в центре ямы вытянуто на спине, головой ориентирован на ЗСЗ. Вещей в погребении нет.

На глубине 1,3 м встречено бревенчатое перекрытие. Березовые бревна уложены в один ряд вдоль длинных стен могилы. В юго-восточной части перекрытия лежало шесть бронзовых поясных накладок и фрагменты железных удил. Рядом обнаружены остатки кожи, покрытой красной краской. Длина ямы под перекрытием резко сужается, а юго-западная стенка уходит в материк, образуя подбой. Дно могильной ямы размером 1,2×2,2 м зафиксировано на глубине 1,9 м.

Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на северо-запад, череп имеет следы искусственной деформации. С правой стороны погребенного обнаружены костяные обкладки лука, вдоль северо-восточной стенки подбоя лежал длинный железный меч. Недалеко от него, в углу погребения, найден халцедоновый диск, рядом — 19 костяных наконечников стрел. У ног погребенного обнаружена железная мотыжка. Все дно могилы покрыто тонким слоем органических остатков.

У южного края подкурганной площадки обнаружена еще одна детская могила (погр. 3). Яма размером 1,9×0,7 м, ориентирована в направлении СВ—ЮЗ. Костяк подростка лежал на спине вытянуто, ориентирован головой на юго-запад. У головы погребенного с левой стороны обнаружен небольшой плоскодонный сосуд и кости животного.

Из остатков лука наиболее хорошо сохранились срединные накладки: длина центральной 14,5 см, ширина 1 см (табл. II, 25), две

другие длиной по 26 см, шириной 2,8 см (табл. II, 23—24). Костяные черешковые наконечники стрел почти все имеют треугольную форму пера и низкое ромбическое сечение. Размеры их варьируют от 10 до 14 см при ширине пера 1,2—2 см (табл. II, 1—19). Железный двухлезвийный меч с халцедоновым навершием диаметром 4,9 см имеет хорошо сохранившиеся деревянные ножны, покрытые красной краской. Длина меча 95 см, наибольшая ширина 4,2 см. Меч прикреплялся с правой стороны при помощи кожаной обоймочки и ремешка, от которого сохранилась бронзовая пряжка диаметром 1,4 см с кольцевым приемником. Бронзовые бляхи, все стандартного размера (5,5×3,3 см), крепились к кожаному поясу при помощи усиков из плоской медной проволоки. Прорези на двух бляхах служили в одном случае для скрепления пояса, в другом — для подвешивания каких-либо предметов.

Курган 3 едва выделялся над окружающей поверхностью, высота 0,2 м, диаметр около 8 м. В юго-восточной части подкурганной площадки зафиксированы очертания могильной ямы длиной 1,8 м, шириной 0,5 м. Яма имела овальную форму, ориентирована в направлении СВ—ЮЗ. На глубине 50 см обнаружены два скелета, лежавшие головами на юго-запад, лица обращены на северо-запад (табл. III, 14). Умершие были буквально втиснуты в могильную яму. У северо-западной стенки вытянуто на спине лежал скелет подростка. Рядом с ним на боку располагался скелет взрослого мужчины, часть костей скелета перекрывали погребение подростка. Оба умерших принадлежали европеоидному антропологическому типу.

С правой стороны погребенных и на черепе взрослого мужчины лежали ребра жертвенного животного. Вещей в могиле не обнаружено.

Курган 4 имел сильно оплывшую насыпь высотой 0,3 м, диаметром около 7 м. В юго-западной части насыпи обнаружена овальная могильная яма размером 2,4×1,8 м, ориентированная по линии В—З с небольшим отклонением на ВЮВ—ЗСЗ. Вокруг могильной ямы прослеживался тонкий слой выкида. Стенки могилы почти вертикальны, только северная имеет два уступа. Высота их соответственно 10 и 15 см, ширина 30 и 20 см. На глубине 60—70 см обнаружено хорошо сохранившееся деревянное перекрытие. Березовые бревна в два слоя располагались вдоль могильной ямы. В западной части перекрытия найден фрагмент бронзовой поясной накладки (табл. III, 15). На дне могилы (глубина 1,2 м, размер 2,25×1,1 м) обнаружен скелет человека с сильно деформированным черепом. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. С правой стороны скелета на стыке плечевой и локтевой костей обнаружены железные кольчатые удила (табл. III, 8). У кисти рук лежали остатки разрушенного же-

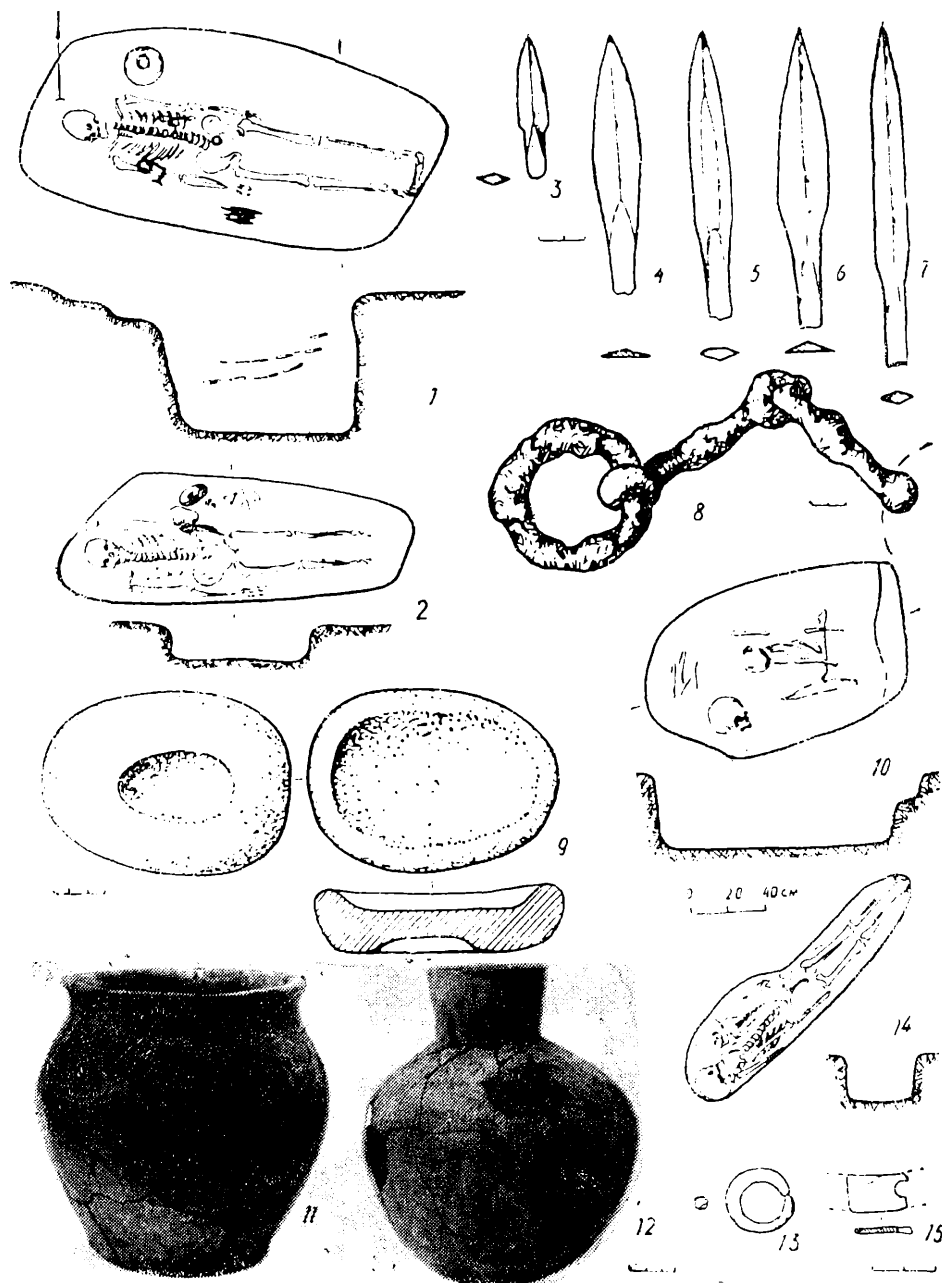

Табл. III. Покровский могильник: 1, 3—8, 13, 15 — курган № 4; 2, 9 — курган № 5; 10 — 11 — курган № 6; 14 — курган № 3 (3—7 — кость, 8 — железо, 9 — камень, 11—12 — глина, 13—15 — бронза).

лезного предмета и пять костяных черешковых наконечников стрел с треугольным или неправильным ромбическим сечением. Размер стрел варьирует от 6,8 до 15,7 см (табл. III, 7). В области таза найдено бронзовое кольцо диаметром 1,8 см. С левой стороны погребенного на уровне плечевой кости стоял глиняный узкогорлый сосуд с сильно раздутым туловом и чуть уплощенным дном (табл. III, 12). Высота сосуда 22 см, наибольший диаметр тулова 26 см, толщина стенок не превышает 3—4 мм. У ног погребенного лежала лопатка лошади. Под костями скелета и наконечниками стрел — следы черной органической прослойки.

Курган 5 имел высоту 0,2 м, диаметр около 8 м, насыпь сложена из чернозема, задернована. Могильная яма, обнаруженная в южной части (1,9×0,6 м), была ориентирована по линии В—З (табл. III, 2). Выкид располагался вокруг ямы кольцом шириной до 1,2 м. Стенки ямы прямые, почти отвесные. На глубине 0,4 м на дне могилы обнаружено погребение молодой женщины европеоидного антропологического типа. Скелет покоился на спине, вытянуто, головой на запад. Фаланги пальцев левой руки лежали на тазовых костях. С левой стороны погребенной на уровне локтевой кости найден перевернутый каменный жертвенник (табл. III, 9). Под ним обнаружена гладкая галька и обломок плоской бронзовой пластины. У каменного жертвенника лежали кости коровы и барана.

Курган 6 имел сильно расплывшуюся насыпь высотой 0,2 м, диаметром 6 м. Могильная яма неправильной формы (1,45×0,9 м) была потревожена грабительским раскопом. Три стенки ямы почти отвесны. С восточной стороны на глубине 60 см обнаружена ступенька шириной 15 см (табл. III, 10). В заполнении ямы на разных уровнях найдены остатки дерева. На дне ямы (80 см) обнаружены разбросанные кости скелета человека. В западной части могилы лежал череп без нижней челюсти, он принадлежал взрослому мужчине европеоидного антропологического типа. Череп имел слабые следы искусственной деформации. У западной стенки ямы обнаружен глиняный плоскодонный сосуд с выпуклыми боками (табл. III, 11). Шейка его прямая, чуть отогнутая наружу. Высота сосуда 19 см, наибольший диаметр тулова 15 см. Поверхность стенок грубая, со следами нагара.

Курган 7 почти не выделялся над окружающей поверхностью (высота 0,15 м, диаметр примерно 8 м). В центре насыпи обнаружена могильная яма неправильной овальной формы длиной 1,5 м, шириной 0,6 м, ориентированная по линии С—Ю. На дне могилы на глубине 50 см находилось только несколько мелких костей от скелета человека.

Всего в Покровском могильнике исследовано десять погребений под семью курганными насыпями. Три могильных ямы оказа-

лись полностью или частично разрушенными грабительскими раскопами.

Наиболее ранним из исследованных памятников является курган 1. В сохранившемся погребении обнаружен набор стрел с двумя деревянными и четырнадцатью бронзовыми наконечниками. Бронзовые наконечники представлены двухлопастными втульчатыми черешками, которые были широко распространены на территории Казахстана в раннесакское время. Ближайшие аналогии ведут к тасмолинским памятникам Центрального Казахстана³, а через них — к бронзовому оружию андроновских племен⁴.

В кургане 1 зафиксированы следы интересного надмогильного сооружения (столбики вокруг ямы, четырехугольная канавка, ров с двумя входами). Но грабительская траншея, которая нарушила погребение 1, не позволяет пока с достаточной точностью говорить об одновременности всех элементов сооружения и сделать реконструкцию погребального обряда. Однако следует отметить, что четырехугольную канавку нетрудно связать с андроновскими традициями. Традиции эпохи бронзы в раннесарматских курганах Южного Приуралья проявляются в сооружении различных четырехугольных конструкций, выложенных обычно из дерева и ориентированных по странам света. Иногда такие настилы обрамляются четырехугольными рамами⁵.

Глубокая кольцевая канавка вокруг насыпи находит себе аналогии в курганах раннего железного века Западной Сибири. Известны здесь и следы столбчатых конструкций (в кургане 3 Шмаковского могильника⁶ и кургане 8 у д. Курганской)⁷.

Поздний комплекс Покровского могильника наиболее полно представлен материалами из 2 и 4 курганов. Отсюда происходят фрагменты сложного лука, наборы костяных наконечников стрел, меч, остатки конской сбруи и предметов быта. Датировка комплекса позднесарматским временем не вызывает затруднений.

Луки с костяными накладками впервые появляются в сарматских захоронениях в I в. до н. э. — I в. н. э.⁸ Однако широкое распространение они получают во II—IV вв. н. э. Двухлезвийные желез-

³ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 377, рис. 58.

⁴ К. А. Акишев. Культура саков долины р. Или. В кн.: «Древняя культура саков и усуней долины реки Или». Алма-Ата, 1967, стр. 117.

⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 88, рис. 34.

⁶ Из раскопок В. Ф. Генинга в 1962 г.

⁷ A. Heikel. Antiquité's de la Libérie Accidentale. Suamolais-Ugrilaisen sen-
gan toimitus, IV. Helsingfors, 1894, стр. 100—101, tabl. XXX—5.

⁸ И. В. Силицын. Археологические памятники по р. М. Узень. КСИМК, вып. XXXII, стр. 108, рис. 31.

ные мечи без перекрестия известны в позднесарматских погребениях Поволжья⁹. Здесь же мы находим аналогии халцедоновому навершию¹⁰. Подобную датировку подтверждает и круглая ременная пряжка с кольцевым приемником из кургана 2. Близкие по форме бронзовые пряжки встречены в степном Заволжье в позднесарматском погребении с деформированным черепом¹¹. На Средней Каме в памятниках мазунинской культуры они датируются III—V вв. н. э.¹²

Погребальный обряд позднесарматских захоронений Покровского могильника весьма разнообразен. Зафиксировано три типа погребальных сооружений: могила с подбоем, подквадратные могилы с уступчиком у одной из стен погребения и овальные мелкие ямы с вертикальными стенками. Общим признаком является устойчивая ориентировка могил. Умершие лежат вытянуто на спине, головой на запад, с более или менее значительными отклонениями на север или юг.

В заключение необходимо отметить своеобразие Северного Казахстана в эпоху железа, что хорошо прослеживается на материалах даже такого небольшого памятника, каким является Покровский могильник. В степях Северного Казахстана смыкались древние культуры сармат Южного Приуралья, оседлых племен Западной Сибири и ранних кочевников Центрального Казахстана.

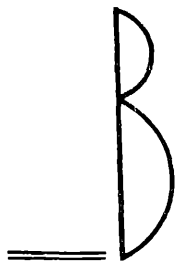
⁹ В. П. Ш и л о в. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 498, рис. 60—1.

¹⁰ П. С. Р ы к о в. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933, 1934 гг. СА, № 1, 1936, стр. 154, рис. 24.

¹¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959, стр. 147, рис. 49—50.

¹² В. Е. С т о я н о в. Сайгатские могильники на Средней Каме. «Вопросы археологии Урала». Вып. 4, 1962, стр. 129, рис. 51—11—12.

О. ИСМАГУЛОВ

1960—1961 гг. павлодарский отряд Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Ф. Х. Арслановой производил раскопки средневековых курганных могильников (VII—XII вв.) в окрестностях селений Трофимовка, Покровка и Бобровка (Максимо-Горьковский район), Ждановка (Куйбышевский район) и Леонтьевка (Лозовский район Павлодарской области)¹.

В процессе раскопок был получен небольшой антропологический материал, представляющий неоспоримый интерес для решения ряда вопросов этногенеза и расогенеза населения Казахстана тюрк-

¹ Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968; Ее же. Бобровский могильник. «Изв. АН КазССР, серия обществ. наук», вып. 4, 1963; Ее же. Средневековый могильник из Прииртышья. Сб. Министерства высшего образования КазССР, Алма-Ата, 1963, № 3.

ского времени. Краниологический материал, несмотря на его малочисленность, изучен с учетом некоторых особенностей памятников Павлодарского Прииртышья. В прииртышском захоронении автор раскопок различает два последовательно хронологических периода.

Первый период, представленный Трофимовским, Покровским и Бобровским могильниками, датируется VII—IX вв. К второму периоду относятся Ждановский и Леонтьевский могильники, датируемые X—XII вв. В целом прииртышские средневековые памятники, по определению Ф. А. Арслановой, принадлежат кимако-кипчакским племенам.

Весь остеологический материал из Прииртышья был доставлен в отдел антропологии Института этнографии АН СССР (Ленинград), где и был подвергнут нами значительной реставрации. Пригодных для антропологического изучения скелетов оказалось 36. Из них 10 скелетов (4 мужских и 6 женских) относятся к первому археологическому периоду, ко второму периоду — 26 скелетов (15 мужских, 10 женских и один детский).

Средние размеры по изученным группам приведены в сравнительной таблице. Описание скелетов производится по могильникам, затем дается общая оценка прииртышской серии.

Из Трофимовского могильника получен незначительный материал; скелеты сравнительно хорошей сохранности.

Курган 4. Череп с нижней челюстью принадлежал женщине зрелого возраста. Мозговая коробка средних размеров, грацилизированная, брахикранного типа, пентагоноидной формы. Лицевой скелет как по линейным размерам, так и по описательным признакам относится к категории средних величин. Нос слабо выступающий, но размеры переносья (дакриальная и симотическая высоты) характеризуются большими величинами. Нижний край грушевидного отверстия имеет предносовые ямки. Орбиты широкие и средневысокие. Расовый тип европеоидный со слабым налетом монголоидных элементов.

Курган 6, могила 1, скелет 1. Скелет принадлежал женщине зрелого или старческого возраста. Мозговая коробка грацильная, высокая, брахикранного типа, овоидной формы. Лицо высокое и широкое, среднеуплощенное в горизонтальной плоскости. Нос средней высоты и ширины, носовые косточки выступают средне. Орбиты средневысокие, переходной формы. Нижняя челюсть средних размеров, со средневыступающим подбородком. Расовый тип европеоидный с монголоидной примесью.

Курган 6, могила 1, скелет 2. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста. Черепная крышка небольшая, с низким сводом, мезокранного типа, эллипсоидной формы. Лицо средней высоты и ширины, умеренно уплощенное, со средневыступающими скуловыми

костями, слабоуглубленной клыковой ямкой. Носовые косточки выступают очень слабо, грушевидное отверстие очень узкое и его нижний край имеет предносые ямки. Орбиты высокие, переходной формы. Нижняя челюсть средних размеров, со средневыступающим подбородком. Расовый тип смешанный.

Курган 6, могила 2. Обнаружен мужской череп с нижней челюстью. Возраст неопределенный. Зубы хорошей сохранности, что говорит о зрелости, но степень облитерации швов достигла старческого возраста. Черепная коробка довольно крупных размеров, низкая, мезо- и брахикранного типа, овоидной формы. Лицевой скелет средней высоты и ширины, резко профилированный. Нос средневыступающий, грушевидное отверстие среднеширокое, его нижний край антропинной формы. Орбиты средней высоты, переходной формы. Нижняя челюсть небольшая, с умеренно выраженными рельефами. Расовый тип европеоидный.

Исходя из приведенных характеристик, можно предположить, что насельники, оставившие могильник у с. Трофимовки, были достаточно метисированные в антропологическом отношении, ибо их физические черты варьируют от европеоидной до монголоидной рас.

Из *могильника у с. Покровка* имеется всего лишь два черепа. Один хорошей сохранности, другой фрагментарный. Оба черепа женские.

Курган 5. Сохранился лицевой отдел черепа. Возраст возмужалый. Линейные размеры лица скелета как по высоте, так и по ширине попадают в категорию средних величин, лицевой указатель стоит на верхней границе малых величин, горизонтальная профилировка лица выражена резко. Носовые косточки выступают чрезвычайно резко; нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты сравнительно низкие и прямоугольной формы. Расовый тип европеоидный.

Курган 6. Череп с нижней челюстью, женский, возмужалого возраста. Черепная коробка средних размеров, брахикранного типа, пентагоноидной формы. Лицевой отдел высокий и широкий, среднеуплощенный. Нос средневыступающий; нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты относительно низкие, прямоугольной формы. Нижняя челюсть грацильная, со средневыступающим подбородком. Расовый тип европеоидный с монголоидной примесью.

Этот череп отличается от предыдущего более крупными размерами лицевого скелета, менее профилированным лицом, несколько слабее выступающим углом носа. Тем не менее он имеет, по-видимому, общую антропологическую основу.

Курганы у с. Бобровка подразделены на два могильника. Основ-

ной костный материал добыт со второго могильника. В первом выявлен лишь один женский череп.

Курган 5, могильник первый. Череп с нижней челюстью. Несколько разрушена затылочная кость. Черепная крышка сохранила следы круговой деформации. По-видимому, деформация была частичная, так как общий контур мозговой коробки имеет естественный вид. Принадлежал он женщине зрелого возраста. Черепная коробка средних размеров, высокая, мезокранного типа, овоидной формы. Лицо очень широкое и высокое, среднеуплощенное. Угол носа средневыступающий; нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты средневые, прямоугольной формы. Нижняя челюсть широкая, с высокими ветвями, хорошо выраженным подбородком. Расовый тип смешанный.

Курган 6, могильник второй, скелет 1. Череп с нижней челюстью, принадлежал мужчине зрелого возраста. Черепная крышка довольно крупных размеров, относительно массивная, низкая, брахикранного типа, овоидной формы. Лицо высокое и очень широкое, резко уплощенное, особенно на уровне зигма-максиллярной точки, с сильно выступающими скуловыми костями, малоуглубленной клыковой ямкой. Нос слабо выступающий по углу; нижний край грушевидного отверстия имеет предносовые ямки. Орбиты относительно низкие, прямоугольной формы. Нижняя челюсть крупная, с выраженными рельефами, средневыступающим подбородком. Расовый тип явно тяготеет к монголоидному.

Курган 5, скелет 2. Череп принадлежал женщине зрелого или старческого возраста. Черепная коробка широкая, брахикранного типа, овоидной формы. Лицо высокое и широкое, среднеуплощенное в горизонтальной плоскости, со слабо выступающими скуловыми костями и средневыраженной клыковой ямкой. Нос средневыступающий; нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Орбиты средневые, округлой формы. Нижняя челюсть средних размеров, грацильная, с умеренно выступающим подбородком. Расовый тип европеоидный (среднеазиатского междуречья).

Курган 7, могильник второй, скелет 3. Череп с нижней челюстью. Принадлежал он мужчине зрелого возраста. Мозговая коробка крупная, массивная, брахикранного типа, овоидной формы, с резко выраженными надпереносьем и надбровными дугами. Лицевой скелет высокий и очень широкий, резко выступающий в горизонтальной плоскости, со слабо выраженными скуловыми костями, малоуглубленной клыковой ямкой. Нос средневыступающий; нижний край грушевидного отверстия имеет предносовые ямки. Орбиты низкие, прямоугольной формы. Нижняя челюсть довольно массивная, широкая, с значительно выступающим подбородком. Расовый тип европеоидный

с легким вкраплением монголоидных элементов. Морфологически этот череп очень близок с черепом из предыдущего кургана. Исходя из их общих антропологических сходств можно предположить, что они тяготеют к иным этническим группам, в частности к урало-алтайскому типу. Аналогичное явление прослеживается и в материальной культуре этого могильника.

В целом визуальное рассмотрение отдельных черепов показывает, что антропологический состав погребенных в могильнике у с. Бобровка был неоднородным. Среди них встречаются индивидуумы как с европеоидными, так и с ясно выраженными монголоидными чертами. По основным расово-диагностическим признакам они занимают как бы промежуточное положение между расами первого порядка.

Подводя некоторые итоги по материалам VII—IX вв. н. э. из Прииртышья, следует отметить, что мужская серия черепов характеризуется большими размерами мозговой коробки, брахикранным типом, относительно широким лбом, средневысоким, но широким лицевым скелетом, среднепрофилированным в горизонтальной плоскости, умеренно выраженными размерами переносья, слабовыступающими носовыми костями, широкими и низкими глазницами.

Средние размеры женской группы (с учетом половых различий) соответствуют в общем мужским, хотя и имеются некоторые отклонения. Так, у женщин лицевой отдел черепа высокий, дакриальный, симотической высоты, значительно выступающий, угол носа довольно высокий.

В общем, как мужская, так и женская группы по большинству признаков высокой таксонологической ценности стоят на границе европеоидного и монголоидного расовых типов. По отдельным признакам прииртышская серия не отличается от типичной монголоидной серии. К числу таких особенностей относятся угол выступления носа, некоторые размеры переносья и лицевого скелета. По другим признакам (строение глазниц) она не выходит за пределы вариации европеоидных серий. При этом те и другие особенности часто сочетаются на одном и том же скелете. Наиболее четко это прослеживается на мужских черепках из Бобровского могильника. Здесь, вероятно, имел место процесс механического смещения. В целом создается впечатление, что в тюркское время ни одна локальная группа Казахстана не имела таких столь разнообразных смещений, как прииртышские насельники VII—IX вв.

Краниологический материал X—XII вв. представлен 26 скелетами (15 мужских, 10 женских и один детский). Они происходят в основном из *могильника у с. Ждановка* и частично из *могильника у с. Леонтьевка*.

По средним величинам мужская серия черепов характеризуется средним продольным и большим поперечным диаметрами, следовательно, брахикранным указателем, относительно низким сводом мозговой коробки, средненаклонным и умеренно широким лбом, высоким и очень широким лицом, среднепрофилированным в горизонтальной плоскости, высоким размером переносья, резко выступающим носом, средневысокими и относительно широкими глазами. Средние размеры на женских черепах совпадают в общем с мужскими, лишь с той оговоркой (принимая во внимание половой диморфизм), что в женской группе лицевой скелет более уплощенный в горизонтальной плоскости и нос менее выступающий.

Серия в целом, бесспорно, относится к европеоидной большой расе, но в то же время в ней слабо выражены клыковые ямки, лицевой скелет умеренно уплощен в горизонтальной плоскости, относительно высок и широк. Все это указывает на ослабленность европеоидных черт под влиянием монгольской примеси. Это также подтверждается типологическим анализом изученных черепов.

Так, из 26 исследованных черепов 16 обладают особенностями европеоидной расы, 6 определены как смешанного типа и 4 характеризуются выраженными чертами монголоидной расы.

Из индивидуального определения черепов X—XII вв. явствует, что изученная нами серия не совсем однородная. В ней мы обнаруживаем представителей двух больших рас: европеоидной и монголоидной. Причем европеоидный компонент превалирует над монголоидным. Черепа с европеоидными чертами в целом близки к смягченному древнеказахстанскому (андроновскому) антропологическому типу. Четыре черепа определены как монголоидные, но они в свою очередь также представляют неоднородную группу. Среди них встречаются брахикранные и мезокранные типы. Черепа с явно смещенными расовыми особенностями сближаются с сериями южносибирского или урало-алтайского типов.

Из приведенного анализа также видно, что расовый тип прииртышских племен неоднороден не только по отдельным могильникам, но и на разных этапах развития материальной культуры. В ранний период (VII—IX вв.) население Прииртышья характеризовалось сравнительно разнообразным антропологическим составом. При этом степень неоднородности уклоняется в сторону монголоидности, которая проявляется на уровне горизонтальной профилировки лица, выступления переносья и носовых костей. Строение орбиты, наоборот, указывает на их европеоидный характер. Из-за малочисленности серии трудно сказать, что эти черты были специфичными для ранних насельников Прииртышья. Что касается расового типа прииртышских племен X—XII вв., то в отличие от племен предыдущего периода они

обладают хорошо выраженными европеоидными особенностями. Несмотря на это, общие морфологические особенности прииртышской серии (VII—XII вв.) находят очень близкие аналогии со специфической чертой древнеказахстанского антропологического типа. Между ними достаточно отчетливо выражена расогенетическая общность. Это обстоятельство свидетельствует о том, что насельники, оставившие свои могильники в Павлодарском Прииртышье, были потомками древнего аборигенного населения. В этом плане нельзя не согласиться с мнением Ф. Х. Арслановой относительно этнической принадлежности прииртышских памятников к местным тюркоязычным племенам².

Таким образом, как археологические, так и антропологические данные допускают автохтонное происхождение прииртышских племен VII—XII вв.

Специального рассмотрения заслуживают локальные вариации антропологического состава населения Казахстана тюркского времени. Приведенная сравнительная таблица составлена на основе данных В. В. Гинзбурга³, В. П. Алексеева⁴, Н. Н. Миклашевской⁵ и автора настоящей статьи⁶.

Из таблицы видно, что в тюркское время население Казахстана подвергалось влиянию монголоидов в разной степени. Наибольшая монголоидная примесь наблюдается в пределах Кустанайского Притоболья, где, по-видимому, в результате интенсивного смешения с монголоидами притобольская группа утратила в своем морфологическом облике прежнюю европеоидную основу и образовала специфические черты южносибирского типа. Следовательно, формирование характерных свойств южносибирского типа на территории Казахстана может быть констатировано уже в тюркское время. Наименьшие сферы влияния монголоидных элементов прослеживаются в прииртышской группе X—XII вв., которые выразились главным образом в сохранении в большей мере европеоидных черт. Здесь невольно вспоминается краниологическая серия, принадлежащая казахам Баян-Аульского района Павлодарской области⁷, которая содержит такое

² Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья..., стр. 111.

³ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана. «Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XXI, 1963.

⁴ В. П. Алексеев. Палеоантропологическая Астия эпохи железа. «Советская антропология», 1958, № 1.

⁵ Н. Н. Миклашевская. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии. «Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1959.

⁶ О. Исмагулов. Материалы по антропологии тюрков Семиречья. В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

⁷ О. Исмагулов. Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии. «Тр. Института этнографии АН СССР», т. 82. М. 1963.

Сопоставление мужских черепов тюркского времени Казахстана с черепами некоторых синхронных серий соседних территорий

Признаки	Притоболье	Прииртышье		Восточный Казахстан	Алтай		Семиречье	Киргизия
	VIII—X вв. н. э.	VII—IX вв.	X—XII вв.	VIII—X вв.	Горный	Предгорный	VI—VIII вв.	VI—X вв.
	Гинзбург	Исмагулов		Гинзбург	VII—X вв.		Исмагулов	Миклашевская
	Гинзбург	Исмагулов		Гинзбург	Дебеч, Алексеев		Исмагулов	Миклашевская
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1 Продольный диаметр черепа	177,4(8)	186,5(4)	179,0(15)	181,4(7)	182,1(16)	185,6(24)	183,0(6)	178,5(17)
8 Поперечный диаметр черепа	149,2(8)	147,0(4)	151,4(15)	146,8(7)	150,1(16)	144,1(25)	140,7(6)	146,2(17)
17 Высотный диаметр черепа (от базиса)	129,6(7)	131,0(4)	130,1(12)	133,8(5)	131,2(13)	136,9(20)	133,4(6)	134,0(18)
9 Наименьшая ширина лба	96,9(8)	99,8(4)	99,5(15)	96,9(9)	96,2(18)	96,5(25)	96,4(7)	96,9(18)
5 Длина основания черепа	99,1(7)	102,5(4)	101,2(12)	105,0(4)	100,2(13)	104,5(20)	101,8(5)	102,5(17)
8:1 Черепной указатель	84,2(8)	81,1(4)	84,6(15)	81,0(7)	82,5(16)	78,2(24)	76,9(6)	83,0*
40 Длина основания лица	97,1(7)	95,7(4)	96,4(12)	99,7(4)	97,8(11)	99,7(17)	96,8(5)	97,0(16)
48 Верхняя высота лица	76,1(8)	72,7(4)	74,8(14)	73,9(8)	75,1(16)	72,6(22)	72,5(8)	73,8(16)
45 Скуловой диаметр	142,3(8)	139,7(4)	142,6(14)	139,5(9)	141,4(15)	140,4(23)	137,3(7)	138,2(19)
48:45 Верхний лицевой указатель	53,5(8)	52,1(4)	52,5(15)	52,8(7)	53,1(14)	51,8(21)	53,3(8)	53,4*
48:17 Вертикальный фацио-церебральный указатель	59,5(7)	55,5(4)	56,7(12)	56,0(5)	57,2*	53,1*	55,5(4)	54,6*
40 : 5 Базальный кранио-фациальный указатель	98,0(7)	95,5(4)	95,3(12)	95,2(4)	97,1(12)	95,6(17)	91,3(4)	94,5*

1	2	3	4	5	6	7	8	9
77 Назо-маллярный угол	145,0(8)	142,0(4)	140,9(15)	144,9(5)	146,2(14)	144,2(21)	144,6(7)	142,6(18)
ZM' Зигма-максиллярный угол	136,0(8)	136,7(4)	129,2(14)	136,2(6)	135,6(11)	135,6(19)	136,0(8)	132,8(17)
SC Симотическая ширина	7,2(7)	7,35(4)	9,5(15)	8,2(6)	—	—	9,1(5)	8,00(19)
SS Симотическая высота	3,0(7)	3,00(4)	5,0(15)	4,1(5)	3,9(14)	3,2(21)	4,6(4)	4,08(19)
DC Дакриальная ширина	22,3(7)	22,42(4)	21,8(15)	21,3(6)	—	—	21,9(5)	21,34(19)
DS Дакриальная высота	10,4(7)	10,85(4)	13,3(15)	10,8(5)	10,6(11)	12,9(20)	10,7(5)	11,41(19)
54 Ширина носа	27,3(8)	25,0(4)	25,3(15)	25,2(8)	25,6(17)	25,6(24)	26,6(8)	25,5(16)
55 Высота носа	54,5(8)	52,5(4)	53,9(15)	55,7(7)	55,3(17)	52,5(24)	51,6(8)	52,8(18)
51a Ширина орбиты от дакриона	40,8(8)	41,2(4)	40,7(15)	40,9(8)	40,4(17)	40,7(24)	39,0(6)	39,8(18)
52 Высота орбиты	33,5(8)	32,7(4)	33,9(15)	34,4(9)	34,4(17)	33,4(24)	33,1(8)	34,4(18)
32 Угол профиля лба от назиона	80,9(8)	82,2(4)	81,9(15)	84,0(5)	81,2(15)	83,8(22)	83,4(5)	82,6(18)
72 Общий лицевой угол	87,1(7)	94,5(4)	89,2(15)	87,0(5)	87,0(14)	87,0(21)	88,5(4)	87,4(17)
75(1) Угол выступания носа	22,0(7)	18,5(4)	30,4(14)	27,6(5)	25,5(17)	25,1(21)	23,8(5)	26,0(16)
DS:DC Дакриальный указатель	47,0(7)	48,5(4)	59,7(15)	51,6(5)	50,0(11)	54,6(20)	49,4(5)	53,4*
SS:SC Симотический указатель	41,6(7)	40,8(4)	52,7(15)	51,1(5)	56,3(14)	44,4(21)	49,6(4)	51,0*
54:55 Носовой указатель	50,1(8)	45,1(4)	48,3(15)	44,6(7)	46,8(17)	48,4(24)	51,6(8)	48,2*
52:51a Орбитный указатель от дакриона	82,2(8)	79,4(4)	83,2(15)	84,7(8)	85,2(17)	82,2(24)	86,0(6)	86,4*
Надпереносье (1—6)	3,13(8)	3,25(4)	3,20(15)	3,6(8)	3,28(18)	3,6(25)	2,8(8)	2,6(18)
Надбровные дуги (1—3)	2,38(8)	2,00(4)	2,20(15)	2,5(9)	—	—	1,5(8)	—
Глубина клыковой ямки (0—4)	1,38(8)	1,50(4)	1,86(15)	1,9(9)	2,0(17)	2,38(24)	1,7(6)	—

* Вычислены по средним величинам.

же количество европеоидного элемента, как и прииртышская серия X—XII вв. Об этом можно судить по степени уплощенности лицевого скелета, разность среднего индекса которой между двумя сериями составляет $1,6 \pm 1,4$ ⁸. Устойчивое повторение концентрации европеоидных элементов на одной и той же территории, по всей вероятности, является следствием наличия прямой генетической связи между указанными сериями. В этой связи ранее высказанное нами предположение относительно древнего происхождения европеоидного признака в баян-аульской серии подкрепляется палеоантропологическим материалом из той же местности. Таким образом, в краниологической серии Павлодарского Прииртышья, вероятно, мы имеем один из древних локальных вариантов, сохранивших до нас особенности древнеказахстанского антропологического типа. Не исключена вероятность, что дальнейшие широкие археологические исследования и обширные палеоантропологические находки в этой зоне дадут возможность выявить конкретные пути антропологической увязки между древним и современным населением Казахстана. Итак, антропологические данные из Павлодарского Прииртышья проливают свет на самые важные истоки этногенетического процесса казахского народа. В этом состоит их основное значение.

По степени смешанности расового типа насельники Восточного Казахстана и Семиречья в интересующий нас период были близки между собой, и те и другие по основным антропологическим признакам занимают промежуточное положение между локальными группами Притоболья и Прииртышья. В общем физическом типе населения юго-восточной части Казахстана в этот период доля европеоидной расы все еще преобладала над монголоидной.

Сопоставление локальных вариантов Казахстана с антропологически синхронными группами соседних областей показывает, что в тюркское время физический облик населения Казахстана в ряде случаев был аналогичным с типом населения Алтая и Киргизии. Вместе с тем здесь шел своеобразный расогенетический процесс, который, по существу, predetermined антропологический состав современного населения Казахстана.

Таким образом, на основании изучения антропологических материалов из Павлодарского Прииртышья можно сделать следующие предварительные выводы.

1. В целом представленные черепа из прииртышских захоронений характеризуются выраженными особенностями европеоидного

⁸ Индекс уплощенности лицевого скелета подсчитан по способу, описанному Г. Ф. Дебецом в статье «О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики». «Советская этнография», 1961, № 6.

типа. Монголоидная примесь составляет незначительную часть. Это особенно относится к сериям X—XII вв.

2. Основным результатом антропологического изучения прииртышского краниологического материала следует считать выявление в этой зоне антропологически устойчивой популяции, расовый тип которой находит себе аналогии не только в древнем, но и в современном населении Казахстана.

3. Начало краниологического изучения прииртышской зоны обещает дать наиболее перспективные результаты в исследовании этнической истории казахского народа, на что должно быть обращено внимание и при изучении истории развития материальной культуры этого края.

М. К. КАДЫРБАЕВ

авлодарская область, несмотря на почти полуторастолетнюю историю изучения здесь памятников старины, исследована неравномерно. Особенно это относится к обширному участку левобережной Прииртышской равнины, окаймляющей с северо-востока Казахское складчатое нагорье.

Археологические сведения об этом районе основывались главным образом на памятниках ранних и поздних кочевников, в то время как погребения эпохи бронзы оставались неизвестными.

Определенную трудность в ликвидации данного пробела, как показали раскопки, представила несколько необычная форма андроновских надмогильных сооружений, ничем не выделяющихся среди обилия курганных групп, принадлежавших скотоводческим племенам более позднего времени. Вышесказанное подтверждается исследованными в 1960 г. курганами в урочище Акмола.

Могильник находится на второй надпойменной террасе левого бе-

рега р. Белой, протоки Иртыша, в районе водозабора канала Иртыш — Караганда, в 7,5 км юго-восточнее г. Ермака (рис. 1). Он состоит из 46 курганов с земляными насыпями. Центральное место в могильнике занимают шесть больших курганов, вытянутых ломаной цепочкой с юго-запада на северо-восток. Все курганы имеют оплывшие рвы, опоясывающие их основания. Высшая точка насыпи в результате действия в этом районе ветров преимущественно юго-западного направления смещена в северо-восточную сторону. Вследствие этого могильные ямы расположены под юго-западной или западной более пологими частями насыпи. Большинство курганов сохранили следы грабительских раскопок.

Исследование 24 погребений показало, что основную территорию могильника занимают курганы эпохи бронзы и лишь в северную ее часть вклиниваются немногочисленные курганы начала второго тысячелетия н. э.

В настоящей статье приводится характеристика только памятников бронзового века могильника Акмола, как наименее известных в Павлодарском Прииртышье.

Курган 2 расположен в 20 м к северо-востоку от кургана 1. Насыпь земляная, диаметр его с севера на юг 24 м, с запада на восток — 26 м, высота 1,1 м. В центре кургана грабительская воронка. В заполнении воронки — отдельные кости человека (сломанные бедренные кости, фаланги пальцев руки). Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по длинной оси с юго-востока на северо-запад. Длина 4,2 м, ширина 3,1 м, глубина 2 м. В 40 см от дна ямы, по длинным ее сторонам, имеются уступы шириной 15—20 см. На коротких сторонах ямы находилось по одному полубревну, сверху же на них располагался продольный ряд бревен.

В юго-западном углу ямы найден раздавленный глиняный сосуд баночной формы высотой 30 см. Орнамент, состоящий из косых треугольников вершинами вверх и вниз, ногтевидных вдавлений, каннелюр, различных сочетаний меандровидных фигур, «елок», покрывает все тулово сосуда. Сосуд темно-серого цвета, лощеный, равномерного обжига, хорошо промешанного теста. В полуметре от сосуда находились обломок кости ноги барана и ребристая из голубой пасты пронизка (табл. III, 15).

Курган 3 расположен в 30 м к северо-востоку от кургана 2. Диаметр насыпи с севера на юг 18,7 м, с запада на восток — 19,7 м, высота 70 см. Могильная яма разрушена грабительским раскопом. Под насыпью к западу от центра кургана найдены обломки неорнаментированного сосуда баночной формы, сломанный череп и ребра человека.

Курган 8 находится в 45 м к юго-востоку от кургана 1. Диаметр насыпи с севера на юг 20 м, с запада на восток — 23,5 м, высота 60 см.

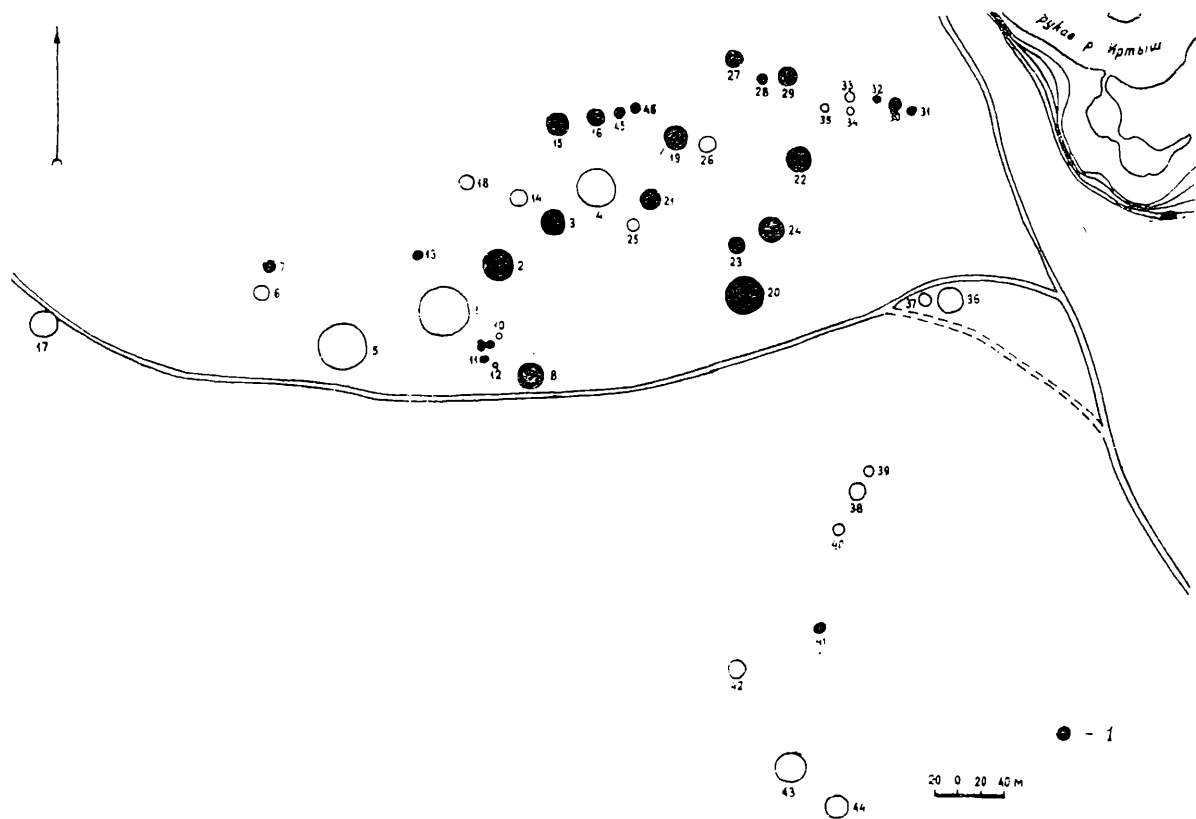

Рис. 1. План могильника Акмола. Условные обозначения: 1 — раскопанные курганы.

Могильная яма подпрямоугольной формы (2,8×2,4 м), ориентирована по длинной оси с востока на запад с небольшим меридиональным отклонением и имеет двухслойное перекрытие из расколотых пополам бревен, достигающих 40 см толщины. Западная, сохранившаяся, часть перекрытия состоит из трех полубревен, положенных поперек ямы, и двух продольных плах, положенных сверху. Уступы перекрытия прослежены плохо. В юго-восточной части ямы в разбросанном состоянии найдены бедренные и берцовые кости человека и свыше десятка мелких обломков керамики с елочным орнаментом.

Курган 15 (рис. 2) расположен в 70 м к северо-востоку от кургана 3. Диаметр его с севера на юг 25 м, с запада на восток — 30 м, высота 1,4 м. В насыпи кургана, в юго-западной части, на глубине 40 см располагались черепки от 13 глиняных сосудов, занимая площадь свыше 4 м² (I, 8, 11). На глубине 1,7 м от верха насыпи в 2,8 м к юго-западу от центра обнаружены два каменных ящика (рис. 2, 1—2); первый, большой, имеет длину 2,2 м, ширину — 1,4 м, высоту 1,5 м; второй, южный, — соответственно 1,3 м, 80 см, 1 м. Оба ящика ориентированы по длинной оси с востока на запад с небольшим меридиональным отклонением. Три стенки первого ящика сложены из цельных плит, четвертая, южная, в западной половине представлена двумя вертикальными плитами, а в восточной — пятью рядами плашмя положенных обломков камня. Внутри ящика и за его северной стенкой — остатки деревянных плах. Юго-восточный угол ящика покрыт массивной каменной плитой. В заполнении ящика на разных горизонтах и в разных частях встречены отдельные кости скелета погребенного (обломки черепа, бедренных и берцовых костей, позвонки, ребра) и мелкие кусочки древесного угля. В таком же разбросанном состоянии находились и куски керамики не менее чем от четырех сосудов (I, 10; II, 5). Кроме того, на дне ящика у западной стенки найдено золотое височное кольцо в полтора завитка (III, 9), у северной стенки ящика и в юго-восточном углу — золотые лапчатая подвеска и украшение в виде пустотелого остроконечника с рифленой поверхностью и следами бронзы на сердцевине (III, 7—8). Рядом с остроконечником конусовидной формы лежала бронзовая нашивная бляшка с двумя отверстиями по краям (III, 17).

Ящик 2 составлен из четырех цельных плит. На дне на правом боку с поджатыми ногами головой на северо-восток лежал скелет ребенка. На бедренных и плечевых костях заметны следы красной охры. У головы, в юго-восточном углу, стояло два глиняных сосуда (I, 7), у ног, в юго-западном углу, — один сосуд (I, 9). Первые два сосуда имеют сходные элементы орнамента, но в различных сочетаниях (заштрихованные треугольники, ногтевидные ямки, желобки и елочка). Имеется также различие в технике нанесения орнамента: елочный

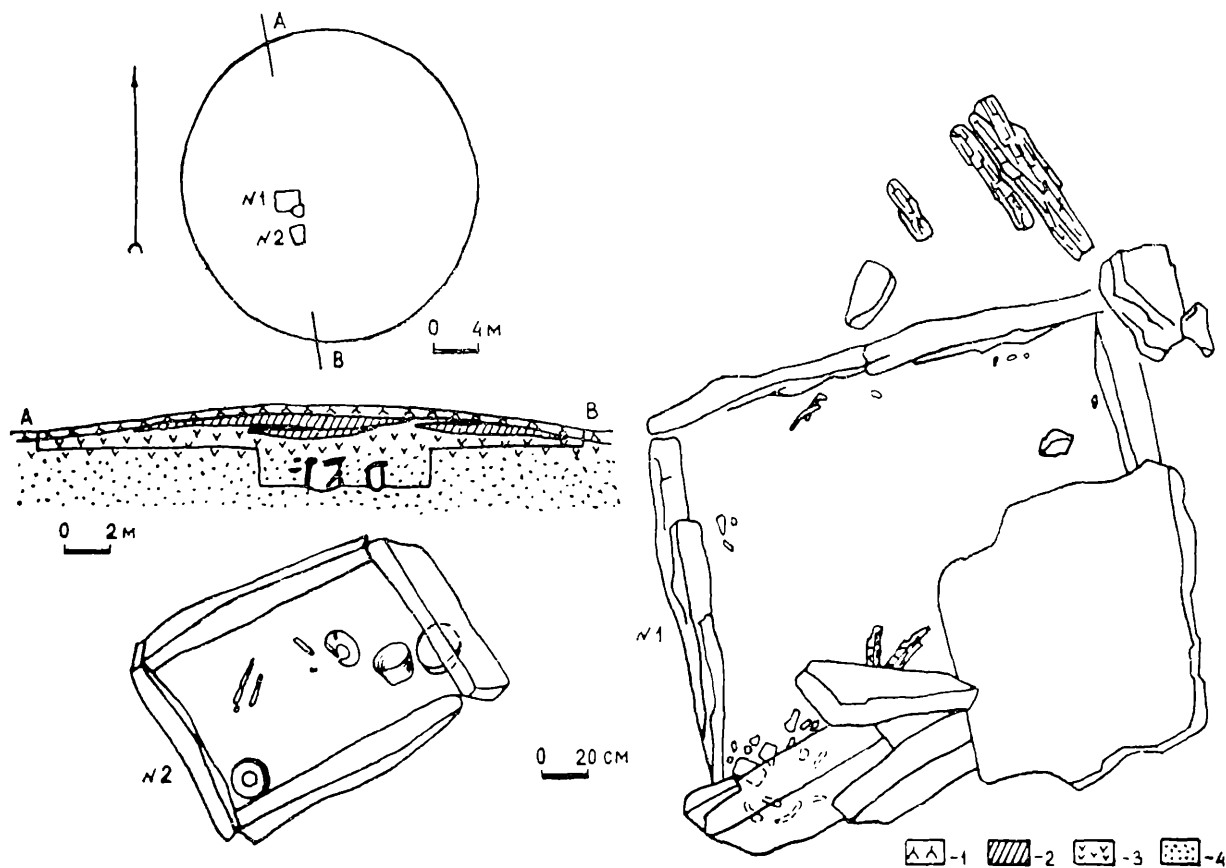

Рис. 2. Курган 15. Условные обозначения: 1 — гумусный слой; 2 — глина темная, рыхлая; 3 — супесь коричневатого-серая, плотная; 4 — плотный тонкозернистый песок с примесью гравия.

орнамент одного сосуда нанесен гладким штампом, а другого — гребенчатым. Третий сосуд небольших размеров, орнаментирован по венчику, верхней части тулова и дну елочкой, ее составными элементами и шестью прямыми линиями, выполненными гребенчатым штампом. В заполнении ящика прослежены также остатки древесного угля.

Курган 16 находится в 18 м к востоку от кургана 15. Диаметр его с севера на юг 20 м, с запада на восток — 20 м, высота 40 см. Под насыпью — грунтовая яма подпрямоугольной формы (2,2×1,4 м), ориентирована с юго-востока на северо-запад. Могильная яма в средней своей части имеет небольшие уступы, на которых сохранились остатки деревянного перекрытия. Оно состояло из тонких бревен диаметром в 6—8 см, расположенных поперек в коротких концах ямы, и продольного перекрытия из таких же бревен, положенных сверху. Поперечные бревна обгоревшие. По дну ямы, ближе к ее северо-западному концу, найдены обломки орнаментированного сосуда (II, 9).

Курган 19 расположен в 45 м к востоку от кургана 16. Диаметр его с севера на юг 20 м, с запада на восток — 22 м, высота 30 см. Под насыпью кургана, в восточной части, прослеживается широкая подковообразная полоса древесной золы мощностью в 5—8 см и мелкие обломки орнаментированного сосуда. Две могильные ямы прямоугольной формы прослежены на глубине 70 см от верха насыпи, в западной части кургана. Могилы расположены в 80 см одна от другой и ориентированы по длинной оси с юго-запада на северо-восток.

Могильная яма 1 (2,4×1,6 м) разграблена; перекрытия проследить не удалось. На дне ямы в разбросанном состоянии находились отдельные кости скелета человека (ребра, позвонки, зубы, берцовые кости), кости ног барана, бронзовые конусовидные бляшки (4 шт.), листовидные бляшки (4 шт.) и листовидные подвески (6 шт.), клык корсака, по-видимому, от ожерелья и обломки орнаментированной керамики не менее чем от 5 сосудов (I, 2—3, II, 1). Бронзовые бляшки конусовидной формы имеют два отверстия по краям (III, 10—11), а листовидные — одно отверстие в тупой стороне и орнамент в виде бордюра со вписанными в него треугольниками, выполненными пунсоными вдавлениями (III, 2—3).

Могильная яма 2 (2,7×2,1 м) имеет в верхней части вторичное, более позднее по времени, парное погребение без какого-либо сопровождающего инвентаря. Оно находилось в неглубокой яме овальной формы, ориентированной по длинной оси с северо-запада на юго-восток. В яме в вытянутом положении головой на восток лежали рядом мужской и женский скелеты; судя по черепам, монголоидного облика. Один из краев этой ямы разрушил юго-восточный угол основного погребения. Тридцатью сантиметрами ниже парного погребения находилось деревянное перекрытие основного захоронения, разрушенного

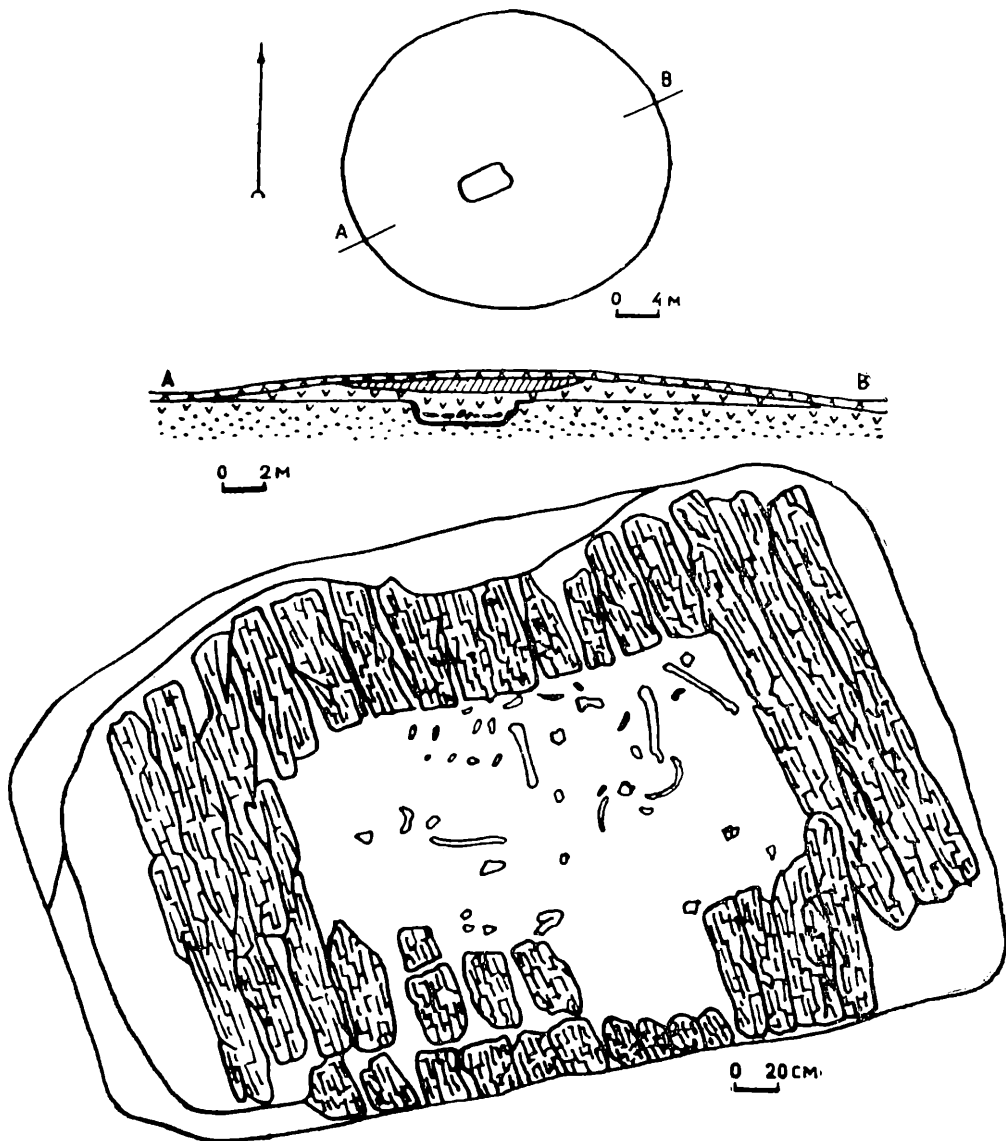

Рис. 3. Курган 23.

в центре грабителями. Перекрытие состояло из полубревен, положенных поперек могильной ямы. Приступочки, на которых покоилось перекрытие, находились в 0,6 м выше дна могильной ямы. На дне ямы в разбросанном состоянии находились кости погребенного (ребра, позвонки, обломки черепа, зубы), обломки орнаментированного сосуда (II, 4) и 6 бронзовых подвесок листовидной формы (III, 4).

Курган 21 находится в 50 м к югу от предшествующего кургана. Диаметр его с севера на юг 15 м, с запада на восток — 16 м, высота 0,4 м. Могильная яма овальной формы (2,3×1,5 м) ориентирована по длинной оси с северо-востока на юго-запад. Погребение ограблено. На дне ямы — скелет погребенного на правом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-восток и перегнувшееся дерево от поперечного перекрытия ямы. Здесь же обнаружен небольшой обломок бронзового предмета в виде шила (III, 18).

Курган 23 расположен в 100 м к юго-востоку от кургана 21. Диаметр его с севера на юг 12 м, с запада на восток — 15 м, высота 25 см. В западной части кургана под насыпью на глубине 40 см обнаружены кости барана (ребра), а десятью сантиметрами ниже — две прямоугольные грунтовые ямы, ориентированные по длинной оси с северо-востока на юго-запад и отстоящие друг от друга на 1,3 м. Перекрытие не прослежено. На дне могильной ямы 1 (1,8×1,3 м) находились кальцинированные кости погребенного и два орнаментированных сосуда, расположенных в северо-восточном и юго-западном углах ямы (I, 5, II, 11). Во второй яме (1,9×1,2 м) — сожженные трупы и три орнаментированных сосуда (I, 6; II, 3, 12).

Курган 20 (рис. 3) находится в 26 м к югу от кургана 23. Его диаметр с севера на юг 31 м, с запада на восток — 33 м, высота 1,7 м. Могильная яма подпрямоугольной формы (3,8×2,8 м) расположена к юго-западу от центра кургана и ориентирована по длинной оси с северо-востока на юго-запад. В 1,4 м от ее северо-восточного края найдены два разрушенных конских черепа, крестцовая кость и ребра. Могильная яма в средней части имела уступы шириной 30 см, служившие опорой для поперечного перекрытия из полубревен. Перекрытие в связи с ограблением разрушено в центре. На дне ямы в разбросанном состоянии находился скелет погребенного и обломки от двух орнаментированных сосудов (I, 1).

Курган 22 расположен в 30 м к северо-востоку от предшествующего кургана. Диаметр его с севера на юг 24 м, с запада на восток 26 м, высота 90 см. Под насыпью кургана, в юго-западной части, прямоугольная могильная яма (4,5×3 м), ориентированная по длинной оси с северо-востока на юго-запад. Форма перекрытия здесь та же, что и в кургане 20. В заполнении ямы и в насыпи найдены фрагменты орнаментированной керамики не менее чем от трех сосудов и мелкие обломки черепа погребенного.

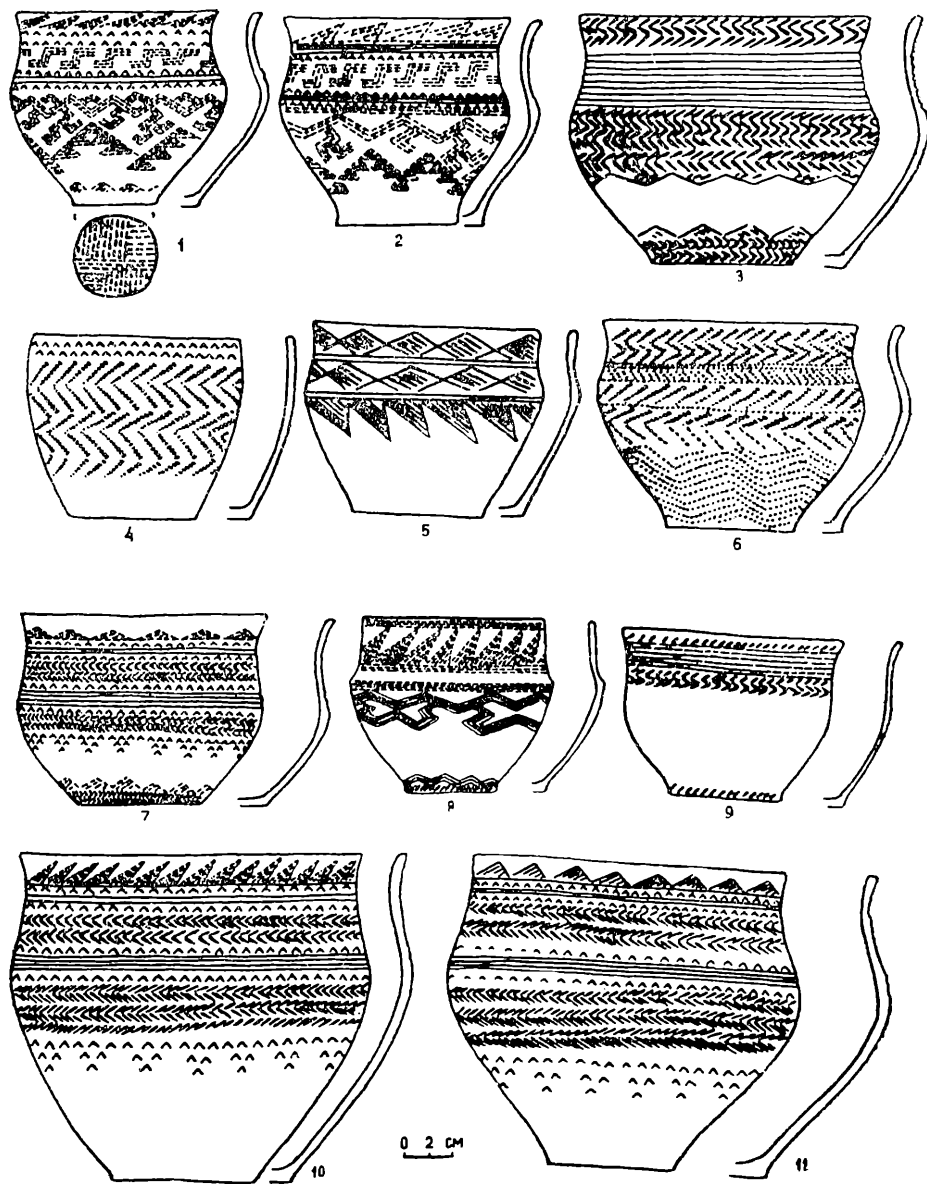

Табл. I. Глиняная посуда: 1 — курган 20; 2—3 — курган 19; 4 — курган 24; 5—6 — курган 23; 7—11 — курган 15.

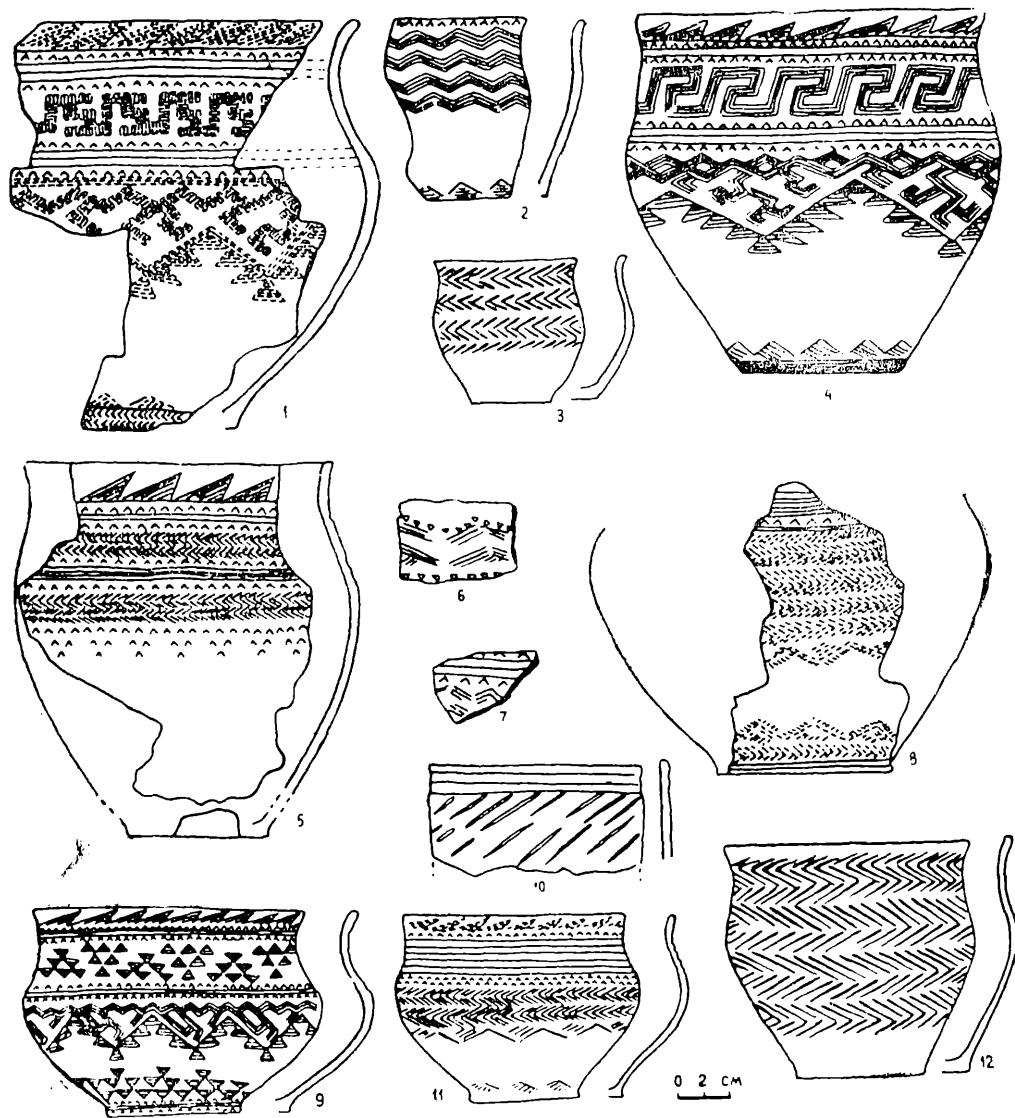

Табл. II. Глиняная посуда: 1, 4 — курган 19; 2 — курган 31; 3, 11—12 — курган 23; 5 — курган 15; 6—8, 10 — курган 24; 9 — курган 16.

Курган 24 находится в 16 м к востоку от кургана 23. Его диаметр с севера на юг 20 м, с запада на восток — 21 м, высота 35 см. Могильная яма прямоугольной формы обнаружена на глубине 50 см от верха насыпи. Яма имеет длину 3,6 м, ширину 3 м, ориентирована по длинной оси с северо-востока на юго-запад. Ее северо-восточный конец на 50 см шире западного. Продольные стенки ямы в средней части имеют уступы, поддерживавшие поперечное перекрытие из полубревен. На дне ямы — разбросанные скелеты двух погребенных и обломки орнаментированной керамики от трех сосудов (I, 4; II, 8, 10). Часть обломков керамики найдена также в насыпи кургана (II, 6—7). В юго-восточной и юго-западной частях ямы среди разрушившегося перекрытия найдены бронзовая игла (длина 12 см) с ушком (III, 1), бронзовые пронызь и бусина (III, 16).

Курган 28 расположен в восточной части могильника. Его диаметр с севера на юг 11,5 м, с запада на восток — 13 м, высота 30 см. Под насыпью, в восточной части, найдено круглое железное кольцо с оттянутым и загнутым концом. На этой же глубине, у северо-западного края оконтурившейся могильной ямы, находился раздавленный череп человека. Западный край ямы разрушен грабителями. В заполнении ямы оказались: обломок глиняного сосуда с меандровидным орнаментом, сломанная челюсть лошади, две лопаточные кости барана, пять позвонков и восемь фаланговых костей рук человека. Здесь, как и в кургане 19, очевиден случай одновременных погребений: нижнего — эпохи бронзы, верхнего — поздних кочевников. Поскольку оба погребения подверглись ограблению, дополнительных наблюдений произвести не удалось.

Курган 31 находится в 15 м к юго-востоку от кургана 30. Диаметр его с севера на юг 7 м, с запада на восток — 8 м, высота 40 см. Курган разграблен. В заполнении могильной ямы в разбросанном состоянии находились отдельные кости погребенного (обломки черепа, берцовая и бедренная кости, позвонки) и орнаментированные черепки от двух сосудов (II, 2).

Курган 45 находится в 20 м к востоку от кургана 16. Его диаметр 11 м, высота незначительная. Могильная яма овальной формы (2,7×1,8 м) ориентирована по длинной оси с востока на запад. В средней части она имеет перекрытие из деревянных плах.

На дне ямы найдены обломок орнаментированного сосуда, бронзовые бляшки и подвеска (III, 5).

Курган 46 расположен рядом с курганом 45. Его диаметр с севера на юг 16,8 м, с запада на восток — 16 м, высота 25 см. Могильная яма разрушена грабителями. В средней ее части, как обычно, находилось перекрытие из деревянных плах. В заполнении ямы, кроме разбросанных костей человека, ничего не найдено.

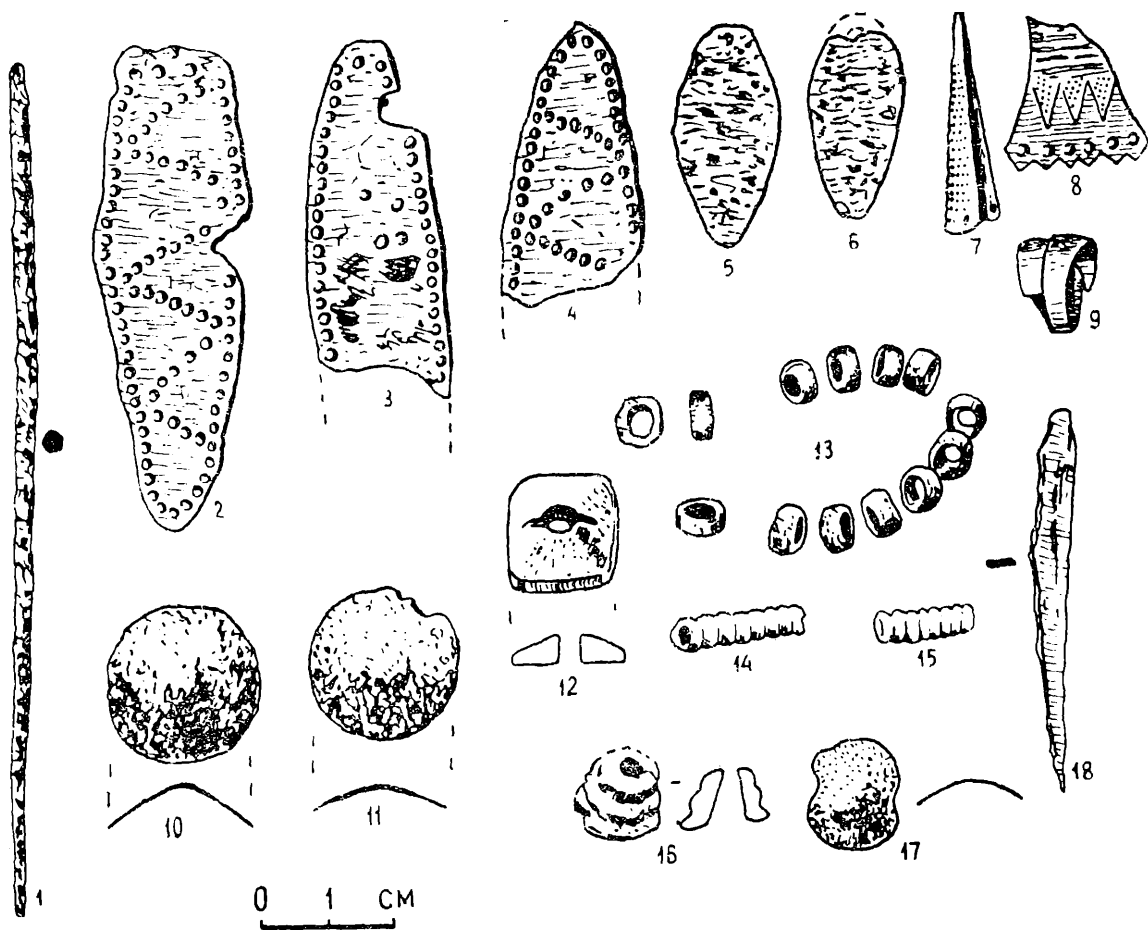

Табл. III. Изделия из разных погребений: 1, 16 — курган 24; 2—4, 10—12 — курган 19; 5—6 — курган 46; 7—9, 17 — курган 15; 13 — курган 41; 14—15 — курган 2; 18 — курган 21.

Курган 41 находится в 0,5 км к югу от основного могильника, в группе из трех курганов. Диаметр его 12 м, высота 20 см. Могильная яма прямоугольной формы (2,8×2,3 м), ориентирована по длинной оси с северо-востока на юго-запад. Как и в предыдущем случае, она имеет перекрытие из деревянных плах. В заполнении ямы найдены разбросанные скелеты двух погребенных, обломки орнаментированной керамики и крупные бронзовые бусины (III, 13).

* * *

Нетрудно убедиться, что могильник Акмола стоит особняком среди сотен погребений андроновской культуры, известных в Казахстане. Обращает на себя внимание своеобразная конструкция погребальных камер, состоящая из прямоугольных ям с деревянным перекрытием, покоящимся не сверху могильной ямы, как обычно, а в средней ее части, на двадцати-тридцатисантиметровых заплечиках. Сооруженная таким образом камера имела дно на 40—60 см уже верхнего края ямы.

Земляные насыпи без каких-либо каменных оград под ними также не принадлежат к обычному типу внешнего устройства андроновских могильников Казахстана, но в отличие от предыдущего типа они все же встречаются (Петропавловский могильник).

Акмолинские погребения ориентированы в широтном направлении со значительными отклонениями от основной оси В—З. Подавляющее число из них составляют труположение, и только в двух случаях (курган 23) — трупосожжение.

Интересно, что сходная конструкция ям с уступами-заплечиками была встречена Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой в погребениях ранних кочевников Павлодарской области¹. Это, по-видимому, не случайно и свидетельствует об устойчивых традициях форм погребальных сооружений у племен Прииртышской равнины. Можно в связи с этим предположить, что среди разнообразного устройства могильных сооружений периода ранних кочевников, зафиксированных Павлодарской экспедицией, наиболее ранним вариантом является могила с заплечиками. Но не только названным районом ограничивается ареал могильных ям с уступами-заплечиками. Подобные или близкие конструкции в эпоху раннего железа известны по соседству — в могильниках Усть-Буконь и Усть-Бухтарминский из Восточного Казахстана². Вторым

¹ Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 40.

² С. С. Черников. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 87; Его же. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г. КСИИМК, 73, 1959, стр. 104.

в Казахстане местом, где встречены ямы с заплечиками, является Семиречье³.

В IV—II вв. до н. э. такой тип погребения, но с меридиональной ориентировкой находит довольно широкое распространение на западе у племен прохоровской культуры междуречья Волги и Урала⁴. После небольшого хронологического интервала он вновь обнаружен в Кушнаренковском могильнике на р. Белой (III—V вв. н. э.) и, наконец, широко представлен в Больше-Тарханском могильнике ранних болгар, отнесенном В. Ф. Генингом и А. Х. Халиковым к VIII—IX вв. н. э.⁵. По поводу происхождения болгарских могил с заплечиками мнения за последнее время разделились. А. П. Смирнов видит их истоки в сарматских погребениях Поволжья и Южного Урала⁶. В. Ф. Генинг и М. С. Акимова связывают подобные погребения с Казахстаном и Западной Сибирью⁷. В плане второй точки зрения большой интерес должен представить могильник Акмола, давший наиболее ранний, из всех ныне известных, материал по конструкции ям с уступами.

Вернемся, однако, к характеристике могильника Акмола. Прежде всего возникает вопрос, чем объяснить своеобразие в устройстве акмолинских погребальных камер? И далее, следует ли считать конструкцию ям с заплечиками особым типом погребений, никак не связанных с обычными формами андроновских могил?

Едва ли можно признать исчерпывающим довод, что различие в типах погребального устройства андроновских могил объясняется наличием или отсутствием того или другого строительного материала. Так, в окрестностях могильника Орак, подробная характеристика и анализ которого представлены М. Н. Комаровой, не было недостатка в строительном камне. Тем не менее среди типичных отград с каменными ящиками встречены андроновские погребения в грунтовых ямах с деревянными рамами⁸. И, наоборот, в урочище Акмола, где строительный камень вовсе отсутствует⁹, из общей массы однородных погребений

³ Е. И. Агеева. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 12, 1961, стр. 24.

⁴ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. М., 1963, стр. 20.

⁵ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 8—14, 63—66.

⁶ А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 93, 1961, стр. 135.

⁷ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала. ВАН, 1, 1961, стр. 26; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары..., стр. 137, 148; М. С. Акимова. Материалы к антропологии ранних болгар. М., 1964. Приложение, стр. 184—191.

⁸ М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. «Археологический сборник», вып. 3, Эрмитаж, 1961, стр. 48, 60—66.

⁹ «Канал Иртыш — Караганда (инженерно-геологические условия)». Алма-Ата, 1965, стр. 162.

выделяется курган 15, содержащий под насыпью два каменных ящика из диоритовых плит, ближайшие выходы которых находятся в 100 км к юго-западу от могильника (г. Бестау). Кстати, именно в этом кургане найден единственный среди акмолинской серии сосуд с уступом на плечике (I, 8). Надо полагать, что погребенные в кургане 15 являлись выходцами из соседней группы андроновских племен Центрального Казахстана.

Изложенное позволяет допустить, что своеобразие в устройстве андроновских могил отражает реально существовавшие этнографические различия среди племен андроновской культуры. В конструкциях ям с заплечиками, по нашему мнению, четко выражен этнографический вариант андроновского погребального обряда.

Инвентарь акмолинского могильника многочислен, но однообразен. Он представлен 43 глиняными сосудами, бронзовыми лавровидными подвесками с пунсонным орнаментом, круглыми полушарными с отверстиями по краям и костяными прямоугольными нашивными бляшками, пронизками из голубой стекловидной массы, бронзовыми бусами, круглой в сечении иглой с ушком, золотыми изделиями.

Определенный интерес представляет серия глиняных сосудов двух основных форм: плоскодонные горшки с плавной линией профиля и плоскодонные горшки баночной формы. Тесто сосудов со значительной примесью отошителя в виде дресвы, шамота или того и другого вместе. Все они изготовлены ленточной техникой и обожжены на открытом костре, в связи с чем цвет поверхности сосудов желтоватый или красноватый. Орнамент сосудов состоит из различных сочетаний гребенчатого, гладкого штампов, желобков, круглых и подтреугольных вдавлений и покрывает более двух третей высоты сосудов. Большинство сосудов имеет перерыв в орнаменте между средней частью тулова и дном, остальные не имеют орнамента у дна. Наиболее распространенными элементами орнамента являются равнобедренные и косые «заштрихованные» треугольники по венчику и нижней части плечика, горизонтальная елочка, вертикальный зигзаг, широкие полосы желобков, меандровидных и S-образных фигур. Любопытно, что наряду с меандровым орнаментом, выполненным продольной штриховкой, среди акмолинских материалов известен горшок, меандровый узор которого заполнен поперечной штриховкой, характерной для алакульского времени¹⁰. Придонные части большинства сосудов орнаментированы заштрихованными треугольниками, полосой елочки, каннелюр или горизонтальной гребенкой. Следует отметить большую насыщенность некоторых погребений керамикой. Например, в кургане 15 найдены

¹⁰ М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. «Археологический сборник», Эрмитаж, 1962, стр. 61.

обломки от 20 горшков, в кургане 19—6 сосудов, в кургане 23—5 горшков. Много фрагментов керамики находилось под насыпью кургана, в непосредственной близости от могильных ям. Это бесспорное доказательство того, что в андроновской среде широко был распространен обычай жертвоприношения.

Сходство всей серии глиняных сосудов и остальных предметов из акмолинских погребений очевидно. Закономерно повторяющиеся и отчетливо выраженные признаки погребального обряда и инвентаря свидетельствуют о принадлежности их к одному хронологическому периоду.

Вещественный материал могильника Акмола принадлежит к типично андроновской культуре, памятники которой достаточно хорошо изучены в Казахстане. Наибольшее сходство он обнаруживает с инвентарем федоровского времени Северного и Центрального Казахстана и канайского этапа Восточного Казахстана¹¹. Аналогии отдельным формам керамики можно перечислять до бесконечности.

По особенностям погребального обряда могильник Акмола ближе всего стоит к Восточному Казахстану, где преобладающим способом захоронения является труположение¹². Наличие вертикального зигзага на некоторых сосудах, орнамент в виде пирамидок (на одном), отсутствие на горшках, кроме одного, неорнаментированных полос на шейках (I, 8) также свидетельствуют о близости к восточно-казахстанской керамике¹³.

Акмолинский комплекс погребений эпохи бронзы следует отнести к развитому этапу андроновской культуры.

¹¹ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы. В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 62, табл. I, 5; стр. 77, табл. V; стр. 282, табл. LX, 3; А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 5. 1958, табл. 1, 3, 6, 12; табл. II, 11, табл. III, 9; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 270, табл. LXXVIIa, 21.

¹² С. С. Черников. Указ. раб., стр. 91.

¹³ Там же, стр. 71, рис. 14.

ЗНАЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТА ДЛЯ РАСЧЛЕНЕНИЯ АНТРОПОГЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

Н. Н. КОСТЕНКО, Х. А. АЛПЫСБАЕВ

К

настоящему времени, когда на территории Казахстана обнаружено немало палеолитических памятников, относящихся к различным этапам древнекаменного века, использование их для стратиграфического расчленения антропогенных отложений приобретает большое значение.

Повсеместно распространенные антропогенные или четвертичные отложения являются тем субстратом, на котором возводятся различные сооружения (промышленные и жилые), прокладываются железнодорожные пути и шоссейные дороги, ведется ирригационное строительство и развивается сельское хозяйство. Эти отложения нередко содержат россыпные месторождения или сами являются широко применяемыми полезными ископаемыми (глины, пески, галечники и т. д.). Все это заставляет уделять им большое внимание. При изучении любых осадочных толщ в первую очередь выясняется их стратиграфия, т. е. последовательность напластования отложений.

Для стратиграфического расчленения антропогенных отложений наиболее эффективным является комплексный метод, в основе которого лежит всесторонний анализ исторической взаимосвязи условий формирования рельефа и сопряженного процесса накопления осадков, в которых местами встречаются различные органические остатки, в том числе человека.

При площадном геологическом картировании в комплексном методе главенствующая роль принадлежит геоморфологическому анализу, позволяющему прослеживать и обоснованно коррелировать разновозрастные отложения удаленных районов. Установление же геологического возраста основывается преимущественно на органических остатках, так как метод абсолютного летоисчисления пока еще не получил широкого применения. Как показали наши многолетние исследования, из числа органических остатков наиболее обоснованное и существенное стратифицирующее значение имеют ископаемые позвоночные, особенно млекопитающие, на что впервые в Советском Союзе обратил внимание В. И. Громов (1948 г.). Важное стратифицирующее значение этих ископаемых для Казахстана было показано в ряде работ В. С. Бажанова и Н. Н. Костенко (1958, 1959, 1960 и др.). Однако для стратиграфического расчленения антропогенных отложений Казахстана не меньшее значение имеют и археологические находки, которые также убедительно позволяют проводить далекую корреляцию, что ранее отмечалось В. И. Громовым для Восточной Европы.

Правомерность сказанного подтверждается полным соответствием данных палеонтологии (в особенности, по ископаемым млекопитающим) и археологии геоморфологическому анализу, т. е. данных, составляющих основу комплексного метода (табл. 1).

Из таблицы 1 нетрудно видеть, что вопрос о границе между антропогеном (четвертичным периодом) и неогеном в Советском Союзе пока окончательно не решен. Продолжающаяся по этому вопросу дискуссия вынудила пленум Межведомственного стратиграфического комитета (МСК) принять решение временно сохранить старую границу в основании бакинско-чаудинских отложений и их стратиграфических аналогов и воздержаться от наименования дробных подразделений системы (отдел, ярус), а давать безликие наименования, такие, как нижнечетвертичные, среднечетвертичные, верхнечетвертичные, подчеркивая это римскими, а не арабскими цифрами при индексе Q. Однако исторический процесс становления фауны млекопитающих, а также появление человека как ведущего фактора рассматриваемого периода настоятельно требуют проведения границы между антропогеном (четвертичным периодом) и неогеном на более низком стратиграфическом уровне, как это сделано нами в Казахстане и как это рекомендуется рядом крупнейших ученых в целом для Союза (В. И. Громов, И. И. Краснов, К. В. Никифорова, Е. В. Шанцер и др.).

Следует напомнить, что в Западной Европе граница между четвертичным периодом и неогеном проводится, согласно решению XVIII Международного геологического конгресса под отложениями калабрийского яруса и эквивалентными ему континентальными слоями виллафранка; последние содержат остатки ископаемых позвоночных. Подобные остатки встречены в халпровских отложениях Восточной Европы, а также выделены в Казахстане в илийский фаунистический комплекс (Бажанов, Костенко, 1958, 1959). Под отложениями с этой фауной в Казахстане и проводится нижняя граница антропогеновой системы, что полностью соответствует решениям XVIII Международного геологического конгресса, IV и V конгрессов JNQUA, состоявшихся в Риме в 1953 г. и в Мадриде в 1957 г.

Начало антропогенового периода ознаменовалось существенным изменением палеогеографической обстановки. В это время в Казахстане вымирают мастодонты и некоторые другие млекопитающие неогеновых родов, из птиц исчезают последний страус, появляется новая ветвь хоботных — слоны и, кроме того, настоящие верблюды и однопалая лошадь Стенона. Резко возрастает интенсивность горообразовательных процессов. Изменяются климатические условия, в результате чего существенно красноцветные осадки неогена сменяются осадками палевого и серого цветов. Таким образом, проведение границы между антропогеном и неогеном под отложениями, содержащими илийский фаунистический комплекс, является не только формально законным, отвечающим решениям международных геологических организаций, но совершенно правильным и по существу, так как соответствует крупному естественно-историческому рубежу.

В таком понимании продолжительность антропогенового периода будет не 500—600 тыс. или 1 млн. лет, а, во всяком случае, не менее 2 млн. лет, что следует из данных определений абсолютного возраста по калий-аргоновому методу, выполненных в СССР. Близкие цифры были получены при определении абсолютного возраста также калий-аргоновым методом проб пород из нижней части Олдувейского разреза (Танганьика, Восточная Африка), содержащего представителей древнейших гоминид.

Олдувейское захоронение, расположенное в восточной части Экваториальной Африки, представляет исключительно большой интерес, поэтому широко освещается в мировой литературе. Многолетними раскопками, проводимыми здесь Л. Лики, были обнаружены остатки древнейших гоминид, архаичные кремневые изделия и более 75 различных видов млекопитающих, из которых многие являются вымершими, а некоторые — совершенно новыми. Среди остатков млекопитающих были встречены формы, являющиеся руководящими для раннего виллафранка Северной Африки. Следовательно, данные, полу-

ченные по абсолютному возрасту отложений, вмещающих древнего человека, и по млекопитающим, совпали. Особенно важным является совместное нахождение остатков австралопитеков, *Zinjanthropus boisei* Leakey и *Homo habilis* Leakey, что послужило поводом для Л. Лики сделать вывод о параллельном развитии двух ветвей гоминид, одна из которых могла быть прямым предком человека.

В Олдувейском местонахождении Л. Лики выделил в толще развитых антропогенных отложений пять стратиграфических горизонтов. Нижний горизонт, лежащий на докембрийском основании и имеющий мощность от 5,5 до 30 м, представлен вулканическими туфами, глинами и конгломератами. Он содержит упомянутые выше древнейшие гоминиды, фауну раннего виллафранка, а также в высшей степени грубые и весьма примитивные отщепы из кварцита и базальта, носящие следы искусственного скалывания с одной стороны, получившие название «олдованской культуры».

Второй, вышележащий горизонт мощностью от 15 до 27 м сложен из глин с прослоями туфов и песчаников. В нижней части его встречаются остатки слона — *Elephas cf. meridionalis*, а в верхней — очень грубые каменные изделия — шелльские ручные рубила, выше которых встречаются изделия ашельского комплекса. Здесь же был обнаружен череп питекантропа, а ниже его — челюсти, зубы и другие кости, отнесенные Л. Лики к прогрессивной форме — *Homo habilis*.

Третий слой, несогласно налегающий на второй, имеет переменную мощность и выклинивается в западном направлении. Сложен он конгломератами, песчаниками и туфами. Находки костей в нем редки.

Четвертый слой мощностью более 40 м представлен переслаивающимися глинами, песчаниками, конгломератами и вулканическими туфами. Палеонтологических и археологических находок в нем не было.

Пятый, самый верхний слой представлен песками, песчаниками, туфами, отчасти конгломератами. В нем встречаются орудия позднепалеолитического облика.

Приведенный (можно сказать классический) разрез по Олдувейскому ущелью наглядно иллюстрирует, во-первых, совершенно очевидную необходимость снижения ныне условно принятой границы между антропогеном и неогеном под виллафранк, во-вторых, весьма важное значение остатков древнего человека и орудий его жизнедеятельности для точного стратиграфического расчленения антропогенных отложений.

На территории Казахстана костных остатков древнего человека пока не найдено, но обусловленная его деятельностью каменная индустрия уже обнаружена. Надо сказать, что систематическое изучение палеолита Казахстана началось недавно, лишь в конце пятидесятых годов, когда по инициативе первого президента Академии наук

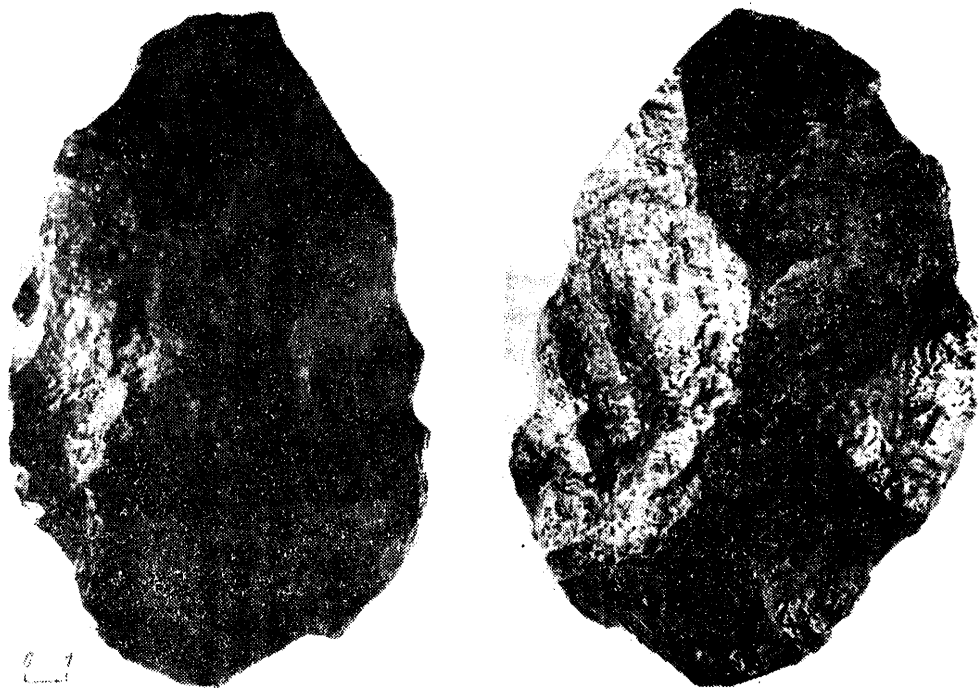

Рис. 1.

КазССР академика К. И. Сатпаева был организован специальный поисково-археологический отряд, возглавляемый Х. А. Алпысбаевым. Результатом работ этого отряда и явилось обнаружение на территории Южного Казахстана целого ряда стоянок палеолитического человека, в наиболее древних из которых встречены архаичные каменные изделия, характерные для шелльской и ашельской культур. Такие находки были сделаны в ряде пунктов хребта Каратау (Х. А. Алпысбаев, 1959, 1961 и др.), а также в Бетпак-Дале, сведения о которых публикуются впервые.

Местонахождение орудий палеолита в Бетпак-Дале расположено на правом берегу р. Чу, в районе меридиана 70° в. д., между группой сопкок Тантай и Казангап.

Оно расположено к северо-западу от г. Джамбул примерно на расстоянии 280 км по воздушной прямой. Геологическое строение рассматриваемого участка представляется в следующем виде. На палеозойский фундамент, местами выступающий на дневную поверхность в виде небольших купольных структур, выраженных в рельефе (сопки Тан-

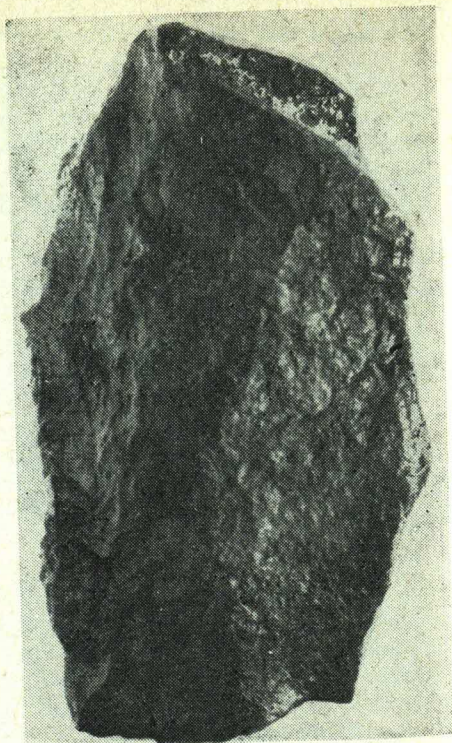
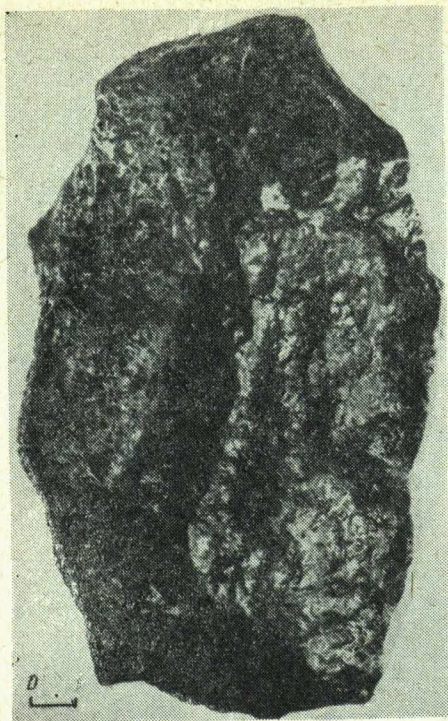

Рис. 2.

тай, Казангап и др.), налегают континентальные отложения верхнего мела, перекрытые песчано-глинистыми осадками палеогенового моря. На последних кое-где лежат континентальные отложения олигоцена и неогена. В эти отложения и врезана широтно идущая с востока на запад долина р. Чу. Русло реки сопровождают две надпойменные террасы высотой до 4—5 м над уровнем воды, сложенные разномерным песком с гравием и супесью (отметки их поверхности 225—230 м). Две более древние террасы являются цокольными, выработанными главным образом в отложениях морского палеогена или континентального олигоцена. Аккумулятивная часть их представлена разномерными песками, местами с гравием и галькой, суглинками и супесью с прослоями светло-бурых глин. Мощность их обычно не превышает 5—7 м.

На поверхности самой высокой террасы, относимой к Q_1 и характеризующейся отметками 250—260 м, западнее сопки Тантай (277 м) и Казангап (292 м), были обнаружены Х. А. Алпысбаевым каменные

орудия раннего палеолита. Кремневые изделия со следами искусственных сколов были рассеяны по всей небольшой глубине маломощного плотного суглинка, сосредоточенного на площади 112×200 м вышеуказанного участка. Статистический анализ, произведенный на месте, помог выяснить как технику скалывания, так и характер орудий. За один сезон здесь был выявлен огромный комплекс (около 300 экземпляров) разнообразных каменных поделок, состоящих из дву- (бифасы) и односторонне (унифасы) обработанных ручных рубил, нуклеусов, отщепов и сколов. Материалом для изготовления их служил темно-желтый кремнь карбонового возраста, который в Казахстане, особенно в южной части, встречается довольно часто. Структура желтых кремней однородная, мелкозернистая, хотя изредка встречаются и крупнозернистые кремни. При раскалывании они образуют гладкую поверхность, скалываются в любом направлении и дают отщепы с очень острыми краями. Поверхность и углы изделий имеют следы выветривания и сглажены. Наиболее крупные экземпляры не превышают 25 см в наибольшем измерении. Это свидетельствует о том, что употреблялись различные желвачные обломки. На это указывает также большой процент орудий с сохранившейся желвачной коркой (около 200 экземпляров, 66%). Большинство изделий имеет на поверхности характерную палево-желтую и темно-желтую патину, причем многие отщепы покрыты более интенсивной патиной. Предварительное исследование показало, что обилие кремневых изделий обычно связано не только с удобствами топографии местности (высокая, весьма удобная терраса р. Чу), но и с наличием сырьевого материала для изготовления орудий.

Для кремневых поделок из Казангапа характерны двусторонние рубящие орудия (11 экз., 3,03%), односторонние рубящие орудия (3 экз.), скребки (6 экз., 1,9%), нуклевидные рубящие орудия (5 экз., 1,65%), ручные рубила (4 экз., 1,32%) и нуклеусы (5 экз., 1,65%); другие формы орудий по отношению ко всем изделиям составляют 3,3% (10 экз.). Эти данные указывают на то, что сырье было здесь на месте, в районе сопок Казангап и Тантай. Древний человек выбирал нужное ему сырье при помощи пробных сколов, что хорошо выражено на каждом поднятых на месте обломках. В рассматриваемом материале основную массу представляют отщепы со следами фасеток — 242 экземпляра (79,80%). Наряду с ними встречаются простые сколы и камни со сколами. Большинство из отщепов имеет скошенные, неподправленные, гладкие площадки клектонского типа — 215 экземпляров (71,95%). В этих изделиях угол между нижней плоскостью и площадкой свыше 130° , а таких изделий встречено 120 экземпляров (34,6%). Настоящих классических пластин типа леваллуа в комплексе немного — 15 экземпляров (4,95%). Среди этих отщепов преобладают атипичные, массивные и мелкие, полученные в процессе дополнительной подправки.

Рис. 3.

Рис. 4.

Первая характерная особенность орудий — преобладание двусторонне оббитых рубящих орудий над остальными. Вторая особенность — присутствие в комплексе нуклевидных орудий и ручных рубил. Последние происходят из вышеуказанных двусторонне обработанных рубящих орудий: генетически они между собой связаны.

Если считать двусторонне рубящие орудия (бифасы) и грубые ручные рубила за отдельные формы, то между ними можно найти ряд промежуточных аналогичных по форме и технике скалываний орудий, которые тесно связаны. При ближайшем рассмотрении этой категории орудий становится ясным, что первичной является наиболее простая грубая ее группа, затем количество форм орудий после значительного промежутка времени постепенно переходит в новое коренное качество, появляются новые формы орудий (ручные рубила) нижнего палеолита. Истоки происхождения этих форм орудий, вероятно, следует искать не в Западной Европе, палеолит которой изучается различными специалистами более 130 лет, а на юге Азии и в Юго-Восточной Африке. На заре антропогена происходит дифференциация разнообразных форм орудий от наиболее случайных, неопределенных, неустойчивых еще форм дошельских орудий презинджантроп и *Homo habilis* Олдуея до двусторонне и односторонне рубящих орудий и грубых ручных рубил шелльской культуры. Когда последние группы составляли один целый комплекс орудий, они употреблялись как универсальные орудия нижнего палеолита. Само появление ручного рубила, изготовленного рукой человека, следует относить ко второму этапу в жизни орд первобытных охотников. Редкое обнаружение ручных рубил в Азии следует объяснять не глубоким отличием нижнего палеолита этого континента, а скорее малоизученностью его.

Малочисленность ручных рубил, найденных в Индии, Китае, Бирме и Средней Азии, не может служить основанием для признания коренного отличия нижнего палеолита этого региона от нижнего палеолита Запада. Со временем всюду, где будет обнаружен комплекс нижнепалеолитических орудий, будут, конечно, обнаружены и аналогичные западным формам ручные рубила. Новые открытия нижнего палеолита устанавливают также полную синхронность и сходство орудий этих форм, что доказывают и сопутствующие им остатки ископаемых млекопитающих.

Древнейший человек использовал богатейшие сырьевые ресурсы местных кремней. Общеизвестно, что всем выработанным формам ручных рубил предшествовали случайные острые камни. Несколько позднее были освоены вполне закономерно оббитые желвачные гальки с заостренными рубящими краями, необходимые для сбора растительности, охоты на различных животных, защиты от врагов и хищников. Систематическое употребление подобных орудий вместе с палками

Подразделе-
ния, времен-
но утвер-
жденные
МСК, 1963 г.

Н. Н. Костенко,

1	2	3	4	5	6	7		
Система		Система (период)	Отдел (эпоха)	Ярус (век)	Горные обрамления (Алтай, Джунгарский Алатау, Северный Тянь-Шань)	Равнинная часть Казахстана		
Четвертичная (антропогенная)	Современные Q _{IV}	Антропоген (Ag)	Современный Ag ₄	I	Морены современного оледенения (до трех валов). Отложения коллювия и др.	Пойменные террасы. Отложения различных генетических типов		
	Верхнечетвертичные Q _{III}		Верхний Ag ₃	Верхний Ag ² / ₃	Хорошо сохранившиеся трог и морены (до трех валов). У подножия гор конусы выноса, суглинки, пески, галечники	Комплекс нижних надпойменных террас (до трех террас)		
							Нижний Ag ¹ / ₃	
				Размыв				
				Интенсивный размыв				
	Среднечетвертичные Q _{II}		Средний Ag ₂	Верхний Ag ² / ₂	Плохо сохранившиеся трог и морены 2-го оледенения (до двух валов). У подножия гор остатки размывных конусов выноса. Лёсс и лёссовидные суглинки, пески галечники	Комплекс верхних надпойменных террас (до двух-трех). Местами накопление аллювиально-озерных осадков. Лёсс и лёссовидные суглинки		
							Нижний Ag ¹ / ₂	
	Весьма интенсивный размыв							
	Нижнечетвертичные Q _I		Нижний Ag ₁	Верхний Ag ² / ₁	Местами сохранившиеся морены полупокровного оледенения. Лёсс и лёссовидные	Площадное накопление аллювиально-озерных осадков. Наиболее высокие террасы. Лёсс и		

К а з а х с т а н

959		Х. Алпысбаев	
8	9	10	11
Главнейшие фазы геотогенеза	Стратиграфические фаунистические комплексы позвоночных (по В. С. Бажанову и Н. Н. Костенко)	Археология	
Алма-Атинская фаза	Современный фаунистический комплекс. Обнаружены заметно фоссилизированные костные остатки животных: <i>Equus przewalskii</i> Pol., <i>Cervus elaphus</i> L; <i>Lagurus luteus</i> (Eversm.), <i>Castor fiber</i> L.	Неолит, бронза и др. Тарденуаз	Караунгур
	Мамонтовый или верхнепалеолитический комплекс с <i>Mammuthus primigenius</i> (Bl.), <i>Rhinoceros antiquitatis</i> Bl., <i>Bos primigenius</i> Boj; <i>Bison priscus deminutus</i> W. Grom., <i>Saiga tatarica</i> Pall., <i>Ovis ammon</i> L., <i>Cervus tarandus</i> L., <i>C. cf. elaphus</i> L., <i>Capreolus</i> sp., <i>Equus caballus</i> L., <i>Ursus spelaeus</i> Ros.	Мадлен	Ащисайская
Джунгарская фаза		Солюрте, Ориньяк	
Бакинская фаза	Хазарский фаунистический комплекс с <i>Mammuthus trogontherii</i> (Pohl), <i>Bison priscus longicornis</i> W. Crom., <i>Bos</i> sp., <i>Camelus</i> sp. (knoblochii Nehr.?) <i>Megaceros ruffi</i> Nehr., <i>Cervus</i> sp., <i>Equus</i> sp., <i>Palaeoloxodon antiquus</i> (Falc.), <i>Mammuthus primigenius</i> (Bl.), <i>Felis</i> sp.	Мустье Мустье (раннее), Ашель (поздний)	Валихановская Кемер II—III Кзылрысбек Токалы II—III Дегерез
	Кокшурганский фаунистический комплекс с <i>Palaeoloxodon antiquus</i> (Falc.), <i>Paracamelus gigas</i> , <i>Equus sussenbornensis</i> (stenonis?), <i>Equus</i> sp., <i>E. caballus</i> cf., <i>mosbachensis</i>	Ашель (ранний),	Борыказган Тандырказган

1	2	3	4	5	6	7
Четвертичная (антропоге- новая) Неогеновая	Нижнечетвер- тичные Q ₁	Антропоген (Ag)	Нижний Ag ₁	Верхний Ag ² / ₁	суглинки, конгломе- раты, галечники, пески	лёссовидные суглинки, конгломераты, пески
				Весьма интенсивный размыв		
				Нижний Ag ¹ / ₁	Хоргосская свита, конгломераты, гравели- ты, грубозернистые пес- чаники	Площадное накопле- ние аллювиально-озер- ных осадков
					Илийская свита, гли- ны, пески, песчаники, конгломераты, мергели	
					Начало интенсивного поднятия гор Тянь-Ша- ня, Джунгарского Алатау, Тарбагатай, Саура, Алтай	

постепенно привело к накоплению опыта по созданию необходимых орудий определенной формы. Потом люди стали использовать накопленные знания и научились создавать при помощи оббивки первые рубящие орудия: сперва односторонне (унифасные), затем двусторонне оббитые. Этот процесс развивался очень медленно. Появление этих орудий тесно связано с историей первобытного стада, когда оно передавало свои производственные навыки по оформлению двусторонних рубящих (бифасов) орудий. Потом от этих орудий было получено грубое ручное рубило, неустойчивое, невыработанных форм, с зигзагообразным рабочим краем.

Прошел длительный период развития приема обработки камня¹. Палеолитический человек уже знал эти навыки обработки двусторонних орудий. Такой длинный генетический путь развития от грубых до настоящих ручных рубил можно проследить по вышеуказанным двусторонне рубящим орудиям нижнего палеолита хребта Каратау и местности Казангап. Подобная эволюция картины приемов обработки от одной формы к другой прослеживается и в других нижнепалеолитических местонахождениях — Бирмы, Индии, Восточной Африки, которые своими корнями уходят глубоко, в так называемый олдувайский период раннего палеолита. Может быть, палеолитический человек давно прошел эту стадию на юге или на юго-западе и, придя сюда, в Казах-

¹ С. Н. З а м я т н и н. Очерки по палеолиту. М. — Л., 1961, стр. 9.

8	9	10	11
Койбынская фаза	Reich., E. (Asinus) hibruntinus Reg., Rhinoceros etruscus Falc., R. mercki Jag., R. sp., Elasmotherium sibiricum Fich., Bison priscus subsp. Cervus elaphus L., Alces latifrons J; Camelus sp., Mustelidae, Canidae	Шелль (поздний)	Синантроп Кемер I, Акколь Шабакты I
Хоргосская фаза	Илийский фаунистический комплекс с Anancus arvernensis Cr., et Job., Archidiscodon meridionalis Nesti, Equus stenorhis Cocchi, E. sf. sanmeniensis, Gazella deperbita Gaud., Paracamelus praebactrianus (Orl.), P. gigas Schlos., Trogontherium cuvieri Fich., Ungulata, Ovis sp., Struthio sp.	Шелль, (ранний) Олдувейская культура Дошельская культура	Питекантроп

стан, он уже знал это и в дальнейшем развивал и усовершенствовал. Знакомство с приемами обработки камня путем оббивки могло произойти в конце шелля — нижнего палеолита. Не исключена, однако, возможность и более раннего проникновения орд первобытных охотников в Среднюю Азию, в частности в Южный Казахстан.

Казангапский комплекс характеризуется вышеперечисленными формами: среди них первая преобладает над остальными. Предварительное изучение кремневых орудий этого комплекса позволяет дать краткую характеристику техники скалывания кремня. Для комплекса Казангап характерна техника скалывания и получения отщепов с нуклеусов с невыработанной ударной площадкой. Эта техника всегда предшествовала сколам, свойственным нижнепалеолитической технике юго-западной части Англии, обнаруженной на берегу Ла-Манша.

Каменный материал хребта Каратау и Казангап заставляет нас отказаться от гипотезы Мовиуса (Movius, 1944), который выдвинул положение о существовании в эпоху нижнего палеолита двух локальных областей, к одной из них он отнес Индостан, Южную и Западную Европу, переднюю Азию и Африку. Ей присуще только употребление ручных рубил. Другой областью является Северо-Западная Индия, Верхняя Бирма, Китай, Ява. Для нее характерны дву- и односторонне оббитые рубящие орудия. Факт совместного нахождения дву- и односторонне рубящих орудий и ручных рубил не позволяет нам согласиться с утверждениями о существовании совершенно особой, азиатской

Стоянка и местонахождение	Археология	Геологический возраст
Караунгур близ Чимкента Ащисайская, у Турланского перевала через хр. Каратау	Неолит Верхний палеолит	$Ag_4 \pm Q_{IV}$ $Ag_3 = Q_{III}$
Им. Валиханова, Верховье р. Арыстанды, юго-западный склон хр. Каратау	Мустье	$Ag_2 = Q_{II}$
Верховье р. Арыстанды, близ колхоза им. Буденного, юго-западный склон хр. Каратау	Шелль—ашель	$Ag_1^2 = Q_I$
Борыказган и Танирказган, северо-восточный склон хр. Каратау	Шелль—ашель	$Ag_1^2 = Q_I$
Казангап, правобережье р. Чу, в районе меридиана 70° в. д.	Шелль—ашель	$Ag_1^2 = Q_I$

нижнепалеолитической культуры и о своеобразии пути развития Азии в эпоху нижнего палеолита. Этот вопрос не мог быть окончательно решен в науке, поскольку на современном этапе знаний нет оснований для такого заключения. На территории Южного Казахстана тщетно искать французские универсальные ручные рубила. Вместо них найдены так называемые грубые ручные рубила. Ручные рубила не первые универсальные орудия труда, генетически происходящие от двусторонних нуклевидных и других форм орудий, так как первое ручное рубило произошло от предыдущих форм. Их преобладание или сравнительно большое количество говорит о малоизученности. Несомненно, что Восток, так же как и Запад, был знаком с двусторонней техникой оббивки — скалыванием.

Результаты изучения нижнепалеолитических местонахождений Казангап и Каратау резко противоречат основным положениям гипотезы Мовиуса (Movius, 1944). Сходство и тождество всех этих материалов позволяет нам высказать предположение о единстве развития нижнепалеолитических культур, в которых изменение и развитие шли не различным, а единым путем. Последнее в свою очередь позволяет говорить о том, что древнейшие люди, как видно, расселялись с юга и юго-запада постепенно, несколькими этапами.

Таким образом, палеолитические орудия могут служить надежным критерием для утверждения одновозрастности вмещающих антропогенных отложений, т. е. способствовать корреляции отложений отдельных районов. Выявленные в Казахстане местонахождения палеолитических орудий даны в таблице 2.

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ВЕРХНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ

М. Н. КЛАПЧУК

Центральный Казахстан занимает территорию мелкосопочника в пределах Кокчетавской, Целиноградской, Карагандинской и частично Павлодарской областей, которая равняется примерно 700 000 кв. км¹.

В археологической литературе имеется ряд предположений о путях освоения первобытным человеком Сибири и о роли, которую сыграл при этом Центральный Казахстан. Следует подчеркнуть, что большинство этих предположений было высказано до открытия палеолитических памятников в Центральном Казахстане и касалось верхнепалеолитического времени. Так, Г. Мерхарт, Л. Савицкий и А. П. Окладников¹ считали, что заселение Сибири палеолитическим человеком происходило со стороны Европы, А. А. Формозов и О. Н. Бадер —

¹ G. M e r h a r t. Neuere Literatur über die Steinzeit Sibriens. Wiener Prähistorische Zeitschrift, 1924, XI, S. 139—143; L. Sawicki: Materiały do znajomości prehistorii Rosji, Przegląd archeologiczny, 1928, t. III. № 3; А. П. О к л а д н и к о в. Освоение палеолитическим человеком Сибири. В кн.: «Материалы по четвертичному периоду СССР». 1950, вып. 2, стр. 150—158.

со стороны Средней Азии², а А. Г. Медоев предположил, что Сибирь осваивали одновременно европейские и азиатские пришельцы³, которые, как следует полагать, проникали в Сибирь через Центральный Казахстан.

Рядом авторов на территории Центрального Казахстана и смежных с ним землях проводилась граница между различными верхнепалеолитическими провинциями. Так, Г. П. Сосновский Восточный Казахстан сопоставлял с Сибирью, а Центральный Казахстан с Европой⁴. А. А. Формозов границу между сибирской, присредиземноморской и европейской приледниковой провинциями проводил в Западном Казахстане⁵. В. А. Ранов видел в Средней Азии и Казахстане влияние переднеазиатской и южноазиатской провинций⁶, но роль Центрального Казахстана при этом оставалась неясной.

Разрешить эти иногда диаметрально противоположные взгляды мог только фактический материал. Появился он лишь в последнем десятилетии: имеются в виду археологические работы А. Г. Медоева в Северном Прибалхашье⁷ и наши в бассейне рек Сарысу и Нура. Эти материалы, как нам кажется, вносят некоторую ясность в ранее поставленные вопросы, а также ставят новые сложные проблемы, требующие ответа.

Прежде чем коснуться этих вопросов, мы дадим характеристику инвентаря археологических памятников Центрального Казахстана (кроме Северного Прибалхашья), а также условий их залегания, культурных связей со смежными регионами и т. д. Археологические памятники верхнеплейстоценового возраста носят мустьерский, леваллуа-мустьерский и верхнепалеолитический характер.

² А. А. Формозов. Из новейшей литературы по палеолиту Казахстана и Средней Азии. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», 1953, № 19, стр. 90—92; О. Н. Бадер. К истории Урала и Волго-Камья в эпоху древнего и среднего каменного века. В сб.: «Из истории Урала». М., 1960, стр. 25—26.

³ А. Г. Медоев. Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранги. «Изв. АН КазССР, серия истор., археол. и этногр.», 1962, вып. 2 (19), стр. 103—105.

⁴ Г. П. Сосновский. О поисках палеолита в Казахстане. «Изв. АН КазССР, серия истор., археол. и этногр.», 1948, № 46, стр. 10—11.

⁵ А. А. Формозов. Из новейшей литературы по палеолиту Казахстана и Средней Азии. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», 1953, № 19, стр. 90—92.

⁶ В. А. Ранов. О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана. «Изв. АН ТаджССР», 1961, вып. 1 (24), стр. 89—109; Его же. О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии. В кн.: «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», 1962, стр. 35—58; Его же. Каменный век Таджикистана. 1965.

⁷ А. Г. Медоев. Указ. раб., стр. 94—105; Его же. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований. «Изв. АН КазССР, серия обществ. наук», 1964, вып. 6., стр. 90—98; Его же. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка. «Изв. АН КазССР, серия обществ. наук», 1965, вып. 4, стр. 77—81.

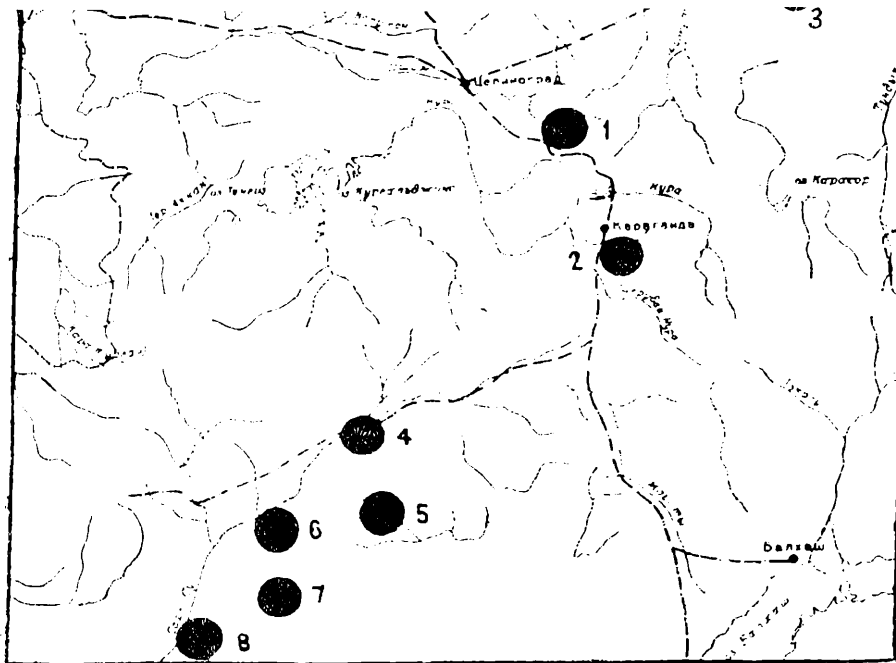

Рис. 1. Обзорная карта района археологических исследований автора в 1958—1966 гг.: 1 — Батпак 7, 8, 12; 2 — Карабас 3; 3 — Ангренсор 2; 4 — Кзыл-Джар 3; 5 — Кенжебайсай 7; 6 — Передержка 1-2; 7 — Жаман Айбат 4-5; 8 — Космола.

Мустье. К числу мустьерских памятников принадлежат Космола и Кзыл-Джар 3, а также Батпак 8 и 12 (рис. 1).

Местонахождение Космола носит название от могилы, расположенной на первой надпойменной террасе р. Сарысу, в 4—5 км севернее места пересечения этой реки песками Моюнкум, примерно 160 км к ЮЮЗ от Дзезказгана. Аккумуляция отложений террасы датируется верхним плейстоценом⁸. В обнажении террасы встречаются на глубине:

0,00—0,80 м — суглинок желтовато-бурый, монотонный, слежистый;

⁸ Н. Н. Костенко. Краткий очерк антропогена Казахстана. В сб.: «Основные идеи Кассина в геологии Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 187—216; Его же. Основы стратиграфии антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1963; К. В. Никитина. Кайнозой Голодной степи Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1960, стр. 159; «Схема стратиграфии четвертичных (антропогенных) отложений Казахстана». «Изв. АН КазССР, серия обществ. наук», 1962, вып. 5/50.

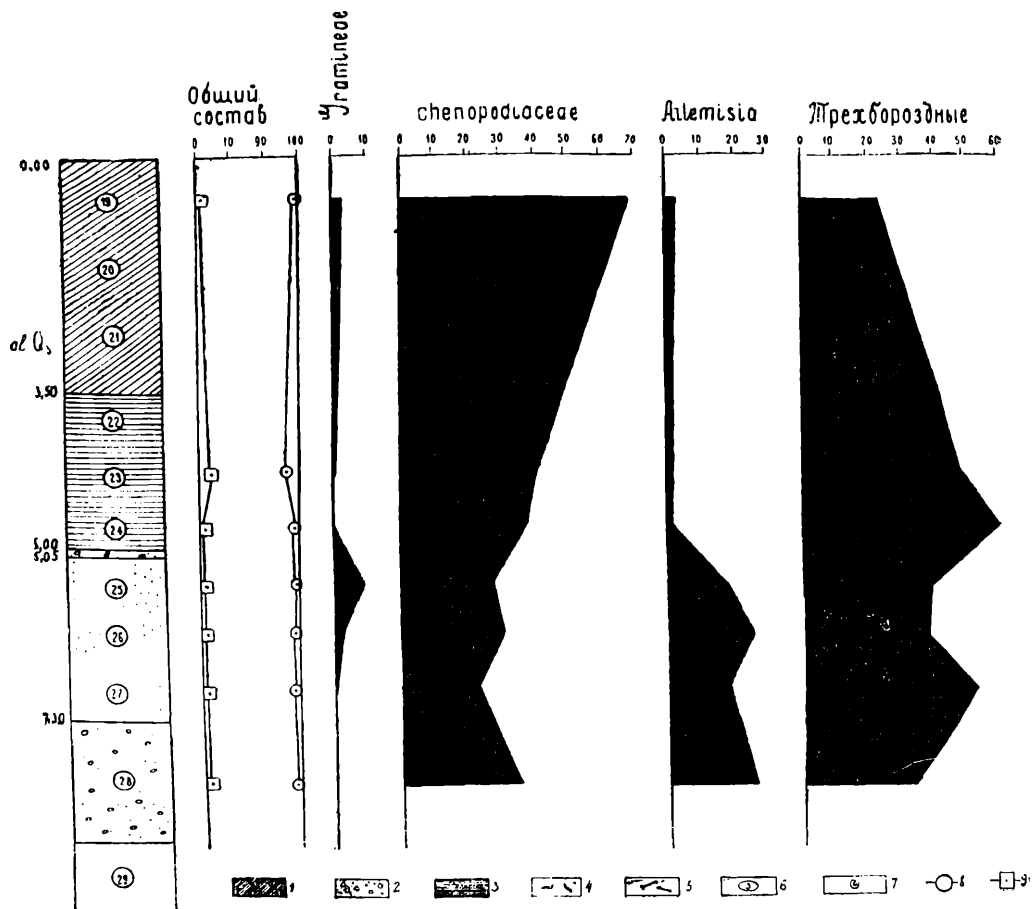

Рис. 2. Пыльцевая диаграмма отложений 1-й надпойменной террасы р. Сарысу у могилы Космола: 1 — суглинки; 2 — гравий; 3 — глина; 4 — археологические находки; 5 — кости животных; 6 — образцы на пыльцевой анализ; 7 — раковинки моллюсков; 8 — кривая пыльцы древесных пород; 9 — кривая пыльцы травянистых растений.

0,80—1,20 м — супесь желтовато-сероватая, плотная;
 1,20—2,00 м — суглинок бурый, комковато-столбчатой структуры;
 2,00—2,60 м — суглинок светло-бурый с криптокристаллами гипса;
 2,60—3,30 м — суглинок ярко-желтый с кристаллами гипса, местами зеленоватого оттенка;

3,30—4,00 м — (уровень воды р. Сарысу) суглинок илистый, синеватый, вязкий, содержащий раковинки моллюсков и обломки костей животных;

4,00 м и ниже — гравийно-галечный горизонт.

На поверхности террасы Каракоинской партией ЦКГУ пробурена скважина, из керна которой отобраны образцы на спорово-пыльцевой анализ. Образцы дали спектры, приведенные на диаграмме (рис. 2).

В спектрах нижней части разреза высокий удельный вес занимает полынь и растения, продуцировавшие трехбороздную пыльцу, не поддающуюся определению. Ближе к древней поверхности значение этих групп резко падает, зато увеличивается роль маревых. Спорово-пыльцевые спектры отражают условия сначала плювиала, а потом аридной фазы верхнего плейстоцена.

В районе скважины широко развиты пойменные отложения, образовавшиеся в результате размыва первой надпойменной террасы. На галечнике в 1962—1966 гг. В. С. Танцыревым и нами собран ряд находок мустьерского облика. Среди них угловатая галька со следами снятия удлинённых треугольных сколов, несколько отщепов и треугольных сколов и два типичных мустьерских остроконечника⁹ (рис. 3, 2).

Местонахождение Кзыл-Джар 3 расположено в 7,3 км западнее одноименного поселка по р. Сарысу, на границе Жана-Аркинского и Джезказганского районов Карагандинской области. Следы пребывания первобытного человека встречены там *in situ* в аллювии первой надпойменной террасы, сложенной следующими осадками:

0,00—0,04 м — песок серый, пылеватый, с корневищами полыни и злаковых;

0,04—0,08 м — суглинок серый, тонкослоистый;

0,08—0,15 м — супесь серая, монотонная, пылеватая;

0,15—0,40 м — супесь желтовато-сероватая с большой примесью песка мелкозернистого;

0,40—1,25 м — песок желтый, мелкозернистый, при высыхании пылеватый, с примесью гравия;

1,25—1,35 м — карбонатный горизонт;

1,35—1,50 м — песок желто-серого цвета с примесью гравия.

В 1962 г. на глубине 1,25 м на поверхности карбонатного горизонта встречен небольшой (52×47×41 мм) дисковидный нуклеус из кремния светло-серого цвета с желтыми оттенками (рис. 3, 1). На ударных поверхностях нуклеуса имеются негативы коротких, идущих от краев к центру сколов с большими ударными бугорками¹⁰. Рядом с

⁹ М. Н. Клапчук. Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане. СА, 1964, № 3, стр. 268—269; Его же. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 г. СА, 1965, № 3, стр. 213—214, рис. 1, 2.

¹⁰ М. Н. Клапчук. Указ. раб., СА, 1964, № 3, стр. 268—270, рис. 1, 5.

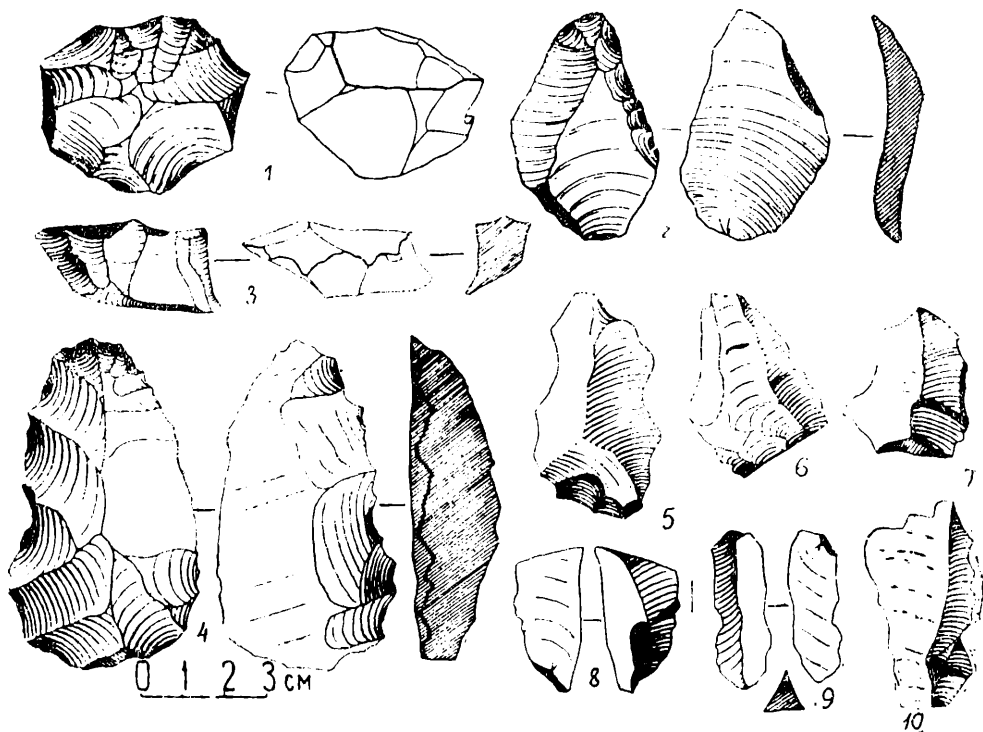

Рис. 3. Инвентарь мустьерских местонахождений: 1 — Кзыл-Джар 3; 2 — Космо-
ла; 3, 5, 6, 10 — Бетпак 8; 4, 7 — 9 — Бетпак 12.

нуклеусом встречен небольшой отщеп. Обе находки носят мустьерский облик.

Из аллювия первой надпойменной террасы р. Сарысу в месте археологической находки отобраны образцы на палинологический анализ. Спектры нижней части разреза характеризуются высоким удельным весом пыльцы злаковых. По мере приближения к дневной поверхности значение злаковых падает, зато увеличивается роль маревых (рис. 4). Пыльцевые спектры отложений террасы отражают условия открытого ландшафта сначала в плювиале, а потом на протяжении аридной фазы верхнего полейстоцена. Мустьерские находки у Кзыл-Джар 3 приурочены к плювиалу, условия которого благоприятствовали заселению первобытным человеком Центрального Казахстана.

Еще два мустьерских памятника встречены в верховьях р. Ишим, по его левобережному притоку Батпак, в Осакаровском районе Карагандинской области, в 80 км севернее Караганды. Первый из

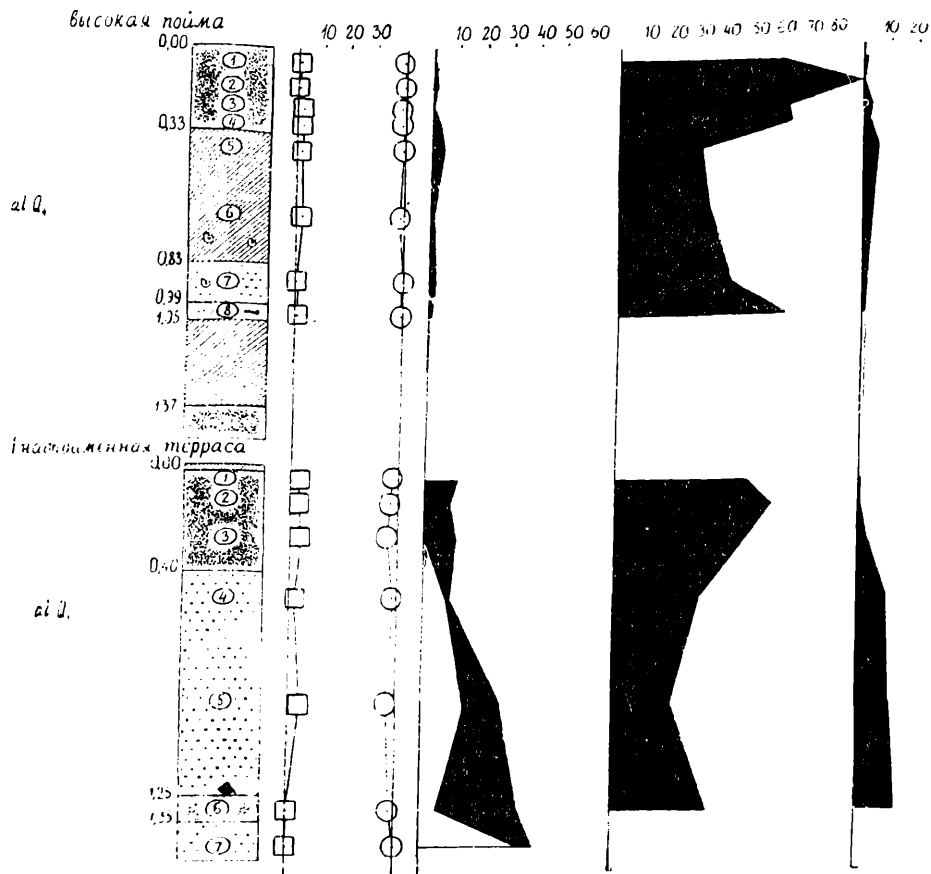

Рис. 4. Пыльцевая диаграмма отложений 1-й надпойменной террасы и поймы р. Сарысу у пос. Кызыл-Джар.

этих памятников, Батпак 8, расположен между современным «Глубоким оврагом» и древним руслом р. Батпак, на останце, центральная часть которого сложена водораздельными суглинками плиоцен-нижнеплейстоценового возраста. Ближе к поверхности благодаря процессу гумификации бурые суглинки приобрели серый цвет. На поверхности суглинков в 1962—1966 гг. было собрано свыше тысячи предметов из местной кремнисто-железистой породы черно-бурого и молочно-сероватого цвета. Порода плохого качества. Обилие раковин и трещин обусловило небольшие размеры и исключительно грубую обработку изготовленной из этой породы продукции. Среди находок встре-

чены фрагменты дисковидных нуклеусов, короткие пластинки с параллельными краями, треугольные сколы с массивными основаниями и отщепы. Некоторые отщепы и пластины характеризуются незначительным смещением их длинных осей по отношению к направлениям тех ударов, с помощью которых они были отделены от ядрищ (рис. 3, 3, 5, 6).

Совершенно аналогичный комплекс находок встречен на стоянке Батпак 12. Она расположена на правом берегу одноименного ручья, на мысовидной площадке между двумя промоинами дождевых вод, в 1 км восточнее стоянки Батпак 8. В 1966 г. на стоянке Батпак 12, на площади в 12 м², производились раскопки. Основная масса находок залегала на глубине до 20 см в горизонтальном положении. Ниже по разрезу находки встречались реже, причем, как правило, вертикально, попав в трещины усыхания, широко развитые близ оврагов. Следы жилищ не встречены. В процессе раскопок собрано 1038 предметов из кремнисто-железистой породы. Кроме находок, напоминающих таковые с местонахождения Батпак 8, обнаружен один монофас (рис. 3, 4).

Заслуживает внимания положение памятников Батпак 8 и 12. Они расположены у ручья Батпак на поверхности террасы, в местах с положительными отметками, отличающихся сухостью. Следует полагать, что мустьерский человек специально выбирал сухие места и что делать это заставляли условия влажного плювиала в начале верхнего плейстоцена.

Очень интересным палеолитическим памятником Центрального Казахстана является местонахождение Передержка 1—2. Расположено оно на месте выходов алевритистых песчаников в 4 км южнее брода через р. Сарысу, на пути из Джезказгана в Кенсе. В двух скоплениях здесь собрано 2303 предмета, в том числе 25 желваков со следами оббивки, 10 массивных отщепов со следами сколов, 3 нуклеуса дисковидного типа, один веерообразный нуклеус, 10 конических нуклеусов и 2 двухплощадочных двусторонних ядрища со скалыванием в противоположащих направлениях. Кроме нуклеусов встречено 311 пластин и их сечений, 23 треугольных скола, 13 реберчатых пластин и 703 отщепа. Если не считать 15 предметов, в общем напоминающих монофасы, то готовые орудия отсутствуют. Роль орудий, возможно, исполняли пластины, часть которых можно отнести к типу зубчатых. В инвентаре местонахождения Передержка 1—2 имеются элементы среднего и верхнего палеолита. Древними можно считать веерообразный¹¹ и двухплощадочные двусторонние нуклеусы для

¹¹ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, 131, стр. 29, рис. 5, 4—7; И. И. Коробков. Нуклеусы Яштуха. МИА, 131, стр. 87, рис. 3.

скалывания левалтуазских пластин¹² (рис. 5, 2—3), высокий удельный вес массивных и широких пластин, а также наличие зубчатых пластин и технику их преднамеренного членения, характерную для мустьерской стоянки Обирахмат¹³. Верхнепалеолитические черты отражены в реберчатых пластинах. Верхнепалеолитический облик имеет также один концевой скребок. В то же время локальным, не имеющим аналогий явлением следует считать двухплощадные, двусторонние нуклеусы подпризматического типа (рис. 5, 1).

Верхний палеолит. Наиболее интересным памятником верхнего палеолита является стоянка Батпак 7, расположенная рядом с мустьерским местонахождением Батпак 8. Она обладает культурным слоем, залегающим на глубине 1,20—5,60 м¹⁴. Отложения, вмещающие культурный слой, датируются фаунистически верхним плейстоценом. Здесь были найдены кости млекопитающих, принадлежащие, по определению Б. С. Кожамкуловой, *Mammuthus primigenius* Blum., *Coelodonta antiquitatis* Blum., *Rangifer tarandus* L., т. е. являющиеся представителями мамонтовой фауны. Уточнить датировку стоянки, по-видимому, можно по залеганию культурных остатков. Во время обитания здесь первобытный человек прятался в овраге, на дне его оставил негодные каменные орудия и следы кострищ. Использование оврага было возможным в сухое, холодное время, что имело место во второй половине верхнего плейстоцена.

Стоянка Батпак 7 не раскапывалась. Археологические находки были собраны в стенке обрыва. Среди находок (рис. 6) обращают на себя внимание две пластины, отщеп, скребло и наконечник дротика. Пластины большие: одна имеет размеры 108×62×12 мм, вторая — 107×55×12 мм. Спинки пластин запечатлели следы отделения пластин таких же очертаний. Поперечное сечение первой пластины трапециевидное, второй треугольное. Следы вторичной обработки отсутствуют. Чрезвычайно интересным является массивное скребло. Оно изготовлено на широком отщепе, обладает размерами 37×144×38 мм. Аналогичные орудия встречаются в инвентаре сибирских верхнепалеолитических стоянок¹⁵. Там же можно найти аналогии наконечнику¹⁶

¹² В. П. Любин. Указ раб., стр. 33, рис. 8, 4; стр. 35, рис. 9, 2—4.

¹³ Р. Х. Сулейменов. Предварительные результаты изучения грота Обирахмат. Пленум Института археологии 1966 г., секция палеолита (тезисы докладов), 1966, стр. 39—40.

¹⁴ М. Н. Кляпчук. Обнажения у с. Батпак и их стратиграфическое значение. Сборник тезисов научно-технической конференции ЦКГУ, 1966.

¹⁵ Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. «Труды II Международной конференции АИЧП», 1934, вып. 5, стр. 296, табл. III, рис. 2; стр. 299, табл. VI, рис. 1; стр. 300, табл. VII, рис. 1.

¹⁶ Там же, табл. VI, рис. 5.

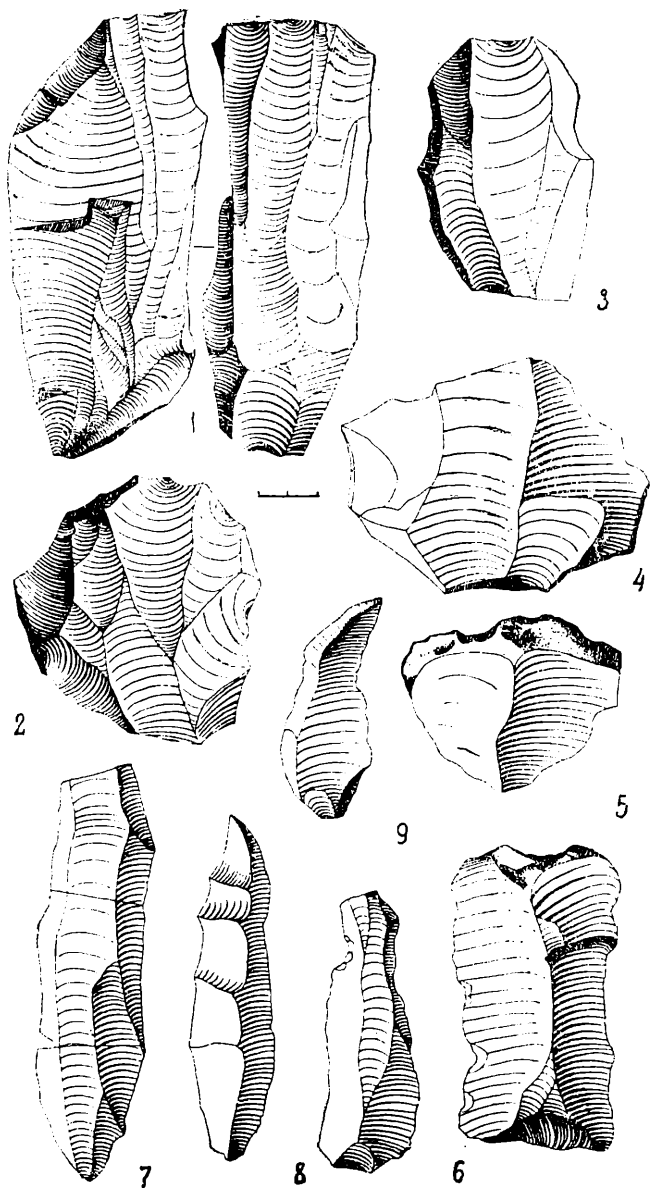

Рис. 5. Инвентарь леваллуа-мустьерского местонахождения Передержка 1—2.

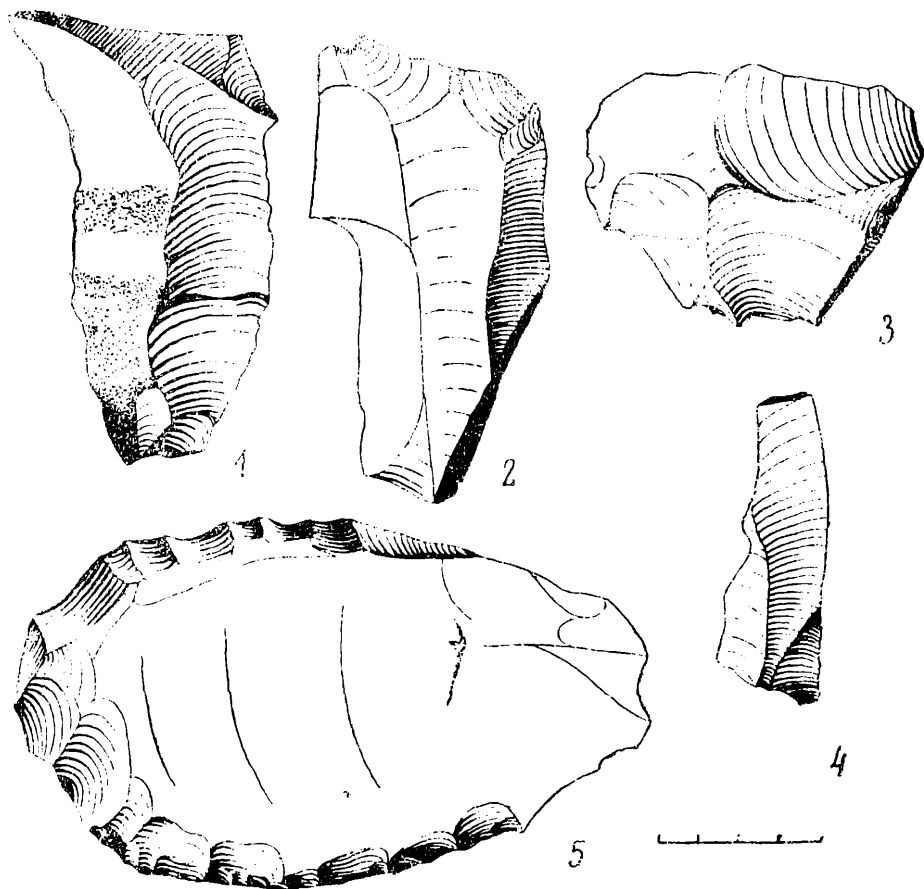

Рис. 6. Инвентарь верхнепалеолитической стоянки Батпак 7.

дротика, найденного на стоянке Батпак 7. Наконечник листовидной формы, изготовлен посредством двусторонней обработки мелкими сколами. Поделочным материалом служил местный мелкообломочный туф темно-коричневого цвета.

Нам представляется, что немногочисленный пока инвентарь стоянки Батпак 7 хронологически занимает промежуточное звено между леваллуа-мустье местонахождения Передержка 1—2 и верхним палеолитом Сибири. По-видимому, таким же возрастом обладают местонахождения Карабас 3 и Ангресор 2.

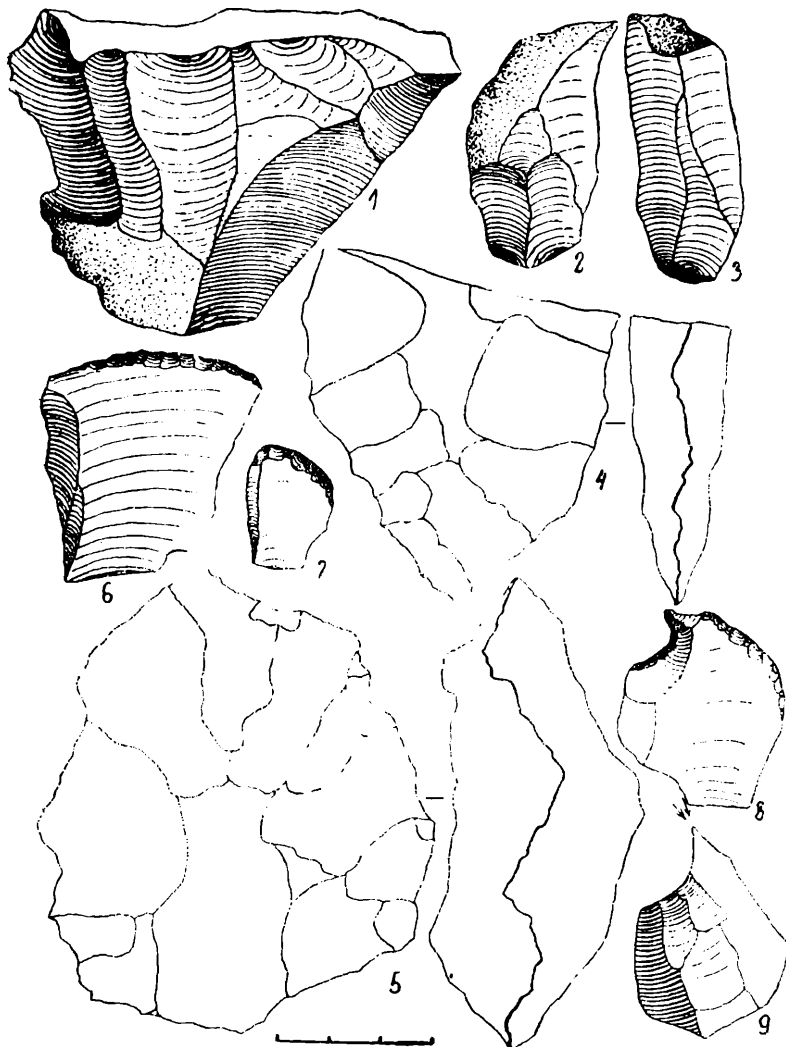

Рис. 7. Инвентарь верхнепалеолитического местонахождения Ангренсор 2.

Местонахождение Карабас 3 расположено на одном из северных шлейфов гряды сопок у пос. Карабас, в 45 км юго-западнее Караганды. На местонахождении найдены 172 предмета из порфирита. Среди них 6 желваков со следами отделения отщепов и два дисковидных нуклеу-

са. Порфирит не обладает хорошим расщеплением, и поэтому основная масса находок представлена грубыми отщепами и отходами. Лишь три предмета напоминают пластины. Из готовых орудий встречено ручное рубило и фрагмент наконечника дротика.

Местонахождение Ангренсор 2 расположено в 25 км южнее Экибастуза, на южном шлейфе сопки, прикрывающей с севера озеро Ангренсор. На местонахождении собрано 1088 предметов из яшмы. Среди находок встречены 4 желвака со следами снятия пластин и отщепов, а также 11 нуклеусов (многоплощадочных, дисковидных, конических) и 17 их фрагментов. Самыми многочисленными являются короткие, широкие отщепы с хорошо выраженными ударными бугорками. Следующую группу находок составляют пластины, но их в пять раз меньше, чем отщепов. Готовых орудий мало. Это 7 фрагментов листовидных наконечников дротиков, рубиловидное орудие, два скобеля, три резца-проколки и 9 скребков. Некоторые находки приведены на рис. 7. Комплекс орудий местонахождения Ангренсор 2 полностью напоминает инвентарь сибирских верхнепалеолитических стоянок, леваллуазские влияния здесь отсутствуют.

Так мы в общих чертах охарактеризовали инвентарь 8 палеолитических памятников, датированных геологически верхним плейстоценом, точнее, плювиалом и началом аридной фазы верхнего плейстоцена. Этот инвентарь носит леваллуа-мустьерский, мустьерский и верхнепалеолитический характер. Инвентарь памятников представлен свыше 5300 находками.

Имея в своем распоряжении такой материал, представляется возможным ответить на ряд вопросов, и в первую очередь на вопрос о времени и путях освоения первобытным человеком Казахстана и Сибири.

В работе о леваллуазской пластине из Бобковского местонахождения на Алтае А. П. Окладников во изменение своих предположений 1950 г. выразил убеждение в том, что родину первых обитателей Сибири следует искать не в Европе, а в Средней Азии и еще далее на юг от нее, в Иране и на Ближнем Востоке¹⁷. Первые обитатели Сибири, по его мнению, пришли с юга во второй половине среднего плейстоцена, скорее всего, в эпоху тазовского оледенения на севере Западно-Сибирской низменности¹⁸.

Нам представлялась возможность констатировать факт, что впервые первобытный человек на юге Центрального Казахстана появился в конце нижнего плейстоцена. Сюда пришел он из Прикаспия, обитал в низовьях Пра-Сарысу, но в силу климатических условий во время

¹⁷ А. П. Окладников, О. М. Адаменко. Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири. Четвертичный период Сибири. 1966, стр. 382.

¹⁸ Там же, стр. 379.

максимального оледенения Сибири, по-видимому, пришлось ему Центральный Казахстан забросить.

Нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей, что в нижнем и среднем палеолите культура Средней Азии и Казахстана развивалась двумя различными путями, а именно средиземноморско-африканским и восточноазиатским. С одной стороны, на этот регион распространялась культура ручных рубил и леваллуа-мустьерской техники, а с другой — культура галечных орудий. Леваллуа-мустьерские изделия встречены в верхнем слое Тешик-Таша, в Кайрак-Кумах, Ходжикенте и Обирахмате. В горах же Каратау и в Южном Таджикистане инвентарь широко представлен чопперами и галечными нуклеусами ¹⁹.

На территории Центрального Казахстана в комплексе орудий Космола, местонахождения Кызыл-Джар 3 и Батпак 8 и 12 господствуют мустьерские формы. Инвентарь Передержки 1—2 леваллуа-мустьерский. Наличие такового дает право предполагать, что в конце среднего палеолита, по крайней мере в бассейне рек Сарысу и Нуры, обитало население, поддерживающее средиземноморские традиции и, следовательно, ближневосточного происхождения. Но геологический возраст указанных выше центральноказахстанских памятников — верхнеплейстоценовый. Как же быть тогда с леваллуазской пластиной Бобковско-го местонахождения, имеющей среднеплейстоценовый возраст?

В среднеплейстоценовом возрасте алтайской находки нет основания сомневаться, так же как и в путях освоения первобытным человеком Сибири в среднем плейстоцене, идущих с юга. Но эти пути, вероятно, должны были проходить в обход пустынь Центрального Казахстана, ибо преодоление их в холодное тазовское время с аридным климатом является почти невероятным. Одним из возможных путей вне пустынь могло быть предгорье Восточного Казахстана и Алтая, где встречены, правда, более поздние, чем бобковская пластина, но и более древние, чем центральноказахстанские среднепалеолитические, леваллуазские (Усть-Канская) находки ²⁰.

Заселение Центрального Казахстана вторично произошло в верхнем плейстоцене. Если в нижнем плейстоцене ашельский человек временно поселился только в низовьях Пра-Сарысу, то в начале верхнего плейстоцена он занял весь бассейн рек Сарысу и Нуры.

В плейстоцене верхнего плейстоцена, как упоминалось, обитали мустьерцы. Это было время с теплым, влажным климатом. После плей-

¹⁹ В. А. Ранов. О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана. «Изв. АН ТаджССР», 1961, вып. 1 (24), стр. 89—109; Егоров. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.

²⁰ С. Н. Астахов. О путях первоначального заселения человеком долины Енисея. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР, 1966, стр. 56—58.

виала наступила аридизация климата и похолодание ²¹, сопровождавшееся образованием зырянского ледника в Сибири.

Похолодание не способствовало обитанию человека близ ледника. Следует полагать, что первые насельники Сибири вынуждены были искать убежище от холода, уходя на юг. Нам представляется, что именно это обусловило отсутствие в Сибири археологических памятников, синхронных зыряновскому оледенению.

Одним из районов убежищ в зыряновское время был Казахский мелкосопочник. Зыряновским возрастом, по-видимому, обладают местонахождения Карабас 3, Батпак 7 и Ангренсор 2. В их инвентаре содержатся еще единично леваллуазские элементы, но в основном он носит верхнепалеолитический характер, причем сибирского типа. В комплексе орудий сочетаются архаичные черты (рубиловидные орудия, массивные скребла) с прогрессивными (наконечники, скребки, скобели, проколки). Весьма вероятно, что этот комплекс отражает происходящий тогда процесс смешения, первого в истории смешения двух великих культур — средиземноморской и переднеазиатской, развивавшихся раньше в Центральном Казахстане параллельно. Похолодание зыряновского времени способствовало этому смешению. В поисках укрытия от холода обитатели Сибири и Монголии, носители леваллуазских (Усть-Канская) и «галечных» (Улалинка) традиций, заселяли мелкосопочник, смешивались с автохтонами, что и привело к образованию качественно нового культурного явления — «сибирского палеолита».

Нам представляется, что Казахский мелкосопочник был, по крайней мере, частью родины «сибирского палеолита», что он сформировался здесь до начала сартанского оледенения, когда в более благоприятных климатических условиях начал свое распространение над Енисеем. Этот рубеж датируется примерно 20 000 лет назад ²².

Задачей ближайших археологических исследований будет изучение памятников сартанского времени в мелкосопочнике. Эти памятники, следует ожидать, станут недостающим звеном, которое соединит верхний палеолит зыряновского времени с неолитом мелкосопочника.

²¹ М. Н. Клапчук. Некоторые данные о палеоклиматических условиях аккумуляции четвертичных отложений Центрального Казахстана. Тезисы докладов научно-технической конференции ЦКГУ, 1966.

²² С. Н. Астахов. Указ. раб., стр. 59.

А. Г. МАКСИМОВА

аласским отрядом Семиреченской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР открыты и исследованы три кургана сакского времени в урочище Караша-2 Свердловского района Джамбулской области, в 12 км на юго-восток от станции Ак-Чулак. Могильник, в котором раскапывались курганы, находится на правом берегу речушки, у подножия гор Киргизского Алатау. Он как бы цепочкой растянут в направлении СЗ—ЮВ среди курганов усуньского времени.

Курган 4. Диаметр его 5 м, высота 11 см (рис. 1). Поверхность покрыта камнем. На глубине 21 см от вершины кургана по основанию оконтурилось кольцо из камней, в центре — завал из камней в направлении СЗ—ЮВ, который заполнял всю входную яму. Вдоль северной стенки были вертикально поставлены плиты, являвшиеся заставкой подбоя. Плиты нижним концом упирались в ступеньку, которая шла вдоль южной стенки (ширина ступеньки 35 см, высота 25 см,

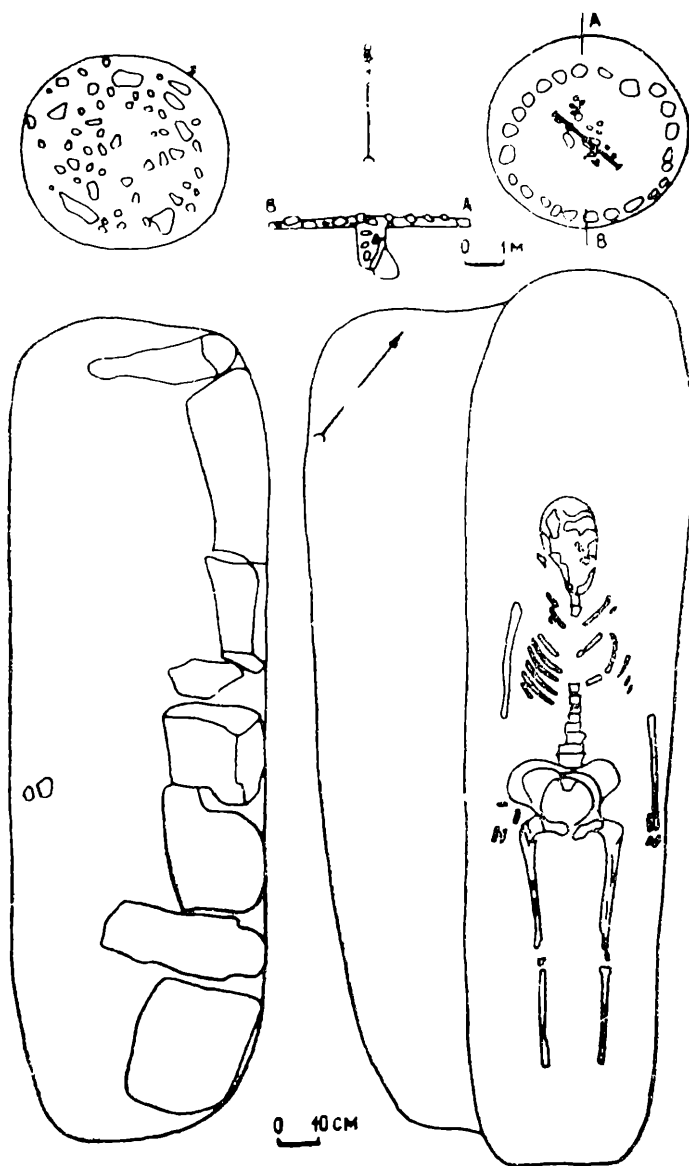

Рис. 1. Курган № 8.

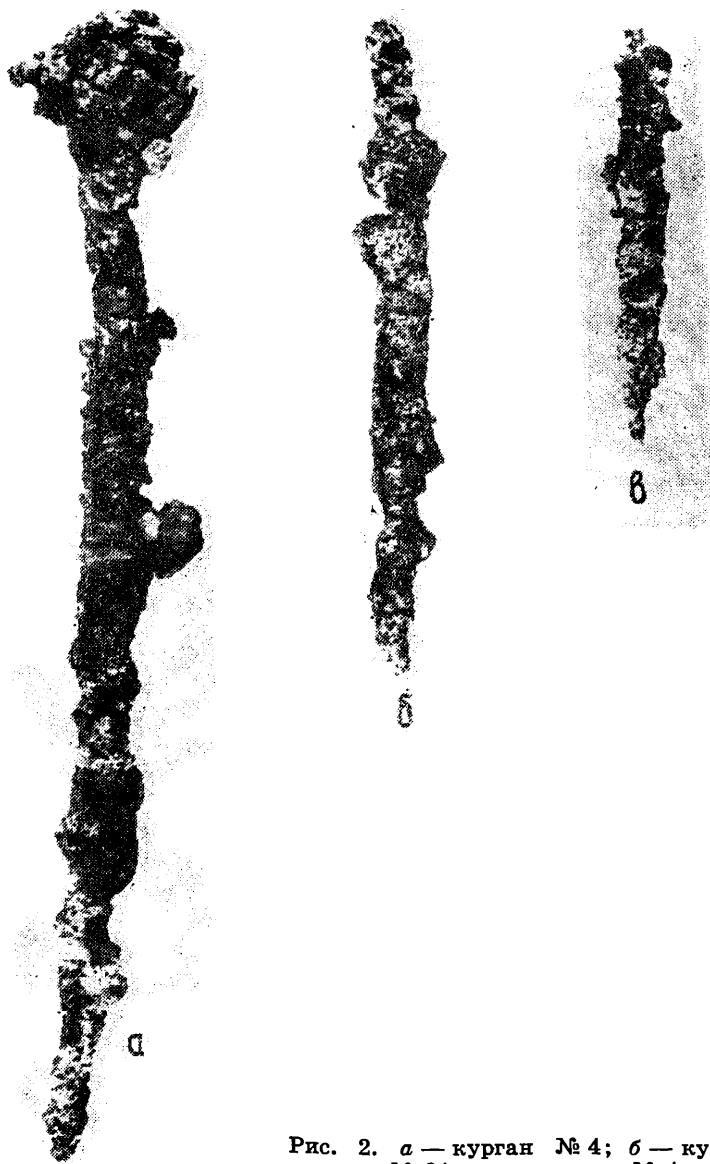
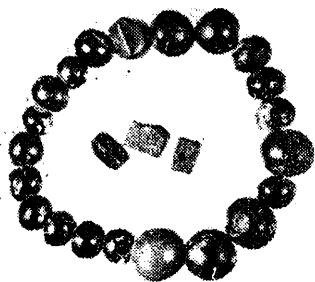
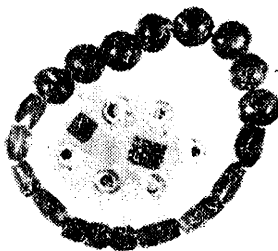

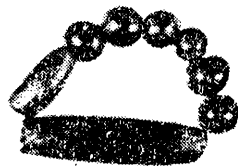
Рис. 2. *a* — курган № 4; *б* — курган № 21; *в* — курган № 4.

а

б

в

Рис. 3. а — курган № 8; б — курган № 21; в — курган № 4.

длина 2,1 м), другим концом — в северную стенку. За плитами оконтурился подбой (ширина его по центру 60 см, длина 2,3 м). Подбой незначительно углублен на СЗ и ЮВ. На дне, в подбое, на глубине 1,5 м находился скелет человека, лежащий на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. Выше черепа лежала железная булавка (рис. 2,а), в области черепа — шаровидные и треугольные в сечении бусы из халцедона¹ (рис. 3,в).

При расчистке скелета встречены древесные угольки, зола и куски красной глины. В области шейных позвонков — продолговатые, эллипсоидные со срезанными краями бусы из халцедона (рис. 3,в) с двусторонним сверлением. Здесь же серебряная серьга из проволоки с заходящими друг за друга концами (рис. 4, б). Под спинными позвонками, напротив локтевого сустава левой руки, найдена каменная терка из гальки (рис. 5).

а

б

Рис. 4. а — курган № 21, б — курган № 4.

Курган 8. Диаметр его 4,5 м, высота 15 см (рис. 6, 1—4). Поверхность выложена камнем. На глубине 35 см от вершины кургана в южной части обнаружен завал из камней в направлении СЗ—ЮВ, который

¹ Определение каменных бус произведено научным сотрудником Института геологических наук им. К. И. Сатпаева Э. Байдильдиным.

Рис. 5. Курган № 4.

заполнял всю входную яму. Вдоль северной стенки находились каменные плиты и камни. Одним концом они упирались в ступеньку, которая шла вдоль южной стенки (ширина ее 50 см, высота 15 см, длина 2 м). За плитами оконтурился подбой. Высота подбоя 60 см, длина 1,9 м, ширина по центру 60 см. Общая глубина 1,3 м. На глубине 1,25 м в подбое находился скелет человека, лежащий на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. Выше головы стоял чайникообразный глиняный сосуд (рис. 7), с левой стороны — позвонки барана (остатки погребальной пищи), на которых лежал бронзовый нож (рис. 8). В области головы и шейных позвонков найдены шаровидные и одна треугольная в сечении бусинки из халцедона (рис. 3,а), граненая из агата, бусинки в виде прямоугольника из пасты. Выше черепа находилась железная булавка (рис. 2,в). При расчистке скелета встречались куски красной глины, зола (возможно, погребенный был посыпан золой).

Курган 21. Диаметр 5 м, высота 15 см (рис. 6,5—8). Поверхность выложена камнем (в центре камень отсутствовал). На глубине 35 см в южной части обнаружен завал из камней в направлении СЗ—ЮВ, который заполнял всю входную яму. На глубине 1,2 м вдоль южной стенки шла ступенька (ширина 40 см, высота 30 см, длина 2,6 м). Вдоль северной стенки находились вертикально поставленные плиты. Одним концом они упирались в ступеньку. За плитами оконтурился подбой (длина 2,4 м, ширина 80 см, высота 65 см). На глубине 1,5 м на дне

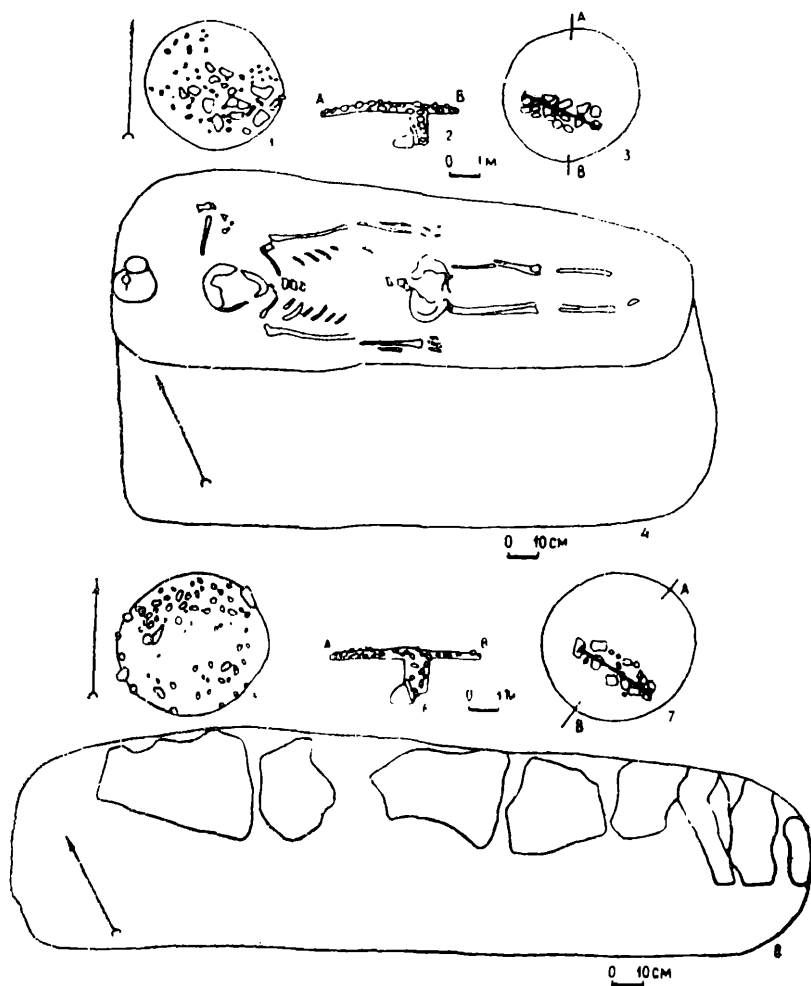

Рис. 6. 1—4 — курган № 8; 5—8 — курган № 21.

подбоя находился неполный скелет человека. В анатомическом порядке сохранилась правая рука, лежащая вытянуто вдоль туловища, тазовая и правая бедренная кости. Судя по костям, можно сказать, что погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. При расчистке могильной ямы найдены шаровидные бусы из халцедона (рис. 3, б), треугольные в сечении — из опала и пастовые. Здесь же

Рис. 7. Курган № 8, сосуд.

обнаружены серебряные полусферические бляшки для нашивки на одежду (рис. 4, а) и хвостовые позвонки барана — остатки погребальной пищи. В области черепа найден обломок железной булавки (рис. 2, б). При расчистке скелета встречены зола, древесные угольки и куски красной глины.

Все три захоронения являются женскими, на что указывает комплекс найденных вещей.

Полученный погребальный инвентарь находит близкие аналогии в памятниках эпохи ранних кочевников. Бронзовый нож с тупой спинкой, лезвие и черенок не расчлениются; на конце рукоятки одностороннее изображение жвачного животного с оскаленной пастью, Губы отме-

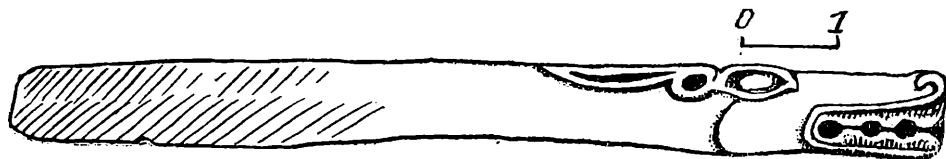

Рис. 8. Курган № 8, нож.

чены лентой, переходящей наверху в завиток ноздри. В раскрытой пасти видны резцы. На голове — овальный глаз и довольно длинное прижатое ухо. Мотив животного, особенно хищного, с раскрытой пастью широко распространен в VI—V вв. до н. э.² Несмотря даже на сильную стилизацию, хищник легко узнаваем по острым клыкам. На данном же изображении клыки — основной признак хищника — не прослеживаются. Член-корреспондент АН КазССР А. А. Слудский усматривает в этом изображении кулана.

По своей форме нож напоминает бронзовые ножи VII—V вв. до н. э.³ Изображения же головы животного, в частности уха, раздутой ноздри и глаза близки к изображениям лошадей на ножах VI и V вв. до н. э.⁴

Чайникообразный сосуд ручной лепки с округлым дном сделан из красного теста с примесью дресвы; черепок слоится, прослеживаются следы закопченности на дне и стенках. Точной аналогии нашему сосуду нет, но тем не менее он по форме, технике изготовления и тесту напоминает сосуды из погребений сакского времени⁵. Серебряные полусферические бляшки с дырочками для нашивки подобны бронзовым бляшкам из курганов VI—V вв. до н. э.⁶ К этому же времени относит-

² К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 244.

³ А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 61, рис. 11, 5; стр. 68, рис. 12, 4; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, вып. 26, 1952, стр. 34, рис. 14; Б. Я. Ставиский. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 126, рис. 1.

⁴ Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен татарской культуры. М., 1967, стр. 275, табл. 25, 3а, б, 13.

⁵ К. А. Акишев. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. 1963, стр. 103, рис. 82. 1, 2; Г. Г. Бабанская. Беркаринский могильник. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. I, стр. 199, табл. V, 7.

⁶ А. Н. Бернштам. Указ. раб., стр. 31.

ся распространение бус из халцедона, которому, как и вообще камням, придавалась магическая сила⁷. Все бусы из халцедона полупрозрачные, оранжево-розоватого и красного оттенков. Некоторый интерес представляют находки бус из опала, которые до некоторой степени если не опровергают полностью, то ставят под сомнение существующее мнение о том, что не следует носить этот камень (опал. — А. М.): он приносит несчастье⁸.

Исходя из анализа погребального инвентаря рассмотренные курганы можно отнести к VI—V вв. до н. э. Этой датировке не противоречит и обряд погребения — наличие каменного кольца⁹, обнаруженного при снятии насыпи одного из курганов, положение скелета на спине в вытянутом положении головой на СЗ¹⁰. Что касается сооружения подбоев, то широкое распространение они получают в IV—III вв. до н. э.¹¹ Самые ранние захоронения в подбоях открыты и исследованы на территории Казахстана: М. К. Кадырбаевым на р. Шидерты в могильнике Карамурун 1, курган 5ж, который хорошо датируется наконечниками стрел VII—VI вв. до н. э.¹², и Г. А. Кушаевым в Алакульской впадине в могильнике Арасан 1, курган 2, датируемом им бронзовым зеркалом VI—V вв. до н. э.

Находки при погребенном красной глины, золы, угольков позволяют предположить о существовании какого-то обряда очищения огнем. Находки костей барана свидетельствуют о том, что сородичи умершего, провожая его в «потусторонний мир», снабжали пищей. Находки позвонков барана и глиняного сосуда с округлым дном могут свидетельствовать о новой форме ведения хозяйства — кочевом скотоводстве.

Территория, где исследованы вышерассмотренные курганы, была заселена саками-тиграхауда, для раннего периода которых характерны захоронения в каменных ящиках и в ящиках, сооруженных на дне погребальных ям, а для V—IV вв. до н. э. типичными являлись погребения в грунтовых ямах, перекрытых деревом¹³.

⁷ В. И. Мавковин. Сердолик — «камень счастья». В сб.: «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 270.

⁸ Там же.

⁹ И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, стр. 76; К. А. Акишев. Указ. раб., стр. 98.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. раб., стр. 91.

¹¹ Там же. Указ. раб., стр. 83.

¹² А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. 1966, стр. 338, рис. 32.

¹³ Г. А. Кушаев. Ранние погребения Алакульской впадины. В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 143, рис. 3; К. А. Акишев. Указ. раб., стр. 19, 102.

Открытые и исследованные за последнее время подбойные захоронения, в частности в Семиречье, возможно, могут свидетельствовать об этнической разнородности крупного племенного объединения — саков-тиграхауда.

Какие-либо большие исторические выводы по имеющемуся материалу сделать пока трудно, но сам факт наличия захоронений в подбоях VII—V вв. до н. э. на территории Казахстана очень интересен.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ У ГОРЫ АЙРАКТЫ НА ПОЛУОСТРОВЕ МАНГЫШЛАК

А. Г. МЕДОВЕВ

Гора Айракты (Жайракты) расположена между хребтами Западный Каратау и Северный Актау¹. Она является одной из типичных форм рельефа горной части полуострова Мангышлак, сложенной осадочными породами мезозоя и кайнозоя², так называемый «свидетель» или гора-остров с плоской вершиной и почти вертикальными склонами.

Изображения сосредоточены у восточного и частично у юго-восточного подножия горы Айракты³. Это гравюры на крупных глыбах

¹ Название Айракты (Жайракты) приведено согласно современным топографическим картам. Другой вариант этого топонима — Айракли (дополнения В. А. Дубянского в кн.: И. Вальтер. Законы образования пустынь. СПб., 1911, стр. 194, табл. II, рис. 5).

² Н. Г. Кассин. Материалы по палеогеографии Казахстана. Алма-Ата, 1947, стр. 131, 146—147, 156—157, 159, 180—181, 202—203.

³ Исследования автора в 1966—1968 гг. Палеолитический отряд Мангышлакской комплексной экспедиции Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР.

Кальки сюжетных композиций снял А. Е. Горбатов, остальная документация О. Ш. Байметова, Б. Г. Имангазина и автора.

Рис. 1.

мела. Глыбы представляют собой неправильные многогранники, ограниченные ровными и гладкими плоскостями трещин.

Эту графику (не ограниченную «рамой картины» и свободно помещенную на плоскость) надо смотреть со значительного расстояния в свободном пространстве⁴. Ее техническая сторона заключается в комбинации прочерченных линий и высверленных углублений.

Среди изображений центральное место занимают сложные композиции, в которых предстают сцены сражений и охоты. Они ассоциируются с изображениями отдельных фигур всадников, диких, домашних и фантастических животных, различных реалий, символических знаков, эмблем и эпитафий.

Участники сражений и охотники вооружены старинным огнестрельным оружием — фитильные ружья на сошках. Холодное оружие — сабли, пики — фигурируют редко. В сражениях принимают участие конные или спешенные воины. Композиции, сюжетами кото-

⁴ Айрактинская «картинная галерея» находится в абсолютно пустынной и по-своему живописной местности (столовые горы), где лишь ее экспонаты — гравюры на меловых глыбах да кремни культуры микrolитов, встречающиеся на вершине горы, — напоминают о человеческой деятельности.

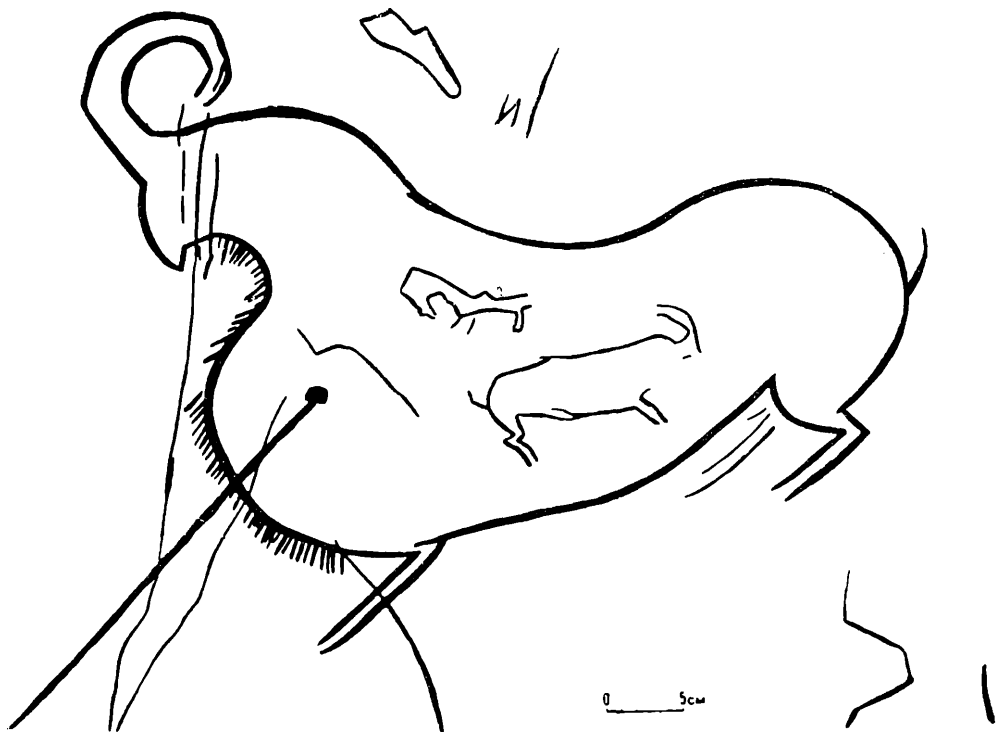

Рис. 2.

рых являются батальные темы, предназначены дать картину массового боя, именно сражений, а не поединков или стычек. При этом сами участники, как правило, представлены немногочисленными персонажами.

Во всех композициях доминируют изображения животных и реаллий. Их построение и изобразительное решение сугубо условны. Стрельбу из ружей, наряду с немногочисленными воинами, ведут... сами ружья (рис. 1). Фронт каждой из сражающихся сторон построен из нескольких стрелков и многочисленных стволов, «самостоятельно» извергающих ураганный огонь. Иллюзию плотной огневой завесы создают прочерченные из дул линии, символизирующие полет пуль. Этот прием использован и в охотничьих, столь же массовых сценах.

Исключение составляют, пожалуй, лишь сцены копуляции животных (тау-теке, лошади, верблюды), воспроизведенные с натуралистической непосредственностью.

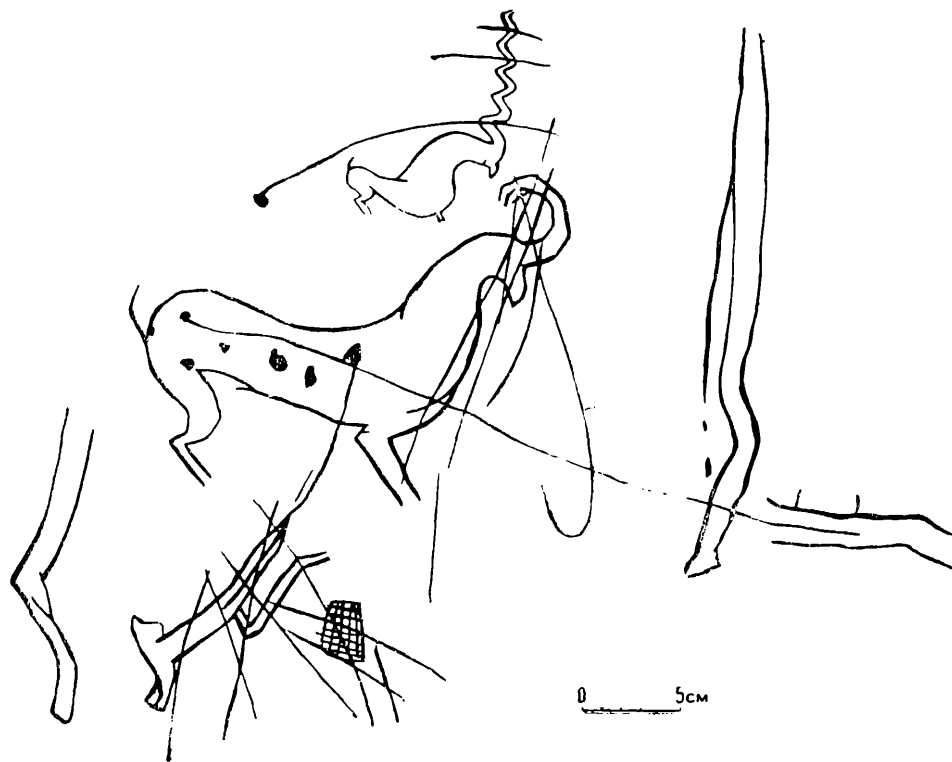

Рис. 3.

Главный герой царства животных — муфлон (рис. 2, 3). Он же и самая желанная добыча охотников.

Домашние животные — двугорбые и более многочисленные одногорбые верблюды и лошади предстают в самодовлеющих образах. Фантастические животные также фигурируют вне сюжетных связей. Изображения хищников (гепард) и конных всадников (рис. 4) единичны.

Отдельные изображения реалий включают кочевую утварь, украшения конской сбруи, например кутас или науз, оружие — боевой топорик, «клеиноды» — бунчук и т. д.

Знаковая символика разнообразна, во многом сложна и загадочна. Значительная ее часть — эмблемы, среди них часто повторяется тамга племени адай, которая иногда входит в сюжетные композиции. Вне таких соотношений находятся изображения женских гениталий, выполненные, как это ни удивительно для наскальных изображений, натуралистично.

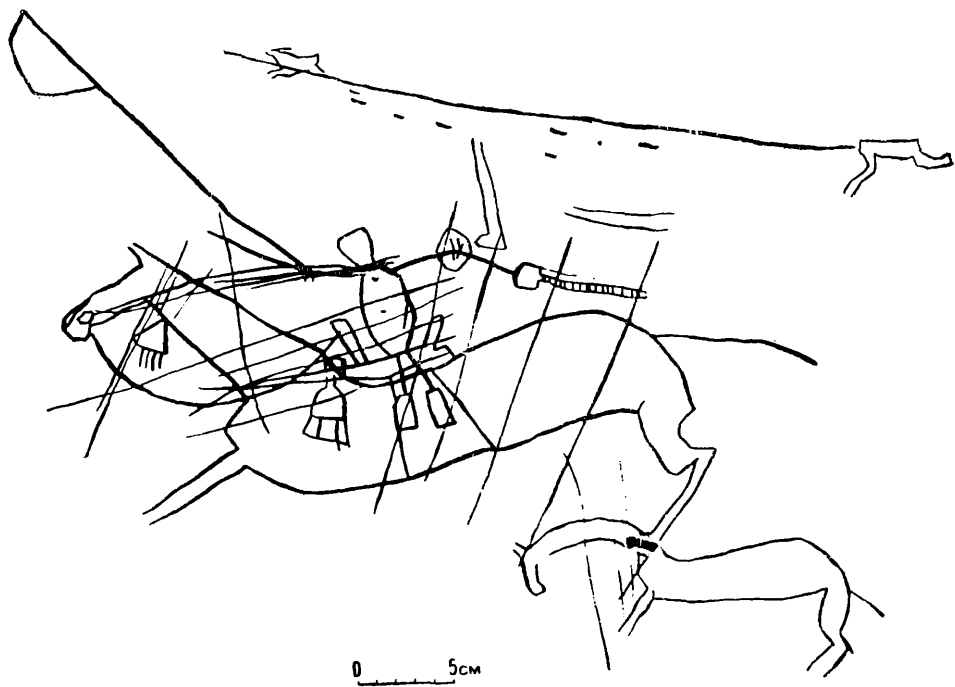

Рис. 4.

Непонятна семантика далеких от чисто орнаментальных мотивов, абстрактных композиций, построенных из ритмично повторяющихся простых и сложных геометрических фигур.

Эпиграфы написаны арабским алфавитом. Язык их казахский. Они включены в сюжетные композиции и являются их составной частью. Эта информация дополнит иконологический анализ.

Знаменательно, что ни в одной айрактинской композиции нет никакого намека на ландшафт. Здесь, как обычно в наскальных изображениях, пейзажные мотивы просто не существуют. Впрочем, айрактинское искусство традиционно и в преимущественном внимании к анимализму. Его стихия — мир животных и их образы.

«Прежде чем приступить к анализу, даже просто описанию художественного произведения, каждому пишущему следовало бы убедиться в том, что перед ним действительно художественное произведение, а не исторический документ или предмет быта»⁵.

⁵ Н. П у н и н. Проблема плоскости. «Творчество», 1968, № 5 (137), стр. 8.

Рис. 5.

Художники, которые работали у горы Айракты, не стремились «копировать» героев своего искусства и не боялись обобщений. Их произведения явно не предназначались в качестве зоологических иллюстраций или наглядных пособий для занятий по животноводству.

Изображения животных охвачены изысканной линией. В них обнаруживается уверенная и смелая рука и острое чувство формы. Никаких второстепенных деталей и ненужных подробностей, ничего лишнего и случайного, нарушающего гармонию целого. Здесь все сделано талантливо с умением именно хорошо рисовать. При этом надо помнить, что «уметь рисовать — не значит еще рисовать хорошо»⁶.

В этом айрактинская графика невольно, но настойчиво напоминает, как это ни парадоксально, ориньякское искусство. Но она без всяких сомнений относится XVIII—XIX вв. и является произведением художников из племени адай. Об этой поре убедительно говорят реалии, тамги, эпитафьи.

В искусстве кочевого мира азиатских степей предшествующих эпох айрактинская графика не имеет ни иконографических, ни

⁶ Поль Гоген. Мысли об искусстве. В кн.: «Мастера искусства об искусстве». М., 1934, т. III, стр. 337.

стилистических прототипов. Здесь какой-то иной историко-культурный мир.

О связях с искусством охотников ориньяка речь идти не может. Слишком велик хронологический и территориальный разрыв.

Между тем эта графика не является результатом минутного каприза или жажды самовыражения. В десятках образов и композиций повторяются определенные мотивы и ассоциации героико-эпического характера. Формальные средства, которыми здесь решена изобразительная сторона, можно считать каноничными. Такие явления базируются на стойкой и длительной творческой традиции в относительно автономной этнической среде.

Сравнение айрактинских изображений с графикой, украшающей стены различных надмогильных сооружений Мангышлака (рис. 5), в большинстве своем обнаруживает принадлежность к одной школе. У них сходный, вернее, один и тот же художественный язык и совпадают различные детали другого порядка. Например, тамги. Важно, что в обоих случаях, судя по экстерьеру, изображены лошади адаевской породы⁷.

Где истоки этого искусства? Что они уходят в таинственный туман «доистории и предыстории» — в общем-то ясно. Но главное не в этом. Наивно полагать, что у конных кочевников евразийских степей, например, в I тысячелетии до н. э. экспрессивная деформация формы была единственным методом отражения действительности в художественных образах. В степях скифский «звериный стиль» гибнет вместе с хуннской степной державой, разделив ее трагическую судьбу⁸. У кочевников Тибета он доживает (факт беспрецедентный) до XX в.⁹ По-видимому, на Мангышлаке древних наскальных изображений не осталось. В геологическом строении полуострова участвуют главным образом осадочные породы — известняки, мел и т. д. За этот идеальный для техники гравюры материал пришлось заплатить слишком дорого. Изображения на нем долго не сохраняются. Это не Сары-Арка, где на скальных выходах палеозойских пород не удивительно встретить произведения эпохи позднего палеолита¹⁰. Но найдутся другие пути. Все впереди. И случайная фонетическая ассоциация русифицированных этнонимов «даи» — «а || даи», возможно, еще обретет исторический смысл.

⁷ Наряду с лошадьми адаевской породы, на полуострове встречаются изображения ахал-текинской (главным образом на стенах мавзолеев).

⁸ А. П. Окладников. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.). «Советская этнография», 1962, № 1, стр. 90.

⁹ Ю. Н. Рерих. Кочевые племена Тибета. В кн.: «Страны и народы Востока», вып. II. М., 1961, стр. 11.

¹⁰ А. Г. Медоев. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. «Вестник АН КазССР», 1965, № 5 (242), стр. 88.

М. С. МЕРЩИЕВ

1965 г. в Балыкшинском районе Гурьевской области, вблизи пос. Тендык, в 10—12 км от г. Гурьева, автором было обследовано два археологических памятника. Они находятся на правом берегу сая Саколь, проходящего в километре на восток от центральной усадьбы овощно-молочного совхоза «Тендык», и отстоят в полукилометре один от другого.

Первый памятник — южный I (рис. 1, I) — в основном состоит из трех связанных между собой неправильной конфигурации бугров, вытянувшихся с юга на север вдоль сая в длину до 75 м, шириной до 35 м и возвышающихся до 2,5 м. Они, по-видимому, являются остатками архитектурных комплексов, располагавшихся вблизи или непосредственно примыкавших друг к другу. С северо-западной стороны от основного массива в 5—7 м находится два отдельных небольших бугра, являющихся остатками более мелких строений. Далее на юг вдоль

сая тянулись едва улавливаемые всхолмления поверхности, вероятно, также являющиеся остатками еще более мелких строений.

На этом памятнике имелось два уже оплывших шурфа. Как удалось выяснить, они были сделаны в начале 60-х годов нынешнего столетия юными краеведами Гурьева. Один из шурфов сделан на отдельном небольшом бугре, а второй — на северном склоне самого большого бугра. Глубина первого шурфа около 1 м, а второго 1,5 м. Во втором шурфе на глубине 1,5 м якобы были обнаружены захоронение, а также фрагменты глиняной посуды, в основном неполивной, значительная часть которых при посещении памятника лежала на обочине шурфа. В обоих шурфах прослеживались слои оплывов и зольников.

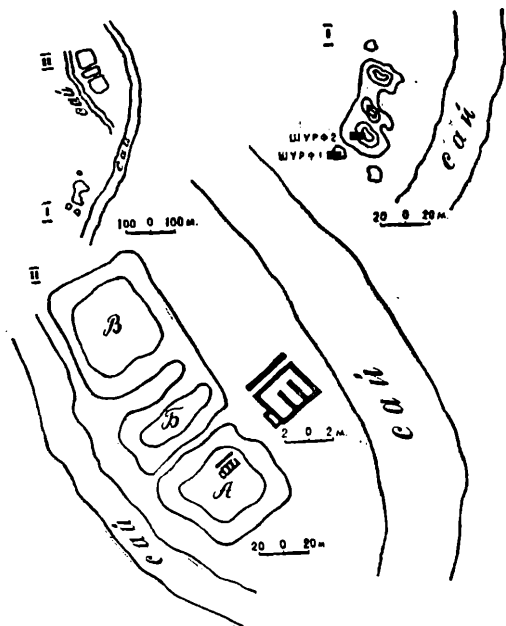

Рис. 1. Схематический план поселений.

как бы указывали на возможно культовое или погребальное назначение находившихся здесь сооружений. Однако наличие в шурфах мощных зольников, бытовой характер посуды из шурфов и собранной на поверхности больше указывают на жилое назначение строений, скрытых в толще этих бугров. Они, вероятно, являются остатками жилых строений поселения, располагавшегося вдоль правого берега сая. Более высокие бугры, безусловно, являются остатками крупных сооружений, принадлежащих, по-видимому, более зажиточной части населения.

На поверхности этого памятника, а также из обломков керамики, находившихся на обочинах шурфов, нами был собран подъемный материал. В основном это фрагменты неполивной глиняной посуды. Черепки в изломе красного цвета, глина хорошего и среднего качества. На внешней стороне нескольких обломков нанесен прорезной орнамент,

Обособленность этих бугров, обнаружение захоронения, нахождение вблизи них современного кладбища, состоящего из нескольких отдельных купольных мазаров, и наблюдаемая традиционность — нахождение на одном и том же месте в течение длительного времени кладбищ —

состоящий из параллельных прямых и волнистых линий, опоясывающих тулово сосуда, прочерченных по сырой глине острым предметом, а иногда штампом (гребенкой). Из поливной посуды здесь найдено всего лишь несколько кусочков. Поливные сосуды были сделаны из каши (полуфаянс). С обеих сторон они покрыты бирюзовой поливой.

Как уже отмечалось, второй памятник — северный II (рис. 1, II) — находится в полукилометре на север — северо-запад от описанных выше. Он обнаруживается лишь при подходе к нему почти вплотную, и тогда выделяется несколько розоватым оттенком на фоне примыкающей неприглядной равнины грязно-серого цвета, местами усеянной ракушками. Последние свидетельствуют об ушедшем море, т. е. указывают, что эта территория некогда была дном моря. Памятник представляет собой почти прямоугольную площадку с округленными углами со стороны сая. Ширина ее 87 м, длина 256 м, максимальная высота до 1,5 м. Двумя параллельными западинами-ложбинами, являющимися улицами, отстоящими на 40 м одна от другой и проходящими через всю ширину площадки, она делится на три части — три квартала. Причем крайние части по сравнению со средней более обширные. Это, вероятно, объясняется тем, что с этих частей поселения выход за его пределы возможен был более широкий, т. е. во все стороны, тогда как со средней — в основном на отмеченные улицы.

В результате развеивания во многих пунктах поселения на поверхности четко прослеживаются отдельные глиняные стены, иногда стены целых помещений и даже комплексов, состоявших из помещений, коридоров, узких улочек-проходов, выходивших на главную улицу или на край поселения. Большинство построек представляло собой малые помещения, в плане прямоугольные, близкие к квадрату, со сторонами 4—5 м. Тонкими простенками они делились на две-три комнатки с выходом в коридор, проходящий параллельно помещению, иногда с выходом непосредственно в узкие улочки или улицы. Большинство помещений заполнено зольником.

Поверхность поселения усеяна фрагментами неполивной глиняной и поливной кашиной посуды, кусочками стекла, керамического и медного шлака.

В южной части поселения (рис. 1, II, квартал А) наблюдается большое скопление медных шлаков. Во второй части (квартал В) больше керамических шлаков, а в третьей (квартал С) их почти нет. Внешний осмотр памятника позволил заключить, что в одной части поселения занимались главным образом медным ремеслом, а в другой — керамическим.

Наличие многочисленных кусочков стеклянных сосудов и различных поделок из цветного стекла указывает на возможное и стекольное ремесло. В целом памятник производит впечатление ремесленного посе-

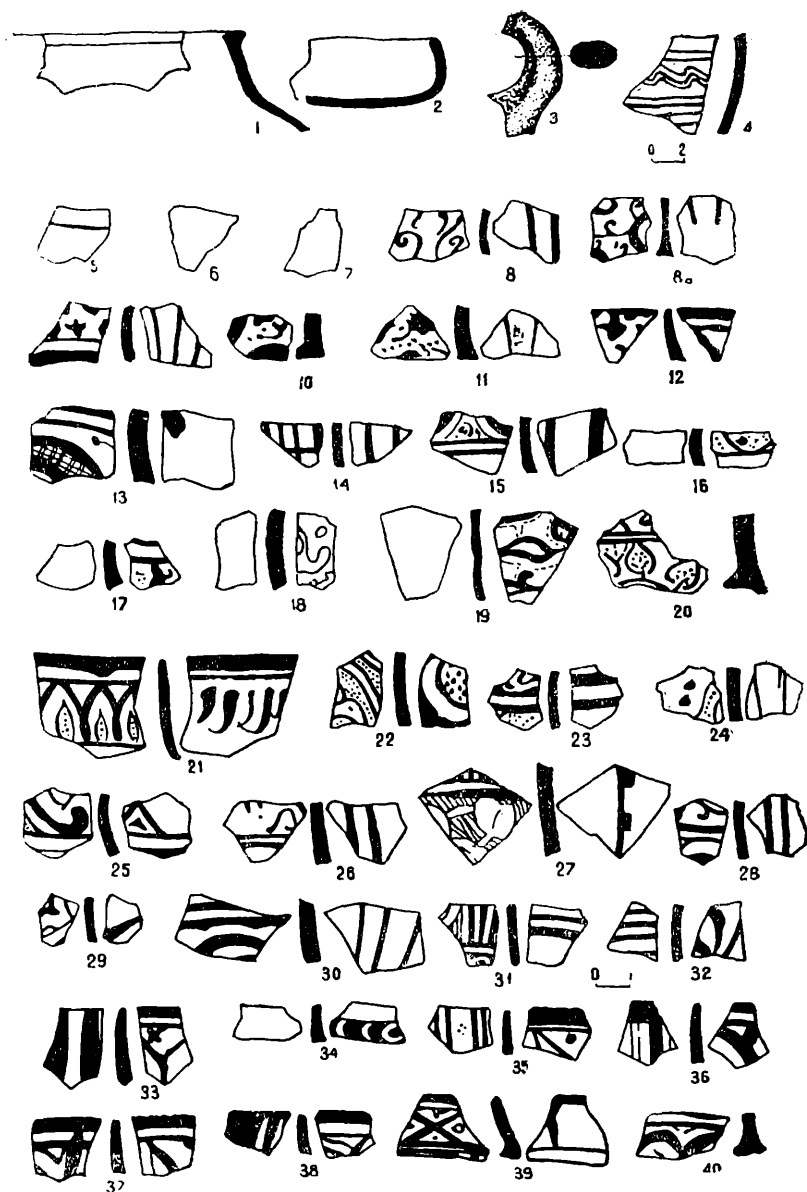
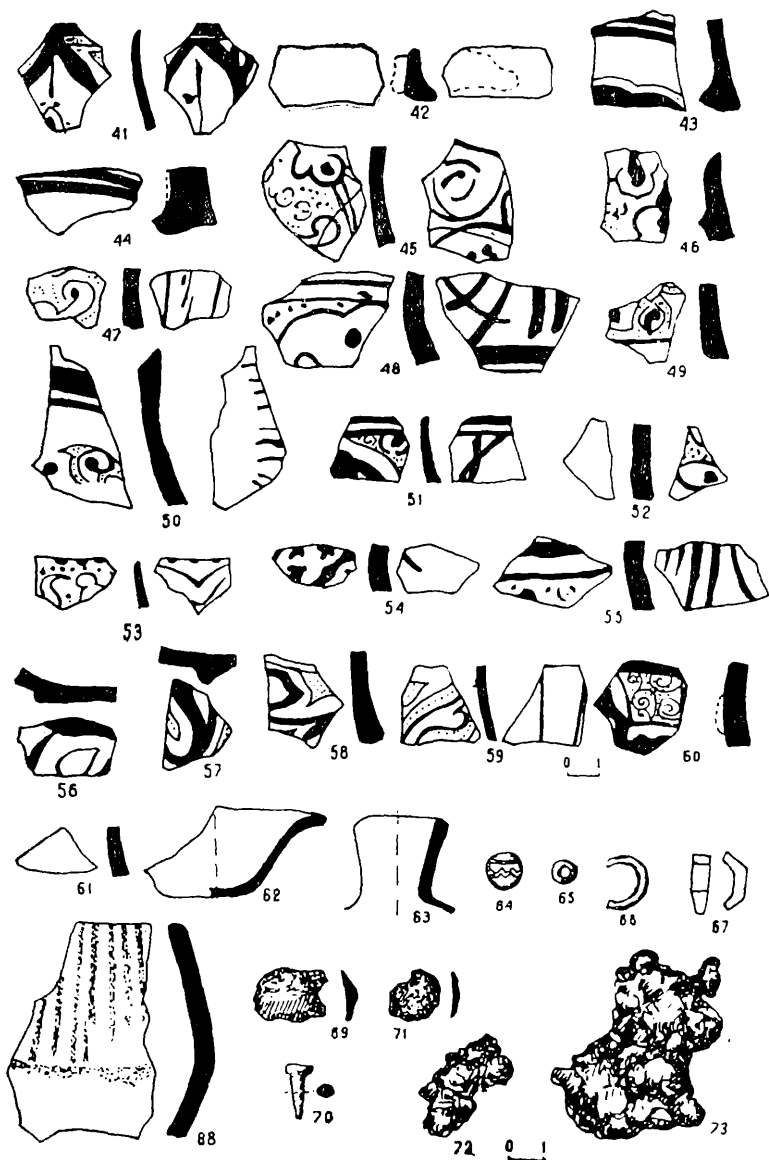

Табл. 1. 1—4 — фрагменты неполивной глиняной посуды; 5 — поливной кашиной посуды; 61—67 — фрагменты стеклянных со бронзовая пластинка; 70 — бронзовый гвоздь; 71 — медная

32 — фрагменты поливной кашиной посуды; 33—60 — фрагменты судов, украшений, поделок; 68 — фрагмент каменного котла; 69 — монета; 72—73 — кусочки керамического и медного шлака.

ления, состоявшего из кварталов керамистов, медников. На нем так же, как и на первом памятнике, был собран подъемный материал, состоящий из фрагментов неполивной глиняной и поливной кашиной посуды. Кроме того, здесь найдены кусочки стеклянных сосудов и украшений, бронзовые поделки, часть каменного котла, керамический и медный шлак и, наконец, несколько медных монет. Вся керамическая посуда сделана на гончарном круге. У большинства неполивных сосудов черепки в изломе ярко-красного цвета, и лишь у одиночных — серого цвета. Из неполивных сосудов здесь имеются фрагменты горшков со сфероидным туловом с несколько выделенной горловиной (табл. 1, 1), сосуд в виде плошки (табл. 1, 2) и отдельные ручки (табл. 1, 3).

На внешней стороне тулова одного из сосудов нанесены прямые и волнистые линии, прочерченные по сырой глине (табл. 1, 4).

Фрагменты поливной посуды очень мелкие. Однако, судя по ним, большинство этих обломков являются частями чаш, очень немногие — блюд и всего 3—4 из них — обломки от горшков, кувшинов или ваз.

Чаши имеют полусферическую, а блюда сегментовидную форму с переходным поддоном от плоского к кольцевой ножке. Кроме донца с внешней стороны, вся остальная поверхность сосудов покрывалась поливой. Одни сосуды с обеих сторон покрывались бирюзовой поливой (табл. 1, 5), а иные — с одной стороны бирюзовой, а с другой — синей поливой (табл. 1, 6). Причем в таком случае бирюзовой поливой покрывалась внутренняя, а синей — только внешняя сторона. Имеются фрагменты от чаш, с обеих сторон покрытых поливой синего цвета (табл. 1, 7). Более многочисленной группой являются сосуды, с обеих сторон покрытые бирюзовой поливой с подглазурной росписью черной краской (табл. 1, 8, 8а, 9—14).

Орнамент на сосудах различных мотивов: в виде завитков, стилизованных побегов (табл. 1, 8, 8а), трехлистников (табл. 1, 9), пятен, точек (табл. 1, 10—12), линий (табл. 1, 13—14) и др. (табл. 1, 15). На их внешней стороне орнамент чаще в виде прямых вертикальных линий, и лишь на немногих он более сложный (табл. 1, 12). Фрагменты сосудов с богато орнаментированной внешней стороной являются частями горшков, кувшинов и ваз (табл. 1, 16—19). В комплексе керамики они составляют очень небольшой процент.

В собранной коллекции самыми многочисленными являются фрагменты посуды, покрытые бесцветной поливой с подглазурной полихромной росписью синей, черной, реже бирюзовой красками (табл. 1, 20—44). На них так же, как и на орнаментированных сосудах, покрытых голубой поливой, орнамент наносился на внутренней и внешней сторонах. Мотивы орнамента разнообразны: в виде поясов из листовидных или сердцевидных изображений (табл. 1, 20), поясов из ароч (табл. 1, 21), неправильных геометрических фигур, заполненных

точками (табл. 1, 22—25), стилизованно-эпиграфических знаков (табл. 1, 26), геометрических фигур, углов, линий, точек и других мотивов. В этой же группе имеются фрагменты, на внутренней стороне которых белой стекловидной пастой нанесен слегка рельефный подглазурный орнамент в виде стилизованных трехлистников, обрамленных черными линиями (табл. 1, 45—60), внутри которых нанесены глазки синей краской. Поле между лепестками заполнено тонкими ажурными завитками, скобообразными линиями (табл. 1, 60) и мелкими точками (табл. 1, 45). У всей этой группы посуды на внешней стороне нанесен подглазурный линейный росписной орнамент, состоящий из черных и синих линий, и лишь на немногих он в виде треугольников, завитков (табл. 1, 45) и стилизованно-эпиграфических изображений (табл. 1, 21).

Из сосудов, сделанных из другого материала, следует отметить фрагмент селадонового сосуда (табл. 1, 61), а также обломки стеклянных сосудов (табл. 1, 62, 63). У одних из них стекло с зеленоватым оттенком, у других оно почти бесцветное. У первых в стекле значительно больше воздушных пузырьков, чем у вторых. Из стеклянных предметов имеется две бусины синего цвета, вероятно, сделанные в подражание лазуриту (табл. 1, 64, 65). Имеются части цветных стеклянных колечек диаметром 2 см желтого, зеленого, синего, бирюзового и темного цветов (табл. 1, 66, 67). Из каменных предметов имеется фрагмент стеатитового котла (табл. 1, 68), а из металлических — бронзовые пластинки (табл. 1, 69), гвозди (табл. 1, 70), медные монеты (табл. 1, 71), а также куски медного и керамического шлака (табл. 1, 72, 73).

Сосуды, с обеих сторон покрытые бирюзовой и синей поливой (табл. 1, 5—7), находят аналогии в посуде памятников XIII—XV вв., находящихся на обширной территории, и прежде всего в материалах Сарайчика¹. По материалу (кашин), цвету и качеству поливы — ярко-голубому и синему — они не уступают лучшим поливным декоративным изразцам архитектурных памятников XIV—XV вв. — мавзолеев Шахи-Зинда, Гур-Эмир, мечети Биби-Ханым (г. Самарканд), изразцам мавзолея Ахмеда Ясеви (г. Туркестан) и др. К этому же времени, т. е. к XIII—XV вв., следует отнести и жизнь описываемых нами памятников.

По тому, что эта группа составляет небольшой процент в собранном комплексе посуды, а также по наличию полных аналогий в материалах отдаленных памятников ее можно было принять за привозную. Однако такую же посуду с высококачественной бирюзовой и синей поливой, примененной для росписи другой группы посуды этого же комп-

¹ Г. И. Пацевич. Раскопки развалин древнего города Сарайчик (по материалам ЗКАЭ, 1950). Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР. Рукопись, инв. № 43, стр. 23, 31; Е. И. Агеева. Керамика Сарайчика. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР. Рукопись, инв. № 55, стр. 3.

лекса, т. е. посуды с подглазурным, слегка рельефным орнаментом и росписью синей и бирюзовой красками, принято считать местной, сарайчиковской. Все это приводит к выводу о местном производстве и этой — первой группы — посуды. Тем более наличие многочисленных поделок из цветного стекла высокого качества и исключительно ярких цветов (бирюзовых, синих и др.), таких же ярких, как и полива сосудов, а также наличие керамических шлаков еще раз убеждают в возможности местного производства и этой группы посуды. В целом посуда с поселения исключительно высокого качества и не уступает посуде таких древних керамических центров, как Хорезм², Самарканд³, Мерв⁴ и др.

В комплексе материала исключение (в смысле неместного изготовления) составляют лишь такие одиночные предметы, как фрагмент селадонного сосуда, каким-то образом проникшего из Китая, а также котел из стеатита, привезенный из Средней Азии или, более вероятно, из Ирана. Эти предметы указывают на существование и отдаленных связей.

Материал с обоих описываемых памятников совершенно одинаковый и указывает на их одновременное существование. В целом он свидетельствует о дальнейшем восходящем развитии культуры. Аналогичная картина прослеживается и на других памятниках этого района, в частности на материалах Сарайчика.

Это позволяет заключить, что хотя в результате монгольского нашествия в основном наблюдался упадок культуры, но он был не повсеместным. В одних районах оно привело к значительному упадку культуры и даже прекращению жизни целого ряда городов, особенно на юге Казахстана и в Средней Азии, в других — лишь на время задержало развитие культуры. В третьих районах наблюдается возникновение новых центров с явными признаками подъема культуры. Таким центром был и район, в котором находятся описываемые памятники. Все это вызвано тем, что в ходе завоевания одни районы подвергались больше, другие меньшему разрушению, но главным образом тем, что в результате перекройки политической и экономической карты изменилась роль бывших политических, ремесленно-торговых и культурных центров.

² Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959, стр. 300—328, стр. 341 и сл.

³ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1964.

⁴ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве в X — начале XIII в. «Труды Южно-Туркменистанской комплексной экспедиции», т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 343—409.

О расцвете городской культуры в Западном Казахстане в указанный период уже писал А. Ю. Якубовский⁵, ссылаясь на Ибн-Батуту, посетившего и описавшего в 1333 г. Сарай-Берке. Некоторые золотоордынские ханы, в частности Узбек-хан (1312—1342 гг.), придавали огромное значение городской жизни. С именем Узбек-хана связаны новые постройки, рост и украшение Сарай-Берке, куда он официально перенес столицу Золотой Орды. В Сарай-Берке по его приказанию были возведены мечети, медресе, мавзолеи, дворцы.

Раскопки Сарайчика в 1937 г., осуществленные экспедицией Западно-Казахстанского отдела Общества изучения Казахстана под руководством Н. Арзютова⁶, а затем в 1950 г. Западно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством А. Х. Маргулана⁷, дали ценный материал. По этому материалу можно судить о жизни, ремеслах, торговых и культурных связях крупного средневекового города эпохи зарождения, расцвета и гибели Золотой Орды. Кстати отметить, что исследуемый памятник находится на берегу Урала, всего в пятидесяти километрах ниже золотоордынской столицы. Поэтому наблюдаемый расцвет культуры как на описываемых памятниках, так и в Сарайчике в целом может быть распространен и на весь район.

В заключение следует отметить, что после монгольского нашествия, особенно после разделения империи, судя по письменным сведениям и полученным археологическим материалам, значительно возросла роль Золотой Орды с центром в Поволжье, превратившимся в торгово-ремесленный и культурный район, где наблюдается определенный расцвет городской культуры.

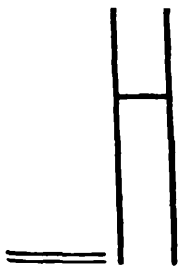
В сумме эти данные позволяют заключить, что Поволжье в XIII—XV вв. являлось одним из развитых торгово-ремесленных и культурных районов Золотой Орды.

⁵ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 91; А. Ю. Якубовский. Феодализм на востоке. Столица Золотой Орды. Сарай-Берке. ГАИМК, 1932, стр. 3.

⁶ Н. Арзютов. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчика. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 2, 1949, стр. 126—135.

⁷ Г. И. Пацевич. Раскопки развалин древнего города Сарайчика (по материалам Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1950 г.). Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР. Рукопись, инв. № 43, стр. 32; Е. И. Агеева. Керамика Сарайчика. Архив отдела ИИАЭ АН КазССР. Рукопись, инв. № 55.

Б. НУРМУХАНБЕТОВ

а территории Казахстана в древности сложились и исторически развились две формы материальной культуры — кочевническая и земледельческая. «Исследование этих культур было в прошлом, есть ныне и будет в грядущем основным направлением развития археологической науки Казахстана»¹.

Такая перспектива развития казахстанской археологии и определила характер полевых работ Семиреченской археологической экспедиции последних двух лет. С 1966 г. начинаются археологические изыскания в Южном Казахстане. Территорией исследования выбраны Отрарский оазис и прилегающие к нему районы. Обследованию подвергались города и поселения оседлых земледельцев и курганные могильники кочевников-скотоводов. Хотя и раньше здесь была проделана зна-

¹ К. А. Акишев. Археология в Казахстане за советский период. СА, 1967, 4, стр. 62—78.

чительная работа по выявлению и изучению остатков этих типов археологических памятников², результаты новых исследований были весьма плодотворными³.

В 1967 г. здесь были продолжены изыскания по двум основным направлениям: а) археолого-поисковая группа проводила историко-топографические работы в связи с подготовкой раскопок городища древнего Отрара и памятников Отрарского оазиса⁴; б) стационарная группа начала раскопки Борижарского могильника⁵.

Археологические раскопки на могильнике, получившем в то время название Бурджарского, проводились и раньше.

Первый раскоп здесь заложило одно из первых дореволюционных научных обществ в Средней Азии — Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА). В 1893 г. руководитель кружка Н. П. Остроумов раскопал несколько небольших курганов. В них были в основном парные (встречались и по четыре) погребения. Погребенные лежали головой на северо-восток. «Все скелеты лежали в огороженном сырцовым кирпичом четырехугольнике, засыпанном со всех сторон глиной»⁶.

В советское время, спустя более чем полвека после раскопок Н. П. Остроумова, на могильник обратил внимание А. Н. Бернштам. Южно-Казахстанской археологической экспедицией (ЮКАЭ) в полевой сезон 1949—1951 гг. раскопано всего 15 курганов. В них обнаружены остатки захоронений с трупоположением в особых оградках, аналогичных раскопанным Н. П. Остроумовым. Вещевой инвентарь при погребенных представлен сосудами из обожженной глины, предметами быта и вооружения. Полученные материалы датированы VIII—X вв. нашей эры⁷.

После этого, вплоть до наших раскопок в 1967 г. (в течение 16 лет), могильник оставался никем не потревоженным.

Примечательно для всех предыдущих раскопок то, что в разное время научная ценность памятника представлялась по-разному. Например, интерес к могильнику со стороны ТКЛА возник совершенно

² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. V, 1958, стр. 3—215.

³ К. А. Акишев. Исследования в Казахстане. В сб.: «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 291—300.

⁴ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в археологии Южного Казахстана (см. настоящий сборник).

⁵ В работах отряда принимали участие: сотрудник отдела археологии В. И. Садомсков, художник Е. Яшнев, фотограф Э. Галиев и студенты исторического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова (в качестве рабочих).

⁶ Н. П. Остроумов. Археологическая поездка в с. Мамаевку, Чимкентского уезда. Протоколы ТКЛА, год IV, 1899, стр. 125—126.

⁷ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. «Тр. ИИАЭ КазССР», т. I, 1956, стр. 33—60.

случайно — в связи с находкой клада монет на сторожевой башне Караул-тобе, находящейся в юго-восточной черте могильника⁸.

Начало подлинно научного исследования могильника положила Южно-Казахстанская археологическая экспедиция (ЮКАЭ). Принципиально отличным был и ее научный подход, выраженный в комплексном изучении курганов Борижары и развалин городища Жуан-тобе. Именно этим моментом своей работы ЮКАЭ обязана последующему выводу о тесной взаимосвязи города со степью⁹.

* * *

Выбор отряда на Борижары пал не случайно. Географическое и историческое положение района расположения могильника характеризуется контактной зоной двух культур — оседло-земледельческой и кочевой. Поэтому трудно переоценить роль могильника в решении основной проблемы — вопроса этногенеза казахского народа. Расположение в непосредственной близости к развалинам оседлых поселений, сходство погребального инвентаря с остатками материальной культуры из городищ, обширность занимаемой площади, насчитывающей несколько сот курганных насыпей, — выгодные, нигде больше не встречающиеся черты могильника. Эти качества характеризуют научную значимость памятника и предполагают перспективность его исследования.

Могильник занимает склоны и часть левого берега р. Арысь протяженностью 8 км. Ширина занимаемой площади местами достигает 1 км. Северо-восточной границей могильника следует считать известную сторожевую башню Караул-тобе, возвышающуюся в 2 км южнее Арысь, напротив современного поселка Ермоловка. Далее могильник протягивается на юго-запад и, не прерываясь нигде, доходит до устья р. Бадам, напротив с. Обручевка. Местность в черте могильника изрезана многочисленными разветвленными оврагами. Верхняя терраса от бассейна реки отделяется рядом крутых обрывов. Такое очертание береговой линии обусловило наименование этой местности — Борижары (по-казахски — волчий яр). Особенности рельефа сказались и на топографическом размещении могильника. Очевидно, поэтому в расположении насыпей определенной системы не придерживались. Места для отдельных курганов выбирались возвышенные. Делалось это, как выяснилось в ходе раскопок, во избежание разрушения погребальных построек паводками.

Все курганы могильника земляные. Расположены они весьма скудно. Отдельные курганные группы отстоят друг от друга на 40—

⁸ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 3—215.

⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах...

50 м, расстояние между курганами не превышает 3—5 м. Насыпи курганов вытянутой, полуяйцевидной формы. Один из скатов вытянутых сторон всегда положе остальных. Пологие скаты в большинстве случаев обращены на юг, реже на юго-запад, и лишь иногда — на запад. Вершины курганов круглые или плоские, изредка с заплывшими воронками.

В полевой сезон 1967 г. из разных точек огромного могильника выбран и раскопан 41 курган.

В двух точках, расположенных на верхней террасе реки, исследовано всего восемь курганов, в двух из которых оказались основательно потревоженными остатки труположения. К тому же сопровождающий погребальный инвентарь в них отсутствует. Разрушены и могильные сооружения. Только по тому, что кости скелетов найдены ниже уровня дневной поверхности, можно предполагать, что погребения совершались в грунтовых могильных ямах. Интересно, что в курганах, расположенных на гребне террасы, исследованных в прошлом ЮКАЭ, также не было обнаружено никаких следов захоронений. Исследователи считают их поминальными курганами (кенотафами) ¹⁰.

В третьей точке, расположенной на склоне, раскопаны 33 кургана. Здесь получен весьма интересный, ценный и сравнительно богатый археологический материал.

Курган 5 ¹¹ имеет земляную насыпь полуяйцевидной вытянутой в меридиональном направлении формы. Длина с севера на юг 10,5 м, с запада на восток — 9 м. Высота 90 см. Площадь заложенного раскопа полностью охватывала насыпь кургана. На насыпи по мере углубления встречаются кости скелета. На глубине 1 м от вершины кургана в центральной части раскопа обнаружилась четырехугольной формы площадка. Она состояла из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Толщина слоя площадки 5—10 см. На ней стоял глиняный сосуд с небольшой посаженной на тулове петлеобразной ручкой и коротким круглым носиком.

Курган 17. Диаметры его с севера на юг 10,5 м, с запада на восток — 9 м, высота 84 см. На глубине 1,3 м открылась подстилка с круглым очертанием. Расположена она ближе к северной бровке раскопа. Кости скелета разбросаны по всей площадке подстилки. На самой северной окраине подстилки стоял небольшой плоскодонный глиняный сосуд со следами налепной ручки. К юго-западу от сосуда лежал гладкий бронзовый браслет. Тут же — ожерелье из бус, нанизанных на ниточку. По сохранившимся костям судить о положении скелета не представляется возможным.

¹⁰ Там же.

¹¹ Иллюстрации к статье выполнили: чертежи и рисунки — П. Сон, фотографии — О. В. Медведев.

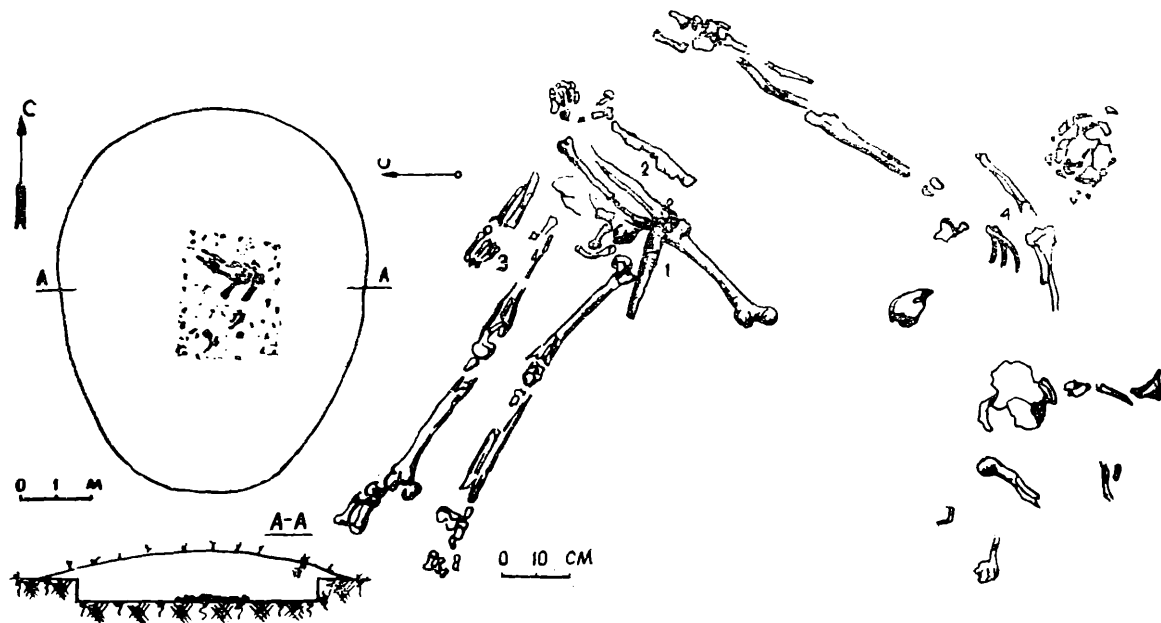

Рис. 1. Могильник Борижарский. Курган 21. План раскопа. Разрез. Положения погребенных.

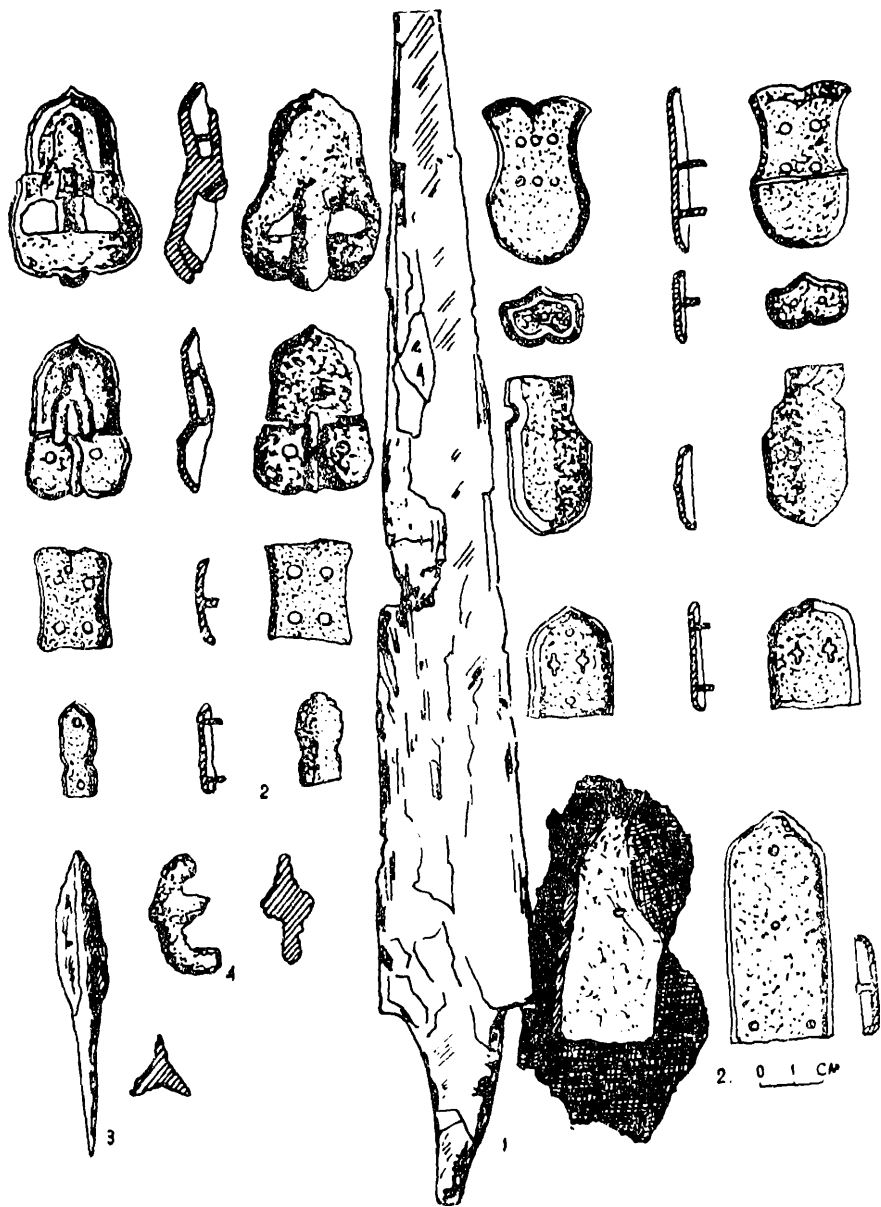

Табл. I. Могильник Борижарский. Курган 21, инвентарь.

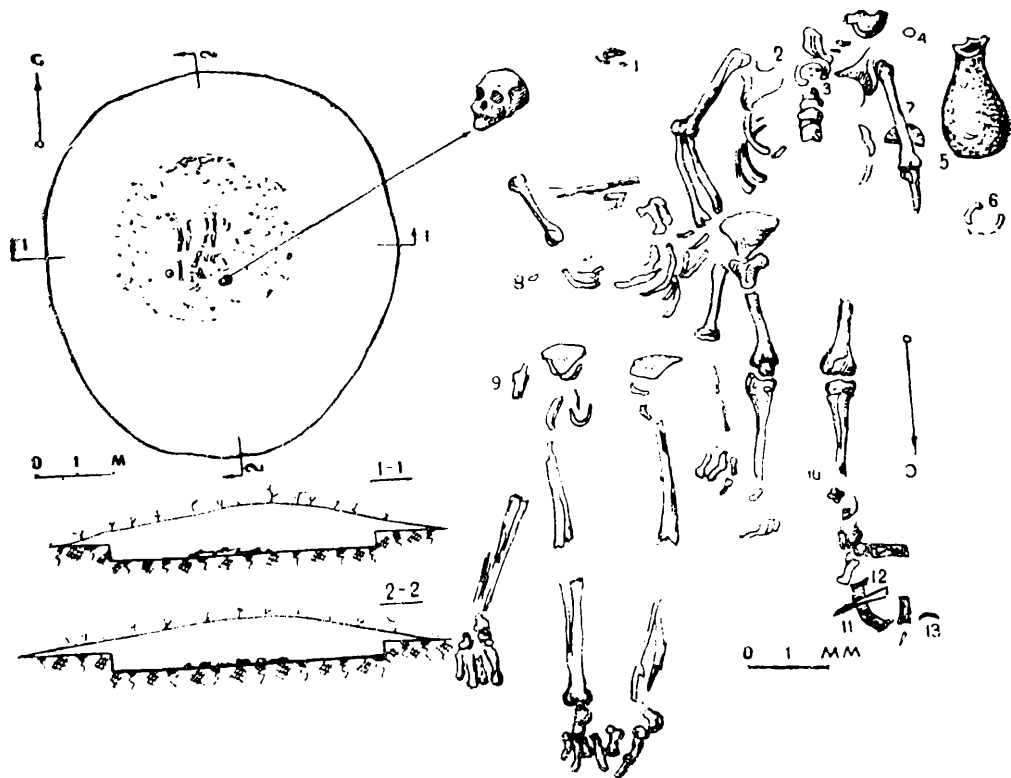

Рис. 2. Могильник Борижарский. Курган 6. План раскопа. Разрезы. Положение погребенных.

Курган 21 (рис. 1). Диаметры 11 и 9 м, высота 64 см. Раскоп заложен на снос всей курганной насыпи. Обнаружено парное погребение. Частично разрозненные кости обоих скелетов лежали на аналогичной описанной выше подстилке. Подстилка находилась также на уровне горизонта в центральной части могильника. Отличается она лишь своим очертанием четырехугольной формы.

Погребенные положены под прямым углом друг к другу. Один скелет лежал в вытянутом положении на спине. Головой он ориентирован на юго-восток. От него сохранились нетронутыми все части, начиная от крестцовых позвонков до кистей стопы (рис. 1). В области поясничных позвонков найден набор бронзовых прокладок, пряжек и подвесок от пояса (табл. I, 2). У левого предплечья, касаясь кончиком рукояти пояса, лежал железный кинжал (рис. 1, I и табл. I, I).

Железный же трехлопастный черешковый наконечник стрелы найден под костями кисти правой руки (табл. I, 3).

Другой скелет оказался потревоженным полностью. Но по расположению костей можно судить, что скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Инвентарь погребения представлен лишь одной частью железной пряжки (табл. I, 4) и мелкими фрагментами глиняного сосуда.

Курган 6 (рис. 2) имеет земляную насыпь полуяйцевидной формы. Вершина плоская. На поверхности насыпи повреждений нет. Скатy кургана пологие и сильно оплывшие. Диаметры с севера на юг 10,6 м, с запада на восток — 9 м, высота — 83 см. Раскоп заложен по овалыному плану курганной насыпи. На глубине 1,2 м от вершины кургана обнаружено тройное погребение. Сравнительно хорошо сохранились и лежали в анатомическом порядке кости западного и центрального скелетов. Они расположены рядом в вытянутом положении на спине. Ориентированы головами на юг. От третьего скелета остались на месте голень и кости стопы лишь одной (левой) ноги погребенного. Судя по ним, третий скелет располагался рядом и восточнее центрального. Курган оказался ограбленным, а скелеты погребенных — потревоженными. До нас дошла лишь незначительная доля вещей, сопровождающих центральное погребение и почти полный набор западного (табл. II). Все захоронения и сопровождающий их инвентарь положены на специальную подстилку из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Она имеет круглое очертание и вписывается в план курганной насыпи. Уровень ее немногим ниже уровня горизонта. Толщина слоя площадки 5—10 см.

Курган 27. Диаметры 9 и 10,5 м, высота 1,16 м. Раскопки проводились на снос всей курганной насыпи. Здесь установлен несколько иной обряд погребения. Захоронение в нем совершено не на простой подстилке, как это было в описанных выше курганах, а внутри наземной постройки. Сооружение это представляет собой прямоугольной формы, близкой к квадрату, оградку. Стенки оградки сложены из пахсы. Поставлены они на уровне материковой поверхности. В обнаруженной оградке отсутствовала западная стенка. Оказалось, что она разрушена грабителями. Именно здесь, по всей вероятности, находился входной пролом. Размеры оградки небольшие: длина стенок 2,5 м (южной и северной) и 3 м (восточной), ширина 60 см, высота 40 см. Площадь погребальной камеры 3,6 м². Внутри погребальной камеры, по всем признакам, было парное погребение. Скелеты лежали по всей площади погребальной камеры. С большей уверенностью можно судить о положении погребенной у южной стенки. Судя по находкам при ней, здесь захоронена девочка. Она лежала в вытянутом положении, головой на запад.

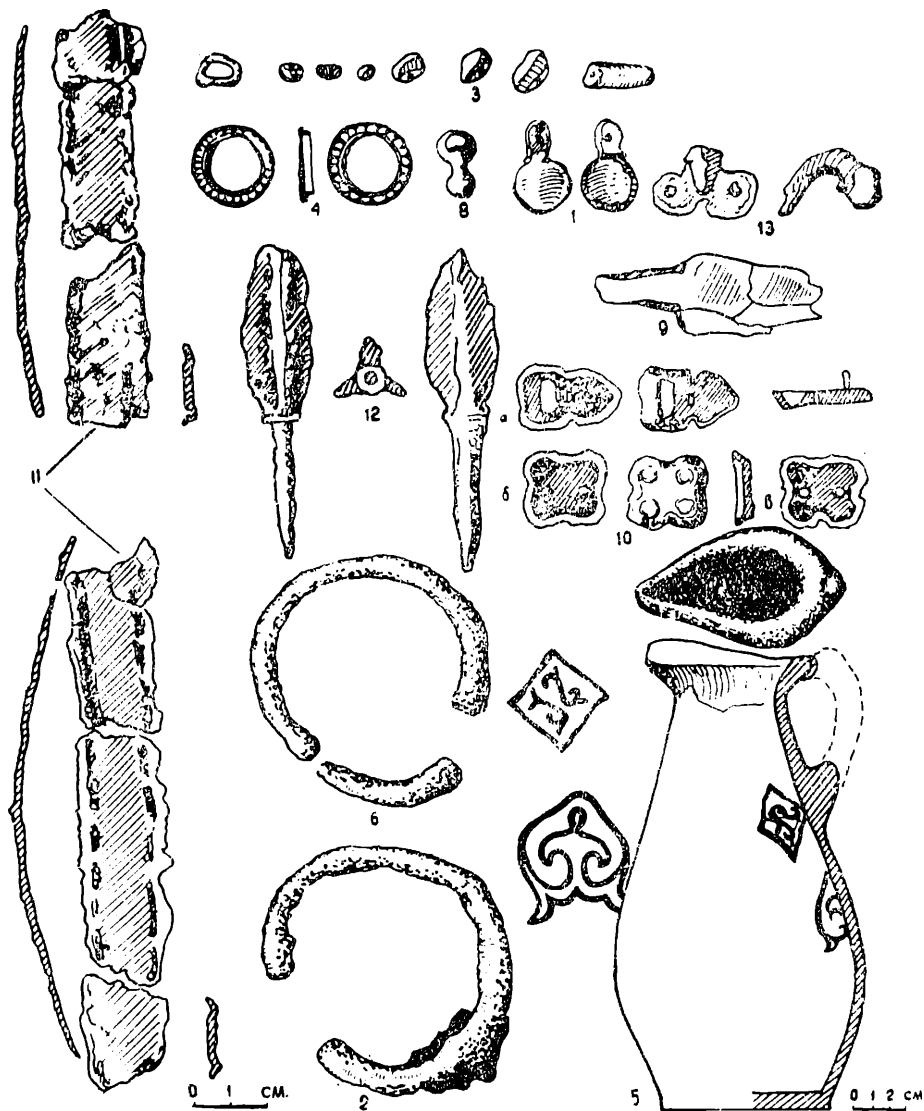

Табл. II. Могильник Борижарский. Курбан 21, инвентарь.

Пол внутри камеры, на котором располагались погребенные и сопровождающий их инвентарь, состоял из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Описанная ограда во всем походит на современные казахские семейные кладбищенские ограды — тамы.

Курган 29 (рис. 3). Диаметры с севера на юг 14 м, с запада на восток — 12 м, высота 1,5 м. Сразу же после снятия 30 см грунта от вершины кургана появились пахсовые стены. Дальнейшая работа проводилась по линии расчистки намеченной стены. Она привела к открытию специального надземного погребального сооружения. План постройки характеризуется сложной двуплановой (трапецевидной и четырехугольной) формой. Состоит из двух частей — входного коридорообразного сооружения и четырехугольной, близкой к квадрату погребальной камеры. Погребальная камера углами ориентирована по направлению С—Ю. Вход, которой ведет внутрь камеры, приходится по центру юго-западной стены. Длина коридора 1,4 м, ширина 70 см, высота 40 см. Площадь погребальной камеры 5,98 м². Часть внутренней площадки погребальной камеры вдоль ее северо-восточной стены несколько приподнята. Ширина этой своеобразной скамьи — суфы — 1 м, высота 20 см. Терраса эта, по-видимому, предназначалась для трупоположения. Само сооружение построено на нетолстом слое из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Внутренние поверхности стен постройки отвесные и ровные, тогда как внешние неровные и с небольшим наклоном. Задняя стена несколько выше передней. В результате этого продольные стены сооружения образуют небольшой скат по направлению к входу. Интересно, что вход в камеру был прикрыт специально изготовленной и хорошо подогнанной керамической плитой. Кости скелета сказались сложенными в кучу на центральной части пола погребальной камеры. Кроме одного глиняного сосуда, аналогичного найденному в кургане 5, при погребенном ничего не обнаружено.

Бросается в глаза сходство плана описанного сооружения с современными казахскими мазарами (кумбезы).

Курган 33. Диаметры 16,5 и 15 м, высота 1,8 м. Обнаружена несколько иная по некоторым признакам погребальная постройка. План данного сооружения характеризуется грушевидной по внешним очертаниям формой. Стены построены из пахсы. Поставлены они на площадке из битой глины с примесью мелкой речной гальки. В середине массивного сооружения находится прямоугольная погребальная камера. Площадь камеры 7,9 м². Камера ориентирована углами по направлению С — Ю. Внутрь погребальной камеры ведет длинный коридорообразный вход. Входной проем приходится строго по центру юго-западной стены. Длина входного коридора 2,6 м, ширина 80 см, высота 1,4 м. Внутренние поверхности стенок сооружения отвесные и ровные, наружные шероховаты и имеют небольшую выпуклость с наклоном.

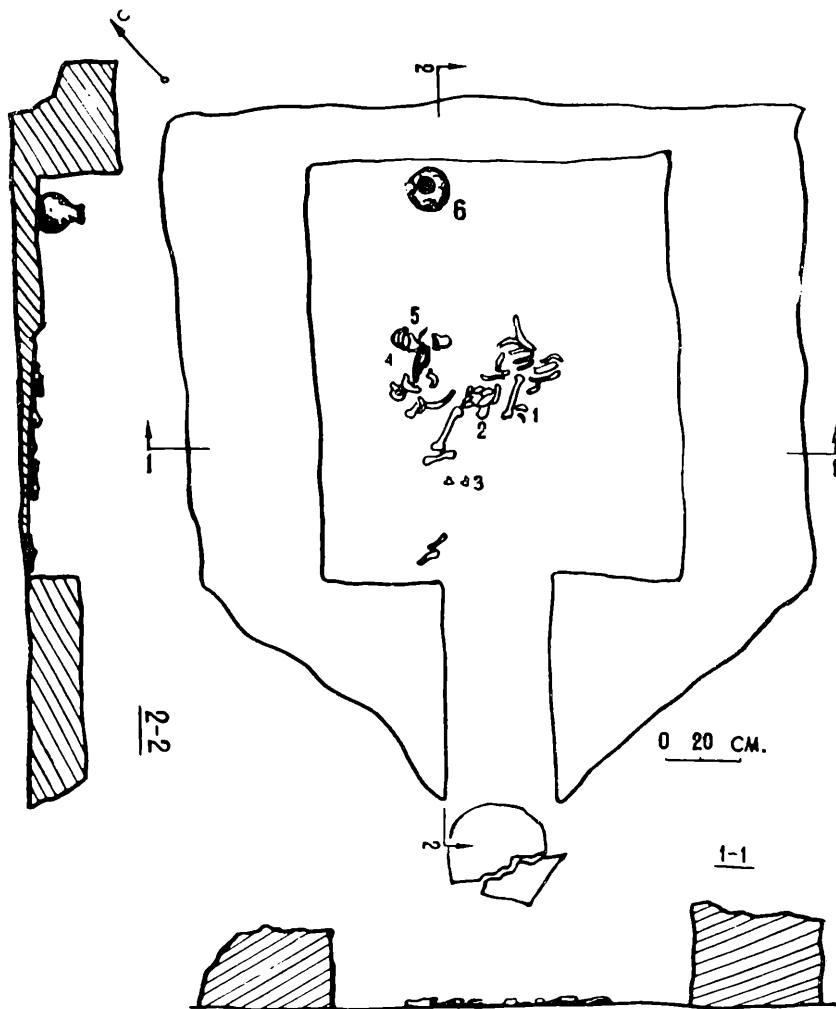

Рис. 3. Могильник Борижарский. Курган 29. План и разрезы надземной погребальной постройки из паксы.

Толщина стенок по низу доходит до 1,5 м, по верху — 70 см, высота — 1,4 м. На полу внутри погребальной камеры вдоль северо-западной продольной стены разбросаны кости скелета. К сожалению, курган на-чисто ограблен.

* * *

Общее для всех вскрытых курганов то, что захоронения в них совершены не в обычных могильных ямах, а на специально приготовленных для этих целей могильных площадках. Такие оригинальные в своем роде площадки устраивались на уровне или немногим ниже уровня горизонта. Делались они всегда из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Толщина слоя площадок от 5 до 10 см. Внешние очертания их рисуются в самых различных (круглых, овальных, прямоугольных) линиях.

Вместе с тем в обрядах погребений прослеживаются и отличные в деталях разновидности. Выражаются они в следующем: могильные площадки открыты со всех сторон (курганы 5, 6, 17, 21); могильные площадки огорожены четырехугольными, близкими к квадрату оградками из пахсы (курган 27); на могильных площадках построены архитектурные надземные погребальные сооружения (курганы 29 и 33).

Говорить что-либо по этому поводу (даже в порядке предположения) при современном состоянии изученности могильника непозволительно. Однако ясно, что различия между ними нельзя связывать с этнической принадлежностью погребенных.

Конструкция курганов с открытыми могильными площадками и оградками одинакова. После свершения обряда погребения могильная площадка или оградка засыпались землей и над ними возводились курганы. Оградки обычно небольших размеров. Длина стенок 1,6—1,80 м, ширина 50—60 см, высота 30—40 см. Курганные насыпи над ними также невелики, диаметры 9—11 м, высота немногим больше одного метра.

Надземные погребальные сооружения сложнее и довольно больших размеров. Общая длина построек достигает 5,8 м при ширине 4 м. Сооружены они над толщей курганных насыпей, холмы диаметрами 12—16,5 м и высотой от 1,5 до 2 м. Конструкция таких холмов не так проста, как это было в курганах, возведенных над оградками или могильными площадками. Интересно отметить в связи с этим, что входной коридор одной из таких построек был прикрыт специально изготовленной и хорошо подогнанной к очертаниям входа керамической плитой. Около входного коридора другого сооружения найден обломок объемистого глиняного сосуда, прикрывшего, видимо, вход в погребаль-

ную камеру. Хотя перекрытия камер не сохранились, можно предполагать, что постройки эти были открытыми надмогильными сооружениями типа наусов. Холм образовался позднее вследствие разрушения стен сооружения. Облик Борижарских погребальных построек походит и на казахские мазары, стоящие по сей день в степных районах Казахстана.

Полученные разнообразные материалы характеризуют могильник как уникальный памятник раннего средневековья. Они дают ценные сведения к проблеме этногенеза казахов, которая «еще ждет новых, глубоких исследований, и многие вопросы еще не ясны»¹².

Особый интерес при этом представляет сероглиняный кувшин с орнаментальными узорами на поверхности (табл. II, 5). Известно, что «орнаментика является прекрасным материалом для выяснения происхождения или культурных взаимоотношений, этнических групп»¹³. За этой, пока что единственной, находкой, нужно полагать, в будущем последуют и другие.

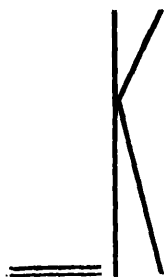
Если учесть слабую изученность погребальной обрядности ранне-средневекового Казахстана, то становится очевидным научное значение наших данных и по архитектуре надземных погребальных сооружений этого времени.

Наш материал фрагментарен и отражает лишь некоторые важные стороны погребальной обрядности племен, оставивших могильник. Дальнейшие работы на Борижарах должны дополнить эти пробелы.

¹² С. Н. Покровский, А. Н. Нусупбеков, Г. Ф. Дахшлейгер. Развитие исторической науки в Казахстане. В кн.: «Октябрь и наука Казахстана». Алма-Ата, 1967, стр. 490.

¹³ Е. Р. Шнейдер. Казахская орнаментика. В сб.: «Казаки». Л., 1927, стр. 135.

А. М. ОРАЗБАЕВ

урган «с усами» как особый тип памятников, распространенных в основном на территории Центрального Казахстана, давно привлекал внимание исследователей оригинальностью своей конструкции. Изучение этих памятников ныне имеет хотя непродолжительную, но уже свою историю.

Еще в 1932 г., подводя итог работы экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в Карагандинскую область, ее руководитель П. С. Рыков писал: «Карагандинская область ...до последнего времени была совершенно неведомой в археологическом отношении... Совершенно малоизвестен и пока остается неразгаданной тайной такой тип сооружений, как курганы с примыкающими к ним каменными дугами»¹. Экспедицией был обнаружен ряд таких курга-

¹ «Археологические работы Академии на новостройках в 1931—1933 гг.», «Известия ГАИМК», вып. 110. М. — Л., 1935, стр. 40—68.

нов, которые в настоящее время принято называть курганами «с усами». Заботясь о сохранении уникальных археологических памятников, П. С. Рыков писал: «Потребность в строительных материалах (камне) здесь очень велика, а возможность использования каменных древних могильных сооружений необыкновенно легка. Это обстоятельство угрожает уже наиболее крупным объектам, вроде курганов с каменными дугами... Между тем именно эти памятники — пока единственные в своем роде — особенно нуждаются в исследовании»².

Можно сказать, что приоритет открытия курганов «с усами» принадлежит Л. Ф. Семенову, который в 1927 г., проводя обследование древних памятников Асанкайгинского района Акмолинского округа (ныне Карагандинская область, Жанааркинский район), в урочище Сымтас, у села Каратал, вблизи сопки «Ескеней» и у озера Аккуль, обнаружил каменные курганы, от которых в восточном направлении были выложены дугообразные каменные дорожки³.

Крупные ученые исследовали ранее и ныне изучают курганы «с усами»⁴. Систематические же раскопки их ведутся лишь в последнее десятилетие⁵. Однако никто до нас не пытался изучать курганы «с усами» с целью реконструкции их первоначального вида как архитектурного комплекса.

В 1961 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция проводила исследование памятников, относящихся к эпохе бронзы и раннего железа в урочище Джанайдар⁶.

² Там же, стр. 67—68.

³ Л. Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. «Вестник Центрального музея Казахстана», № 1. Алма-Ата, 1930, стр. 79—81.

⁴ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 5; П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, № 1, М.—Л., 1936, стр. 115; И. В. Свинцын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, Х. М.—Л., 1948, стр. 158; Л. Ф. Семенов. Наша область (материалы к истории Карагандинской области). Караганда, 1946. Архив ИИАЭ АН КазССР, инв. № 22; П. С. Рыков. Археологические работы Академии наук на новостройках в 1932—1933 гг., стр. 40—68; А. А. Козырев. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. «Известия археологической комиссии», 1905, вып. XVI.

⁵ А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года. «Изв. АН КазССР», № 67, вып. 2, 1949, стр. 3—31; М. К. Кадырбаев. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. «Изв. АН КазССР, серия истор., археол. и этногр.», вып. 1 (6), 1958, стр. 101—103; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

⁶ Начальник экспедиции академик АН КазССР А. Х. Маргулан, начальник отряда кандидат исторических наук А. М. Оразбаев, художник К. А. Власов, фотограф О. М. Грязнов и студенты исторического факультета Казахского государственного университета.

Могильник Джанайдар находится в 300—350 м на юг от зимовки под одноименным названием (в настоящее время зимовка совхоза «Кара-Кенгир») у подножия небольших холмиков, в 10—12 км на восток от р. Кара-Кенгир, в Улутауском районе Карагандинской области. Северо-западнее зимовки находится казахское кладбище, сооруженное из плиточных камней. Юго-восточнее кладбища в небольшой долине, ограниченной с северо-востока и юго-запада цепочкой невысоких холмиков, на правом берегу пересыхающей речушки, очевидно, когда-то полноводной и впадавшей в р. Кара-Кенгир, обнаружены 58 оград, относящихся к бронзовому веку, и два кургана «с усами». Первый курган находится на восточной окраине могильника Джанайдар, а второй — в 200 м южнее первого. В могильнике исследованы три ограды эпохи бронзы⁷ и курган «с усами».

Курган № 1 (рис. 1) имеет оплывшую каменную насыпь диаметром 8 м, высотой 60 см. От него в восточном направлении отходят две каменные дорожки, «усы». Длина южного «уса» 102 м, северного — 95 м, средняя ширина дорожки 1,7 м. Концы «усов» заканчиваются круглыми завалами из камней в виде небольших курганов. Диаметры завалов южного «уса»: западного — 6,5 м, восточного — 7 м; северного «уса»: западного — 5,8 м, восточного — 8,2 м. Высота завалов около 50 см. Расстояние от кургана до западных завалов южного и северного «усов» равно соответственно 11 м, 75 см и 14 м. Расстояние между восточными концами «усов» 66 м, 25 см. При раскопке кургана под насыпью, в восточной части, недалеко от его подошвы, найдены обломки глиняного сосуда без орнамента. В центральной части кургана, на уровне древнего горизонта, стоял раздавленный сосуд. Глиняный сосуд имеет форму горшка. Тулово сосуда немного сужается ко дну. Венчик его слегка загнут внутрь, дно плоское. Западнее первого сосуда обнаружены остатки второго плоскодонного сосуда. Форму его установить не удалось. Первый сосуд по форме близок глиняным сосудам из могильника Сангуыр II (курганы № 1 и 2)⁸. На глубине 65 см от поверхности кургана, недалеко от второго сосуда, лежали зубы лошади, вблизи их обнаружены бронзовая пуговицевидная бляшка и уплощенная бронзовая пронизка с четырьмя овальными отверстиями для перекрестия ремней конского снаряжения (рис. 2). Такие пуговицевидные бляшки и пронизки с четырьмя отверстиями найдены в могильнике Тасмола (курган 19)⁹. Под насыпью кургана при тщательной зачистке и углублении раскопа в материк на 30 см могильная яма не обнаружена.

⁷ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура племен Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

⁸ М. К. Кадырбаев. Могильник Сангуыр II. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 12, 1961, стр. 49, рис. 2, стр. 56, рис. 6.

⁹ Его же. Новые материалы..., стр. 76, табл. II, рис. 8, 15, 16, 18.

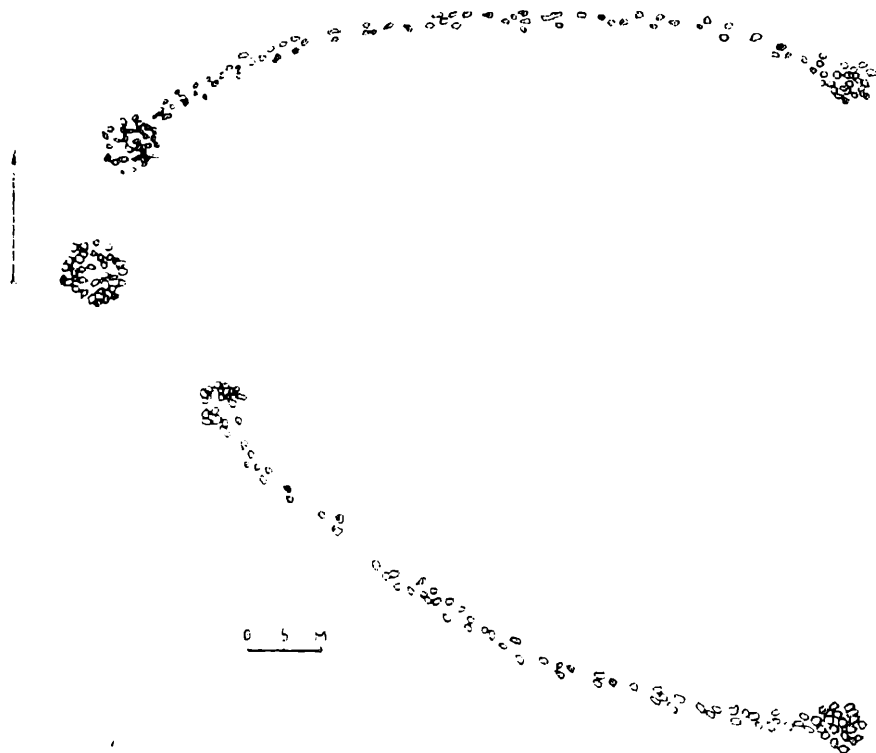

Рис. 1. Могильник Джанайдар. План кургана «с усами».

Находки в кургане определенного набора предметов, характерных для памятников этого типа, — обломки глиняного сосуда, лошадиные зубы, имитирующие захоронение коня, плоскодонные сосуды горшковой формы, один из которых напоминает горшки эпохи бронзы (рис. 3), пуговицевидные бляшки и две бронзовые пронизки с четырьмя овальными отверстиями, аналогии которым имеются в более ранних памятниках этого времени в могильниках Тасмола I¹⁰ и V¹¹, — позволяют джанайдарский курган датировать VII—V вв. до н. э. В классификационной таблице памятников тасмолинской культуры пуговицевидные бронзовые бляшки и пронизки с четырьмя овальными

¹⁰ А. Х. Маргулан и др. Указ. раб., стр. 317, рис. 8—4, 5.

¹¹ Там же, стр. 323, рис. 15—1, 2.

отверстиями, аналогичные джанайдарским, М. К. Кадырбаевым также отнесены к раннему периоду эпохи ранних кочевников и датированы VII—VI вв. до н. э.¹²

Подробнее остановимся на особенности конструкции джанайдарского кургана.

По раскопкам предыдущих лет и работам исследователей этого вида памят-

ников в Казахстане, особенно по исследованиям А. Х. Маргулана и М. К. Кадырбаева, известно, что так называемый курган «с усами» состоит из трех составных частей: основного курга-

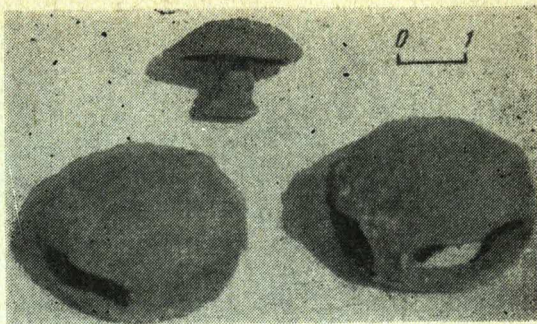

Рис. 2. Могильник Джанаидар. Пуговицевидная бляшка и пронизки из кургана «с усами».

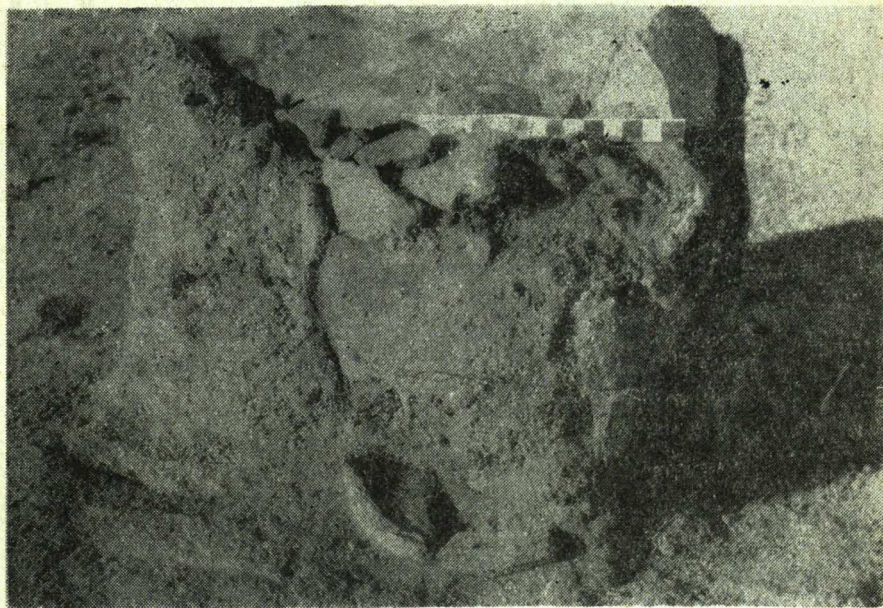

Рис. 3. Могильник Джанаидар. Глиняный сосуд из кургана «с усами».

¹² Там же, рис. 66—33, 49.

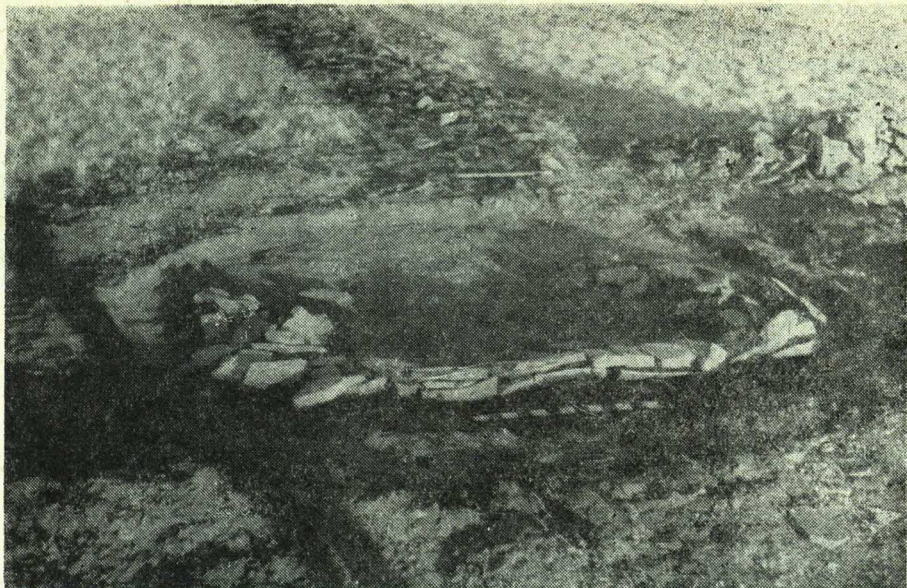

Рис. 4. Могильник Джанайдар. Общий вид раскопа западной выкладки правого «уса» и кладка.

на, где под насыпью имеется могильная яма, в которой находится скелет погребенного человека с сопровождающим инвентарем; малого кургана с конским захоронением, где в восточной части кургана, под насыпью, недалеко от подошвы кургана, как правило, находятся обломки глиняного сосуда; и, наконец, каменных гряд — «усов», отходящих от малого кургана в восточном направлении.

В могильнике Джанайдар основного кургана не было. Мы исследовали так называемый малый курган. Правда, на расстоянии 140 м на северо-запад от раскопанного кургана находился курган диаметром около 10 м, высотой 1,5 м. Насыпь — земля с камнем. Можно было бы предположить, что основным является этот курган, но он слишком далеко отстоит от всего комплекса сооружений.

При раскопке концевых круглых сооружений курганного типа нам удалось обнаружить, что концевые завалы «усов» не просто набросок камней, а представляют собой определенные сооружения, выложенные из плиточных камней в форме неправильного круга (рис. 4). Толщина стен сооружения 50—60 см. По нашим наблюдениям, стены

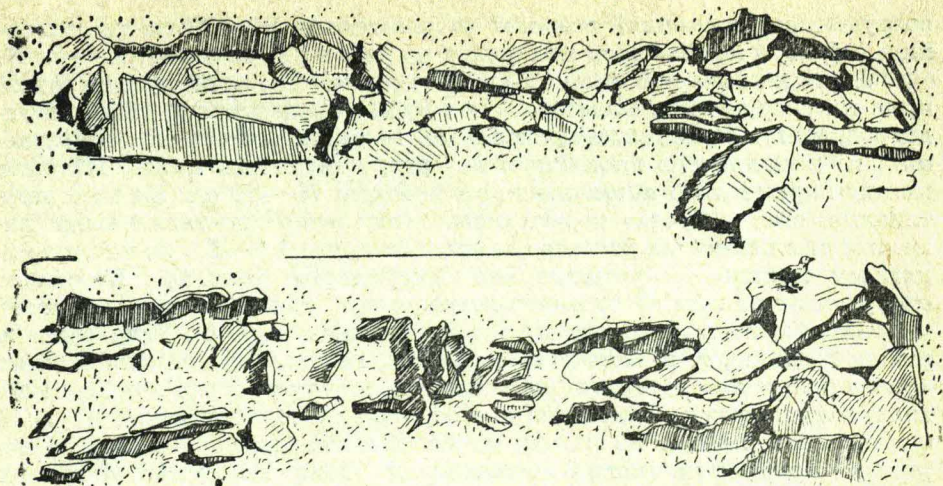

Рис. 5. Могильник Джанайдар. Детали «в усах» кургана (южный «ус»).

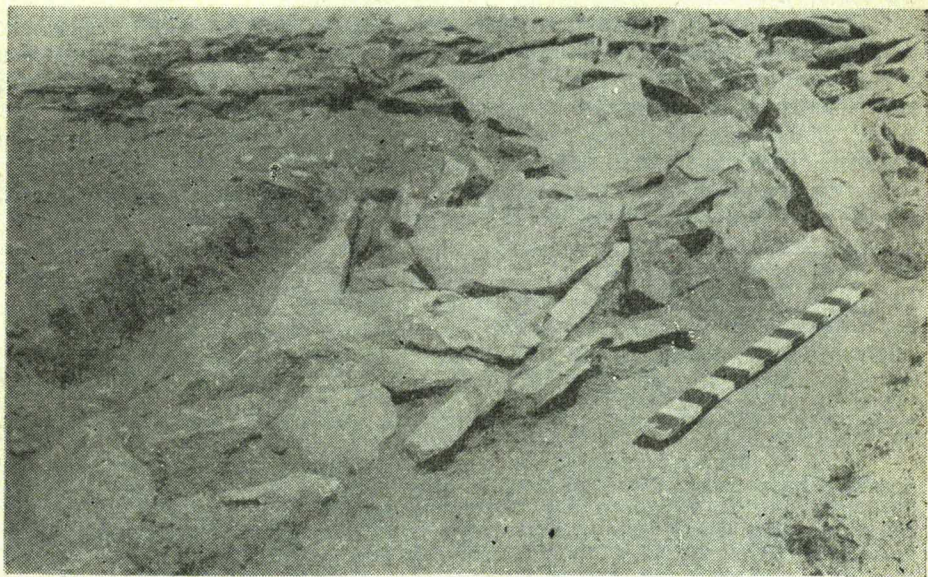

Рис. 6. Могильник Джанайдар. Вид восточной выкладки завала и «коридора» правого «уса».

сооружения с восточной стороны на расстоянии 80—90 см не смыкались, образуя как бы вход или выход из него в так называемые «усы».

Нами на всем протяжении «усов» прослежены конструкция и техника их сооружения. Оказалось, что «усы» представляют собой коридорообразные строения, проложенные, начиная с концевых сооружений, из параллельно вкопанных на ребро каменных плит. Ширина между параллельно поставленными плитами 70—80 см. На всем протяжении стенки «усов» перегорожены поперечно поставленными каменными плитами на расстоянии друг от друга 1,2—1,5 м, что, по-видимому, придавало устойчивость «коридору» (рис. 5). Концевые сооружения как бы сообщались посредством такого символического «коридора», покрытого сверху также плитами (рис. 6). Если сделать реконструкцию, т. е. сложить все камни, которые лежали на концах «усов» в виде завала курганного типа, то получается, что концевые завалы в свое время представляли сооружения неправильной круглой формы, выложенные из каменных плит, с выходом на восток, «в коридор». Диаметр их около 3 м, высота 1,2—1,3 м. Возможно, верх этих сооружений имел сводчатую форму (рис. 7). Северный «ус» был сооружен так же, как и южный, с той лишь разницей, что в середине круга западного завала было выявлено сооружение из плит в виде каменного ящика.

Большинство исследователей курганов «с усами» относят малый курган с захоронением лошади или ее частей и «усы» к сооружениям ритуального назначения¹³. По всей вероятности, это так и есть, ибо лошадь погребена отдельно в малом кургане¹⁴. Нахождение, как правило, под насыпью в восточной части подошвы кургана глиняного горшка, а также углей, золы и прокаленной земли под насыпью малого кургана и в сооружениях на концах «усов»¹⁵ указывает на ритуал жертвоприношения. Подробного исследования назначения

¹³ И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. Х. М. — Л., 1948, стр. 143—160; А. Х. Маргулан. К изучению памятников района р. Сары-Су Улутау. «Вестник АН КазССР», № 2 (35), 1948, стр. 54; «Археологические работы Академии наук на новостройках в 1932—1933 гг.» II, стр. 49; А. Х. Маргулан. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. «Изв. АН КазССР», № 108, вып. 3, 1951, стр. 33; М. К. Кадырбаев. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана. Автореферат. Алма-Ата, 1959, стр. 16.

¹⁴ М. К. Кадырбаев. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. «Изв. АН КазССР, серия истор., археол. и этногр.», вып. 1 (6), 1958, стр. 97, 102, 103; Его же. Могильник Сангуыр II. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 12, 1961, стр. 54; Его же. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 180.

¹⁵ «Археологические работы Академии наук на новостройках в 1932—1933 гг.», II, стр. 49; А. Х. Маргулан. Указ. раб., стр. 54; М. К. Кадырбаев. Указ. раб., стр. 100.

кургана «с усами» нами не производилось, так как это не входит в задачу данной статьи, но одно нам кажется несомненным — весь комплекс курганов «с усами» связан с ритуалом жертвоприношения лошади и с шаманистским культом поклонения солнцу.

С поклонением солнцу и огню исследователи связывают и жертвенные круги эпохи бронзы. Так, жертвенные круги в долине р. Боксай, раскопанные А. Х. Маргуланом в Центральном Казахстане, диаметром до 3 м обложены большими камнями. Каждый жертвенный круг с восточной стороны имеет ход, обозначенный разрывом кольца, и дорожку, выложенную галечником¹⁶. Жертвенный круг у с. Трушниково, исследованный А. Г. Максимовой в 1951 г.¹⁷, представлял выложенный из камня на поверхности земли круг, от которого отходили два луча шириной 1 м, заполненные бутовым камнем. Вероятно, эти два луча, отходящие от круга, а также каменные круги с входом и дорожкой, направленные на восток, и легли позднее у кочевников в основу конструкции курганов «с усами».

Дальнейшее развитие строительной техники саков и эволюцию курганов «с усами», возможно, мы видим в надмогильном сооружении усуньских племен, исследованном А. Г. Максимовой в урочище Караша 2, в Свердловском районе Джамбулской области¹⁸. Курган был огорожен двумя рядами плит, вкопанных на ребро. Кольцевая ограда с восточной стороны не смыкалась (вход). Форма и техника сооружения этого кургана близко напоминают жертвенные круги эпохи бронзы.

В дальнейшем на новом историческом этапе плоские каменные круги с отходящими лучами заменили своеобразные архитектурные сооружения в виде круглых каменных оград высотой 120—130 см, соединенных «коридорами». В оградах на концах «усов», как уже отмечалось, совершались жертвоприношения, что подтверждается находками в них прокаленной земли, древесных углей и обожженных костей животных. «Коридоры», очевидно, также предназначались для каких-то ритуальных обрядов, может быть, служили «для сообщения духов». По характеру и технике сооружения курганы «с усами» продолжают традиции жилых и надмогильных сооружений эпохи бронзы, особенно поздней. Люди эпохи бронзы прекрасно знали технику и приемы строительства и хорошо были знакомы с такими строительными материалами, как камень, дерево и глина. В поселении Атасу, иссле-

¹⁶ А. Х. Маргулан. Жертвенные сооружения. В кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура племен Центрального Казахстана, стр. 154—155.

¹⁷ А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 135.

¹⁸ По сообщению А. Г. Максимовой.

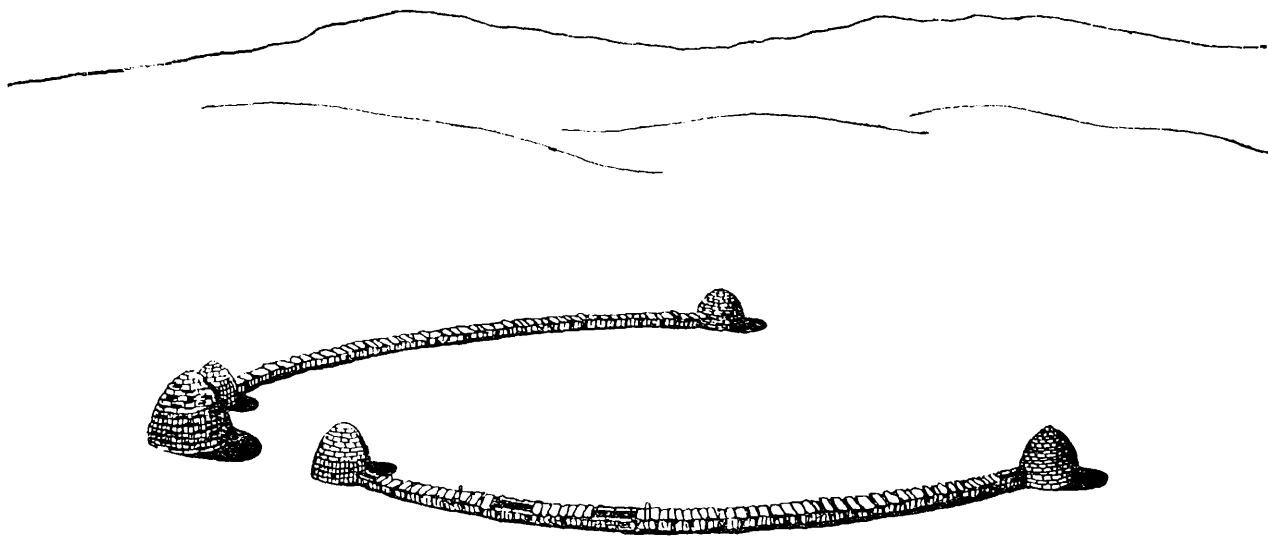

Рис. 7. Могильник Джанайдар. Реконструкция кургана «с усами».

дованном А. Х. Маргуланом в 1955 г., стены были обложены крупными каменными плитами¹⁹. В поселении Бугулы, исследованном А. М. Оразбаевым в 1963 г., при постройке землянок употреблялась смешанная техника — кладка на глине и облицовка из каменных плит²⁰.

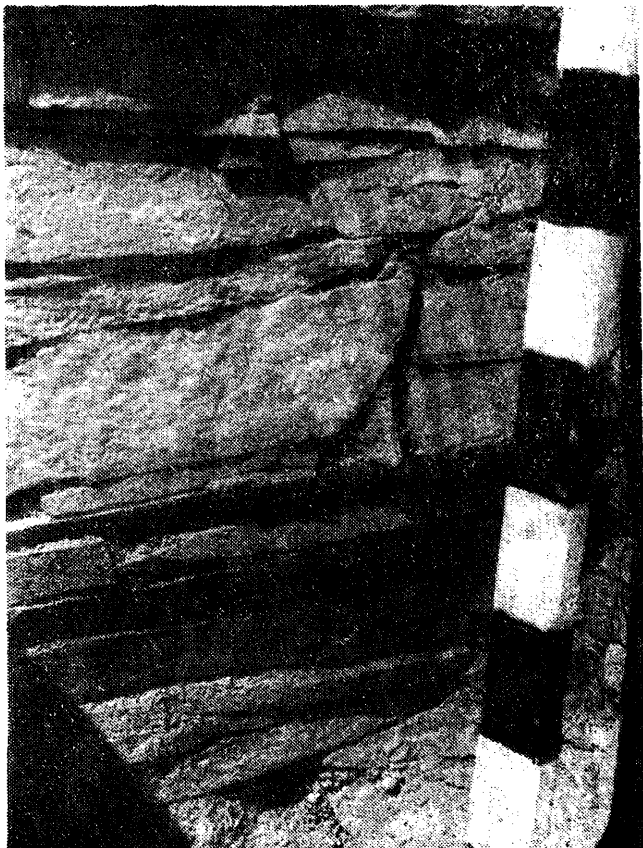

Рис. 8. Могильник Бель-Асар. Стенка цисты, сложенная кладкой с напуском.

¹⁹ А. Х. Маргулан. Архитектура древнего периода. В кн.: А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 19—20, рис. 7.

²⁰ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана, стр. 219—228, рис. 110, 111.

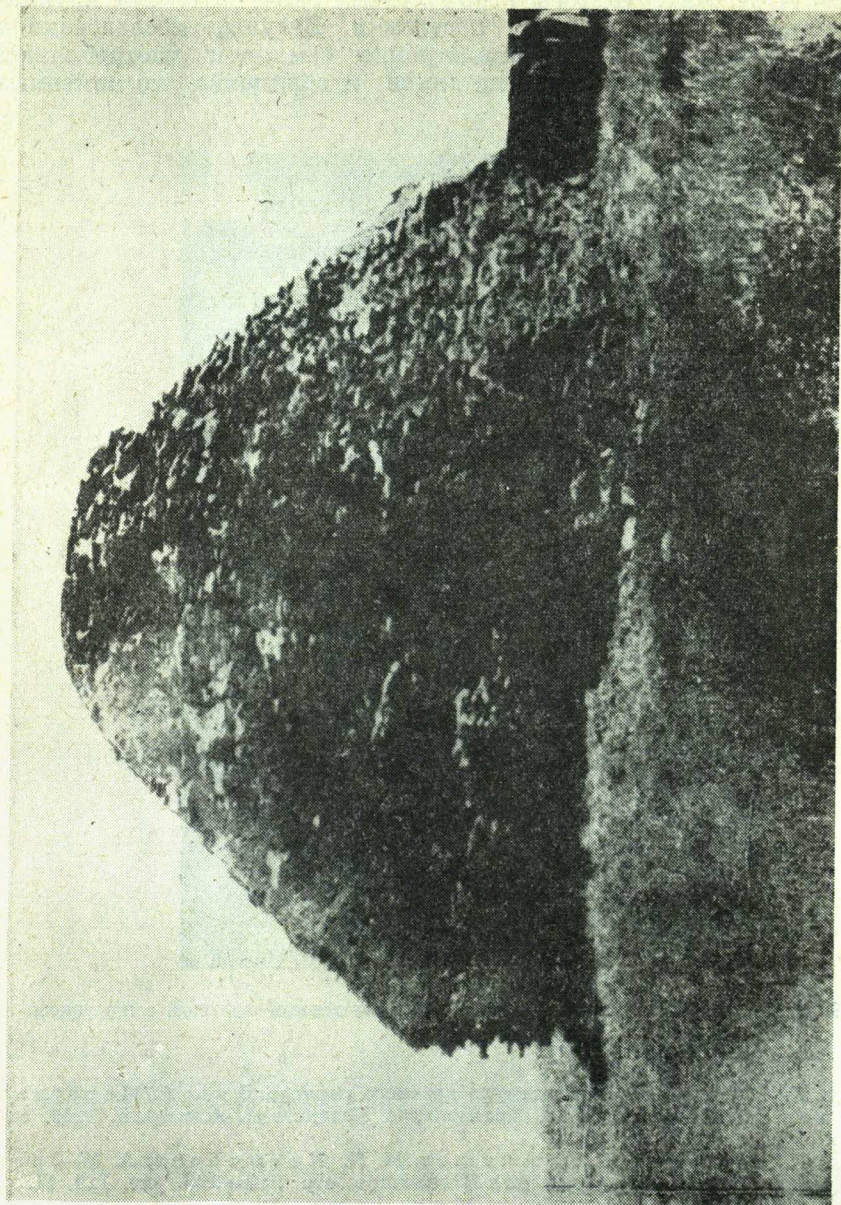

Рис. 9. Дамбаул на р. Кара-Кенгир в Карагандинской области.

Погребальные сооружения поздней бронзы, продолжая традиции строительной техники андроновской культуры (цисты, каменные ящики, ограды), в полной мере повторяют приемы сооружения жилищ. Погребение Дындыбай-11, раскопанное М. П. Грязновым в 1933 г. на реке Шерубай-Нура в Карагандинской области²¹, представляло собой каменное сооружение квадратной формы площадью свыше 27 м². Стены его толщиной до 60 см и высотой около 70 см сложены из бутового камня. Основа крыши в виде пирамидального бревенчатого сруба в четыре звена перекрыта сверху бревенчатым же накатом из 12—14 бревен, обложена камнем и засыпана землей.

В 1947—1948 гг. в урочище Бегазы в Коунрадском районе Карагандинской области А. Х. Маргуланом и Л. Р. Кызласовым исследовано погребение поздней бронзы, стены которого были сооружены из крупных каменных плит, вкопанных вертикально²².

Особый интерес для нас в данном могильнике представляют могилы с наличием «тамбуров» с восточной стороны оград (могилы № 2, 4, 6)²³. Тамбуры могил представляют собой длинные коридоры (вход), огражденные с двух сторон большими каменными плитами, постепенно понижающимися к выходу. Могильники Бель-Асар и Канаттас, исследованные автором в 1957 г.²⁴, выложены из бутового камня, прямоугольные или круглые в плане, что типично для погребальных сооружений эпохи бронзы. Описанные сооружения эпохи поздней бронзы близко напоминают конструкцию, технику и приемы сооружения курганов «с усами». «Усы» курганов представляют собой также длинные, слегка изогнутые коридоры, сооруженные из каменных плит, вкопанных в землю, перекрытые также каменными плитами. Каждый коридор соединяет два круглых в плане строения, сложенных из каменных плит.

В исследованном нами кургане высота стен круглых строений равнялась приблизительно 120—130 см. Может быть, они были и выше, так как завалы камней на концах «усов» не все одинаковые, на восточных концах они больше. Весьма вероятно, что камень с курганов использовался населением при постройке скотного двора, расположенного в 500 м севернее от кургана. Судить о том, было ли перекрытие у

²¹ «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», II, стр. 49; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, М., 1952, стр. 130—131, рис. 1—2.

²² А. Х. Маргулан. Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г., стр. 13—18; Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан, Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII. М., 1950, стр. 126—136.

²³ А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана, стр. 34, рис. 26.

²⁴ А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 59—74.

Рис. 10. Могильник Бегазы. Надмогильное сооружение поздней бронзы.

Рис. 11. Урочище Кызыл-Тас. Казахское надгробное сооружение из камня.

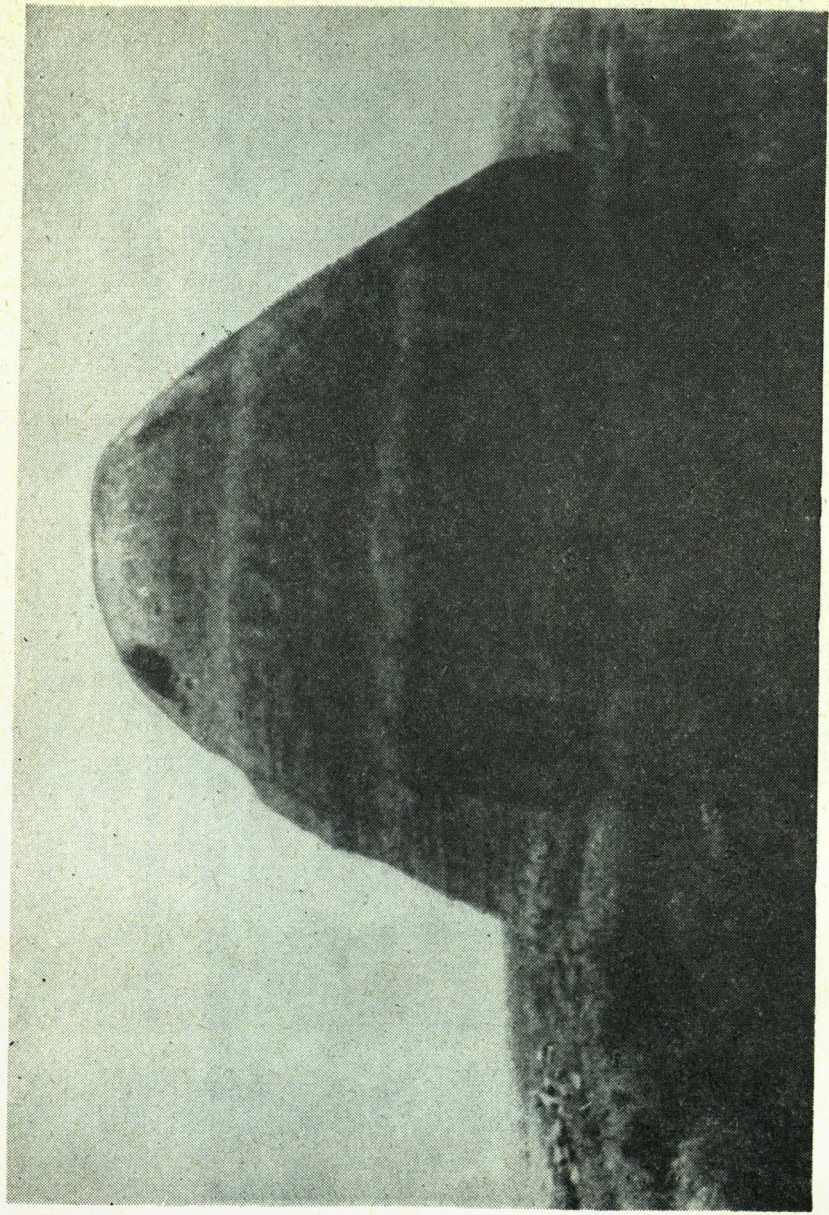

Рис. 12. Юртообразный казахский мазар из сырцового кирпича.

этих сооружений и, если было, то какое,— трудно. Однако, если учесть, что следов деревянного перекрытия в завалах не найдено, можно предположить, что перекрытие могло быть только конусообразным, выполненным методом кладки с напуском, что возможно было сделать лишь из камня. Известно, что в более раннюю эпоху, эпоху бронзы, исследователям удалось обнаружить зачатки решения ложного свода посредством кладки с напуском, широко распространенной в поздних сооружениях на территории Казахстана²⁵.

В полевом сезоне 1968 г. автором статьи при исследовании могильников поздней бронзы Бель-Асар и Егзек в семи погребениях обнаружены цисты. Стены цисты сложены из сланцевых плит посредством кладки с напуском (рис. 8). Кладка с напуском начинается с 25—30 см от основания цисты (дна могилы).

Современные казахские надгробные сооружения из камня и глины, широко распространенные по всей территории Казахстана, во многом в своей основе сохраняют строительные приемы, технику и архитектурные формы древнего периода.

Так, мавзолей Дамбаул и Уй-Тасы (рис. 9), относимые М. Мендикуловым²⁶ к наиболее древним архитектурным памятникам Казахстана, по строительным приемам (кладка из каменных плит, положенных плашмя), по форме (юртообразные строения) аналогичны каменным юртообразным надмогильным сооружениям поздней бронзы (рис. 10) и концевым куполообразным сооружениям курганов «с усами».

Традиционные приемы строительства из каменных плит мы видим и в широко бытующих по Казахстану надгробных сооружениях в виде прямоугольных оград (рис. 11). Та же техника и тот же материал применялись в строительстве казахских зимовок и хозяйственных построек (мал кора, шоп кора).

Дальнейшее развитие древней архитектуры и строительных приемов мы видим в казахских надгробных сооружениях из сырцового кирпича, повторяющих форму древних юртообразных жилищ (рис. 12).

Итак, джанайдарский курган «с усами» — один из древнейших архитектурных памятников Казахстана. Конструкция сооружения, техника и строительные приемы его являются одним из звеньев в непрерывном историческом процессе развития строительной техники и самобытной архитектуры казахского народа, в основе которых лежат архитектурно-строительные приемы племен глубокой древности, которые населяли Казахстан.

²⁵ М. Мендикулов. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана. «Изв. АН КазССР, серия археол.», № 80, вып. 2, 1950; Г. Г. Герасимов. Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата, 1957; А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана.

²⁶ М. Мендикулов. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана.

Л. А. ЧАЛАЯ

ольшинство известных стоянок эпохи неолита Центрального Казахстана приурочено к родникам¹. В отличие от них стоянки этого времени, открытые на территории юго-восточной окраины Тургайской столовой страны, связаны с речными террасами².

Рельеф этой местности выражен сочетанием мелкосопочника и волнистых равнин денудационного и аккумулятивного происхождения. Существенным элементом рельефа является широко разветвленная гидрографическая сеть. Район расположен в зоне резко континентального климата, отличающегося очень незначительным количеством осадков, большими перепадами сезонных температур, сильными ветрами. Малое количество осадков, неравномерное их распределение по сезонам и

¹ А. Г. Медоев. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. «Вестник АН КазССР», 1965, № 5, стр. 87.

² Коллекции Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР, собранные сотрудниками Аркалыкской экспедиции Б. Е. Варнавских, А. И. Гуськовой, Ж. Дуйсебаевым, Г. Н. Николенко (1964).

большая испаряемость — основные причины маловодности рек. Поэтому они не имеют постоянного стока и в летнее время распадаются на плесы³.

Наиболее крупная здесь река — Каратургай, имеющая сумбериональное направление, и ее правый приток широтного направления — Каинды. Они имеют первую и вторую надпойменные террасы. С первой террасой и связаны стоянки культуры микролитов и отдельные находки образцов каменного инвентаря⁴.

Всего зарегистрировано 19 стоянок. Долина р. Каратургай представлена 5 местонахождениями, бассейн р. Каинды — 14. Две стоянки погребенные — местонахождения № 4, 5⁵. Остальные открытого (наземного), обычного для аридной зоны Казахстана, типа⁶. Инвентарь непереотложен — залегает в первоначальном положении. Субстрат — пески, супеси, суглинки.

На трех стоянках обнаружены фрагменты керамики. Наибольший интерес представляет керамика с местонахождения № 4. Среди четырех имеющихся обломков три орнаментированы. Тесто сосудов изготовлено из глины с примесью крупнозернистого речного песка. Сосуды плохо обожжены. Венчик слегка отогнут наружу, по горловине проходит орнамент, сделанный, вероятно, гребенчатым штампом. Каменный инвентарь по всем стоянкам представлен в количестве 1325 экземпляров.

В качестве сырья использовались цветная яшма, яшмо-кварцит и на некоторых стоянках (в основном на стоянках долины р. Каинды) кварцит.

Нуклеусы в данных комплексах встречены в незначительном количестве. Они призматической (очень редко правильной) и клиновидной формы, невысокие (3,5—4 см).

Наличие отщепов различной величины, начиная от крупных (5×4,5 см; 3×3,7 см), нередко со следами корки выветривания, и кончая мелкими чешуйками, позволяет восстановить процесс раскалывания камня обитателями этих стоянок.

Пластины и пластинки небольших размеров (длина 1,2, 1,9, 3,6 см и т. д., тонкие, узкие, обычная ширина 0,5 см и очень редко до

³ А. Е. Репкина. Черты геоморфологии и молодой тектоники района истоков рек Сары-Тургай и Кара-Тургай. «Ученые записки КазГУ им. С. М. Кирова», т. XV, вып. 1, 1954, стр. 41.

⁴ Высота первой надпойменной террасы 6—8 м, ширина от 200 м до 3—4 км. Стоянки расположены ближе к бровке террасы, т. е. ближе к воде.

⁵ Раскопки не проводились. Инвентарь извлечен при расчистке обнажений. В данной работе рассматриваются материалы главным образом открытых стоянок. Погребенные стоянки и связанные с ними вопросы стратиграфии осадочных образований голоцена — тема специального сообщения.

⁶ А. Г. Медоев. Указ. раб., стр. 86—87.

1,5 см), треугольные и трапециевидные в поперечных сечениях. Так, на местонахождении № 2 найдено 98 экземпляров изделий; из них 50 экземпляров пластин и пластинок, причем почти все фрагменты. Особое внимание обращают на себя микропластинки (в наибольшем количестве они найдены на стоянке № 5). Ширина их колеблется от 0,2 см до 0,4 см. Спинки сохраняют негативы предыдущих сколов, продольные края тонкие и острые.

Большинство сколов несет следы вторичной обработки. Среди пластинок имеются экземпляры с заостренной ретушью со стороны спинки на продольных краях и скошенным концом. Встречаются пластинки с одной небольшой выемкой или несколькими. Немногочисленные изготовленные из пластин скребки относятся к типу концевых, имеют прямой рабочий край, отделанный тщательной ретушью. У некоторых обработаны ретушью и продольные края. Однако в основном, применяя технику сечения, пластинки использовали на изготовление вкладышей. Среди них имеются отдельные геометрические микролиты, например, трапеции (3 экз.).

Особо выделяется наконечник стрелы из тонкой и узкой пластинки, жало которого оформлено противоположающей очень мелкой ретушью.

Во всех комплексах орудия из отщепов значительно преобладают над орудиями из пластин. Скребки из отщепов округлых или треугольных очертаний чаще всего с выпуклым, высоким рабочим краем. Четко выраженных проколов, сверл, резцов очень мало.

Наконечники стрел, обработанные двусторонней ретушью, представлены фрагментами, что затрудняет определение их форм.

Следует отметить наличие в данных комплексах наконечников дротиков или копий листовидной формы, обработанных с обеих сторон плоскими сколами, края заострены ретушью.

Таким образом, индустрия стоянок носит ярко микролитовидный характер и относится к кругу тех микролитических культур, в которых изделия геометрических форм спорадичны.

Судя по орудиям, встреченным на стоянках, основным занятием населения была охота, которая, вероятно, дополнялась собирательством и рыбной ловлей. Местоположение и густота стоянок, а также сравнительно небольшое количество инвентаря на каждой из них свидетельствуют об их кратковременности, о частой перекочевке охотников вдоль рек, долины которых в начале голоцена были еще относительно благоприятны для развития охотничье-собирательского хозяйства.

Из описания видно, что материалы данных комплексов имеют некоторые общие черты с микролитическим инвентарем Западного Казахстана⁷. Между тем, судя по абсолютному отсутствию крупных,

⁷ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. 25, 1949, стр. 49—58; Е го же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. 31, 1950, стр. 141—147.

«типично-неолитических» орудий и большому вниманию, уделенному изготовлению орудий из мелких отщепов, наибольшее сходство устанавливается с каменной индустрией из Сары-Арка⁸ и Ферганы⁹.

В Казахстане микролитические комплексы различного технического и типологического состава выделяются довольно явно. Каменная индустрия Северного Приаралья¹⁰ далеко не совпадает с материалами, например, культуры микролитов из Северного Прибалхашья¹¹. Но вряд ли есть смысл выделять в этих случаях культуры. В Казахстане в эпоху неолита существовала одна микролитическая культура, но в разных вариантах и промежуточных вариациях¹². Это ясно, прежде всего, из соотношения орудий¹³. Так, например, если в Северном Приаралье они делались главным образом из относительно крупных пластин¹⁴, то в Северном Прибалхашье — исключительно из мелких отщепов¹⁵, а в бассейне р. Каратургай, где орудия из мелких отщепов доминируют, орудия из пластин все же есть.

Здесь производство определенных видов сколов-заготовок и их количественное соотношение полностью обусловлены типологическими стандартами. Отсюда в тех индустриях культуры микролитов, которые базируются на орудиях из отщепов, никогда не встречаются предназначенные для снятия пластин крупные нуклеусы и наоборот.

Таким образом, наличие вариантов культуры микролитов на территории Казахстана в эпоху неолита сомнений не вызывает.

⁸ А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований. «Изв. АН КазССР, серия обществ. наук», № 4, 1964, стр. 95—96.

⁹ Ю. А. Заднепровский. Неолит Центральной Ферганы. КСИМК, вып. 108, 1966, стр. 35—38.

¹⁰ А. А. Формозов. Микролитические памятники азиатской части СССР. СА, 1959, № 2, стр. 47—59.

¹¹ А. Г. Медоев. Указ. раб., стр. 95—96.

¹² Это ни в каком случае не исключает вероятности существования в Казахстане и немикролитических культур эпохи неолита, например, типа гиссарской (А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. «Материалы II Совещания археол. и этногр. Средней Азии». М. — Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 176—184).

¹³ Основано на суммарных характеристиках. Статистические показатели для комплексов микролитической индустрии Казахстана в литературе не приводятся.

¹⁴ А. А. Формозов. Указ. раб., стр. 48—50, рис. 1 (13—21).

¹⁵ А. Г. Медоев. Указ. раб. стр. 95—96.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана	5
Ф. Х. Арсланова. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане	43
Р. З. Бурнашева. Клады медных монет из г. Туркестана	58
Г. Б. Зданович. Покровский могильник на р. Ишим	69
О. Исмагулов. Антропологические данные о тюрках Прииртышья	80
М. К. Кадырбаев. Акмола — памятник андроновской культуры	91
Н. Н. Костенко, Х. А. Алпысбаев. Значение палеолита для расчленения антропогенных отложений	107
М. Н. Кланчук. К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене	121
А. Г. Максимова. Подбойные захоронения сакского времени	136
А. Г. Медоев. Наскальные изображения у горы Айракты на полуострове Мангышлак	146
М. С. Мерциев. Поселения XIII—XV вв. в Западном Казахстане	153
Б. Нурмуханбетов. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана	162
А. М. Оразбаев. Курган «с усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник	175
Л. А. Чалай. О культуре микролитов эпохи неолита в бассейне р. Каратургай	192

КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ КАЗАХСТАНА

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии
и этнографии Академии наук Казахской ССР*

Редактор **В. И. Настенко**, худож. редактор **И. Д. Суших**, художник
И. Д. Суших, техн. редактор **П. Ф. Алферова**, корректор **А. П. Маврина**

Сдано в набор 26/II 1969 г. Подписано к печати 29/IV 1969 г. Формат
70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 14,33. Уч.-изд. л. 15. Тираж 1230.
УГ02210. Цена 1 р. 75 к.

Типография издательства «Наука» КазССР, г. Алма-Ата, ул. Шевчен-
ко, 28. Зак. 24.